ДЖУЛИАН АССАНЖ

НЕАВТОРИЗОВАННАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

АЛЬПИНА БИЗНЕС БУКС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Джулиан Ассанж, основатель скандально известного сайта WikiLeaks, где публикуются секретные или закрытые для общего доступа сведения, разоблачающие коррупцию и злоупотребления в странах Средней Азии, Китае, России и на Западе. Его имя известно во всем мире. Его ненавидят и боятся правительства и корпорации, военные и политики.

Эта книга рассказывает не только о работе WikiLeaks, но и о моральном и политическом развитии его основателя, о его детстве и юности в Австралии, о путешествиях по Европе, Азии и Африке и о многом другом, что происходило с автором вплоть до сегодняшнего дня.

Историю своей жизни Ассанж начал писать в декабре 2010 года, в разгар борьбы с обвинениями в сексуальных преступлениях и гневных заявлений американских политиков после публикации секретных материалов дипломатического корпуса США.

Книга написана от первого лица, но в последний момент автор пожелал расторгнуть контракт на издание, посчитав ее слишком личной и откровенной. Вопреки воле автора издатель рискнул напечатать книгу с подзаголовком «Неавторизованная автобиография».

К сегодняшнему дню книга уже переведена на 35 языков мира.

- Джулиан Ассанж
  - От британского издателя
  -
  - 1. Одиночное заключение
  - 2. Магнитный остров
  - 3. Бегство
  - 4. Мой первый компьютер
  - 5. Шифропанк
  - 6. Обвиняемые
  - 7. В будущее – дорогой точных наук
  - 8. Рождение WikiLeaks
  - 9. Мир, где вольно дышится
  - 10. Исландия
  - 11. Сопутствующее убийство
  - 12. Вся редакторская рать
  - 13. Кровь
  - 14. Кейблгейт

- Послесловие
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42

- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50

Джулиан Ассанж
Джулиан Ассанж: Неавторизованная автобиография

От британского издателя

Джулиан Ассанж подписал контракт с Canongate Books 20 декабря 2010 года. Предполагалось создать в какой-то степени мемуары, в какой-то – манифест. И уже в следующем, 2011 м, году издательство планировало выпустить автобиографию Ассанжа.

В то время Джулиан говорил: «Надеюсь, книга станет одним из документов, свидетельствующим о сплоченности нашего поколения. В этом, исключительно личном, сочинении я рассказываю о нашей глобальной борьбе за новый тип взаимодействия между народами и их правительствами».

В итоге произведение оказалось чересчур личным.

Джулиан тогда находился под домашним арестом в поместье Эллингем-холл (Норфолк); он потратил больше пятидесяти часов на интервью и провел множество бессонных ночей, обсуждая с писателем, нанятым для работы над текстом, свою жизнь и деятельность WikiLeaks. Но мысль о публикации автобиографии начинала все более его тревожить. Прочитав первый вариант, подготовленный к концу марта 2011 года, он заявил: «Любые мемуары – проституция».

Выпуск книги был уже запланирован издательствами тридцати восьми стран мира, и именно в этот момент, 7 июня 2011 года, Джулиан сообщил, что хочет расторгнуть контракт.

Мы не согласны с оценкой, которую он дал книге. В ней, по нашему мнению, Джулиан раскрывается как человек, абсолютно преданный правде, и это многое проясняет в его деятельности. Он не раз высказывал пожелание, чтобы книга была хорошо написана. Мы разделяем такое мнение и считаем книгу вполне достойной наших читателей.

Теперь о контракте. К тому времени, как Джулиан решил разорвать наше соглашение, он уже потратил весь аванс на оплату услуг своих адвокатов. Следовательно, договор остается в силе. Мы намерены соблюсти его, то есть издать автобиографию Ассанжа.

Таким образом, перед вами первый вариант книги – вариант, не согласованный с автором, но, подобно автору, такой же страстный, провокационный и категоричный. Этот текст соответствует первоначальной идее, и мы горды тем, что публикуем его.

Canongate Books,

Сентябрь 2011 г.

Если хочешь построить корабль, не созывай людей, чтобы они валили деревья; не назначай им сроков для выполнения работ, а лучше пробуди в них страсть к бескрайним просторам моря.

Антуан де Сент-Экзюпери[1]

1. Одиночное заключение

Мне повезло: я рос в атмосфере, перенасыщенной вопросами, поскольку родители мои были людьми весьма любопытными. Поэтому годы спустя мне выпало на долю нажить врагов, ненавидевших меня за это правдоискательство. Даже собственное имя можно было бы забыть под теми потоками брани, которые обрушивали на меня. Однако я отлично знаю, кто я есть, и надеюсь, смогу рассказать все сам. Меня зовут Джулиан Ассанж. Однажды в Лондоне я был объявлен в розыск. На этом история могла бы и закончиться, если бы не осложнения – осложнения, связанные как с обстоятельствами того времени, так и с моей личностью. Обычно про прошлое говорят, что оно похоже на чужую страну[2], но и будущее, если это допустить, может стать точно таким же: воистину открываются глаза на мир, когда тебя мчит куда-то полицейский фургон.

Все вокруг выкрикивали мое имя. Будто скандировали лозунги. Фоторепортеры облепили окна и скреблись в них, словно крабы в ведре. Я ощущал, как раскачивается фургон, казалось, он вот-вот перевернется; а ведь это были всего лишь журналисты, пытавшиеся меня сфотографировать. Я сполз вниз и уткнул голову в колени – совсем не хотелось, чтобы меня выставляли преступником. В какой-то момент я посмотрел вверх и увидел, как они, пытаясь поймать меня в кадр, со стуком упирают камеры в тонированные стекла. Я закрыл голову руками. Внезапно машина резко тронулась с места. Несомненно, остальные задержанные не подозревали, кто я. Некоторые из них, не ожидавшие такого рывка, попадали в своих отсеках, о чем можно было судить по их крику и грохоту. Других вся эта суета и тряска лишь рассмешила. Шоу закончилось. Через сорок минут мы достигли ворот Уандсвортской тюрьмы. Это случилось 7 декабря 2010 года.

У входа в тюрьму, как это ни странно, я почувствовал уверенность. Полагаю, в какой-то степени это было связано с пониманием, что мое ненормальное положение тщательно расследуется. Я знал: мир следит за мной. Поэтому мои беды чего-то стоили – они шли на пользу правильному делу, а я стал тем, кто открыто принимал огонь на себя. В глубине души меня, конечно, ужасала мысль, что из-за нашей работы на мне будет стоять клеймо преступника, но я полностью отдавал себе отчет: это только увеличит ценность наших дел и обострит дискуссию о справедливости и законности. То была не смелость, а всего лишь хитрая тактика. Меня попросили сдать личные вещи,

которые в тот прекрасный день свелись к шариковой ручке и 250 фунтам наличности. Мне приказали раздеться, чему я подчинился, и мне немедленно выдали тюремную одежду – серый свитер и серые штаны. Когда в Уандсвортскую тюрьму в 1895 году перевели Оскара Уайльда, он пришел в благородное возмущение, обнаружив, что ему не выдали жилета. «Умоляю, простите мне мою вспышку», – сказал он стражнику. Я постараюсь не сравнивать себя с Уайльдом и умолчу о собственном скудном запасе жилеток, однако ирландец не мог не прийти на ум в этой омерзительной викторианской каталажке. Потом мой адвокат рассказал, что я сидел в той же камере, в которой томился Оскар. Не очень в этом уверен, но меня не покидали мысли о его мужестве в борьбе с предубеждениями; с ним обращались ужасно и содержали в нечеловеческих, просто душераздирающих условиях. Должен сказать, что в Уандсворте мне вспоминались многие узники прошлого и настоящего.

Я много думал о Брэдли, молодом американском солдате, который подвергался жестокому обращению в американской тюрьме[3], по моему мнению, он был бесцеремонно осужден лишь за то, что забил тревогу по поводу незаконных военных действий. В тюремной камере его история постоянно занимала мои мысли.

Попав в подобную ситуацию, человек непроизвольно начинает мерить камеру шагами. Подобно пантере в клетке, он мечется в поисках выхода. Расхаживая туда и обратно, пытаясь физиологически приспособиться к крохотному пространству, я планировал свои дальнейшие действия. Я понимал: все происходящее мерзко и уродливо, но оно ненадолго. Вы убеждаете себя в этом до бесконечности и пытаетесь сосредоточиться. А за стенами тюрьмы, стараясь вытащить меня, мои адвокаты работали до поздней ночи, но, казалось, их мир отстоит от моего на множество световых лет. Я кружил по камере и как никогда чувствовал смысл слова «одиночка».

Вентиляционное отверстие моей камеры оказалось закрытым обычным листом писчей бумаги, видимо, мой предшественник таким образом боролся с шумом и холодом. Позже, когда охранники выключили свет, я наконец понял, что такое самое худшее – полная изоляция. Я, живущий ради одной цели: устанавливать информационное взаимодействие, вдруг понял, насколько тяжко сидеть вот так, взаперти, и не иметь возможности слышать что-либо самому и быть услышанным кем-либо. А если учитывать специфику работы WikiLeaks, то мое положение становились особенно трудным. Ведь мы вели информационные войны с изрядным числом противников, и некоторые ситуации требовали моего непосредственного

ежечасного вмешательства. Когда утром включили свет, я уже знал, что надо выяснить в первую очередь: как отсюда звонить. Могут тюремщики проявить снисхождение и разрешить парню доступ к Интернету? Маловероятно. Однако мой жизненный принцип – никогда не терять надежды, и тогда невозможное остается невозможным лишь до тех пор, пока ваше воображение не докажет обратного. Вот почему я непрерывно думал, продолжал надеяться и в конце концов нажал кнопку экстренного вызова.

Мне разрешили встречу с начальником тюрьмы. Именно по его распоряжению я находился в крыле «Онслоу», где содержались «особо опасные» заключенные. Эта часть Уандсворта, состоящая из нескольких ярусов и имеющая отдельные камеры, славилась своей особой культурой. Судя по всему, начальник решил отправить меня туда из-за риска, что на меня нападут другие заключенные. Странное предположение: все, с кем я там встречался, определенно стояли на моей стороне. Крыло «Онслоу» было заполнено насильниками, педофилами и мафиозными боссами, иногда там сидели знаменитости. Я находился один в камере, и по-прежнему мне не разрешали пользоваться телефоном. Ни позвонить, ни написать, ни поговорить с коллегами – ни одного шанса. В этой клетке я чувствовал себя вызывающе дерзким, но полностью безоружным.

Камера находилась в подвале размером примерно два на четыре метра, в моем распоряжении имелись кровать, раковина, унитаз, стол, шкаф и грязно-белые стены. Бóльшую часть стены занимала серая пластиковая конструкция, обеспечивавшая воду и систему вентиляции для умывальника и туалета. При разработке системы пытались минимизировать вероятность, что узник покалечит себя, в результате все было унылым, сглаженным и скрытым от глаз. Умывальник – без крана, унитаз – без бачка и даже без рычага для слива воды. Все автоматизировано или управлялось прикосновением руки. На стене у кровати размещалась кнопка экстренного вызова врача; также висела занавеска, закрывающая унитаз. Наверху в стене было пробито маленькое зарешеченное окно с расстоянием между прутьями около четырех сантиметров. Окно выходило на тюремный двор – небольшую площадку, окруженную неприступным забором, покрытым несколькими слоями колючей проволоки. Иногда по утрам я видел ноги заключенных, проходящих мимо окна, слышал крики, обрывки шуток и разговоров. Установленная над дверью инфракрасная камера наблюдения непрерывно следила за мной. Ее глаз, уставившись на меня, всю ночь светился угрюмо-

красным цветом. Сама дверь – абсолютно гладкая, без ничего – была снабжена глазком, прикрытым снаружи металлической пластинкой.

Поскольку заключенные проявляли ко мне повышенный интерес, то кто-нибудь обязательно заглядывал в глазок, любопытствуя, чем я занимаюсь, и пластинка, поднимаясь и опускаясь, беспрестанно пощелкивала. У Робера Брессона есть фильм «Приговоренный к смерти бежал»[4], там удар ложкой по кирпичной кладке может показаться звучанием оркестра, – прекрасное кино, но прежде всего блестящая работа звукооператора. В Уандсворте каждый звук был именно таким: наполненным пустым пространством и эхом. Когда пластинку глазка приподнимали, она скрипела, и я чувствовал на себе чей-то взгляд. Что и говорить. Они хотели знать, как я справляюсь со своим положением узника. Или как я выгляжу. Сегодня мы живем в такое время, когда ни одна знаменитость не может себя чувствовать защищенной от любопытства и подглядываний; вскоре сквозь дверь я начал слышать разное шептание. Причем шепот наполнял все пространство камеры: «Осторожнее, следи, с кем говоришь»; «У тебя все будет хорошо»; «Не доверяй никому»; «Ни о чем не волнуйся».

Казалось, я попал в какую-то дурную версию «Барбареллы»[5]. Мне хотелось быть свободным и заниматься журналистикой, а не торчать здесь, изображая мученика. И все, чему я научился в жизни, не только не помогало, а делало просто невозможным переварить бюрократический ад тюрьмы и преодолеть позорный ужас перед слепым давлением власти. Каждый час заключения – это партизанская война против посягательств на ваши права и против вторжения в вашу жизнь разной писанины и отупляющих правил. Вы хотите подать всего лишь заявку на приобретение почтовой марки, – но рискуете заработать переохлаждение уймой разных способов. Когда меня перевели в новое крыло, я продолжал добиваться своего права на звонки. И это напоминало настоящий сталинизм. Бóльшую часть времени, проведенного там, я потратил на то, чтобы выбить звонок адвокату. Для звонка нужно было набирать заранее оговоренный номер из заранее представленного списка и иметь деньги на телефонном счету. Счет мог быть местный или международный, но для каждого требовалась своя форма заполнения. Причем и заполучить, и передать назад эти формы – суровое испытание. Я столько раз заполнял бумаги, что почувствовал себя диккенсовским персонажем из «Холодного дома», участником тяжбы «Джарндисы против Джарндисов». Нескончаемый процесс. Я должен был указать имя, телефонный номер, адрес и дату

рождения человека, которому я собирался позвонить. После этого – заполнить форму, чтобы получить PIN-код для местных звонков и еще один – для международных. Все начиналось как фарс, затем превращалось в кошмар и изощренную пытку. Бланки форм ходили туда-сюда или просто терялись. И когда в итоге ты добирался до телефона, на разговор выделяли лишь десять минут. А потом не полагалось звонить в течение пяти минут. Звонки – кроме разговоров с адвокатами – записывались, однако требовалось предпринимать особые шаги, чтобы еще доказать, что ваш собеседник – адвокат. Именно по этой причине тюремное начальство принимало только офисные телефонные номера, а не мобильные, хотя юристов лишь по мобильному и достанешь. И всё в таком духе – кафкианские миазмы мелких гадостей и помех.

В конце концов мне удалось поговорить с матерью и адвокатом. Я также попытался дозвониться до Дэниела Эллсберга – человека, предъявившего миру «Документы Пентагона»[6]. Он не отвечал. Выяснилось, что Дэниел в то время как раз приковывал себя к воротам Белого дома. (Чтобы не допустить этого, у него забрали наручники.) «Добрый день, Дэн, – сказал я его автоответчику. – Привет тебе из подвалов викторианской каталажки. Послание всем остальным: „Вам бы здесь побывать“».

Шли дни, и мне стали подсовывать под дверь документы, некоторые – ночью, сопровождаемые шепотом. Среди них было много газетных вырезок и подборок, скачанных из Интернета, с пометами заключенных. Одна из статей называлась Is Rape Rampant in Gender-Equal Sweden? («В Швеции с ее равенством полов бесчинствуют насильники?»). В тюремном заточении обычно расцветают как всевозможные теории заговора, так и характерное для узников содействие в юридических делах. Заключенные, безусловно, обладают немалым опытом, и большинство из них строги и к себе, и к окружающему их порядку, принимая как должное, что тюремная система явно настроена на выжимание из них всех соков. Многие из тех, кто подбрасывал мне под дверь корреспонденцию, были подлинными экспертами по судебным ошибкам, и это служило утешением в ночные часы. Было бы глупостью с моей стороны думать, будто все заключенные невинны, но некоторые – определенно, и я чувствовал, что эти документы и письма – проявление солидарности. В тюрьме естественно испытывать сильный гнев, я и злился, выписывая восьмерки по своему загону, словно спятившая пчела, и пытаясь хоть чем-то себя занять.

Как-то утром я получил конверт, а внутри – ничего. Стоя под

окном, я мог видеть падающий снег. Кажется, это происходило 10 декабря. Потом я выяснил, что в конверте должен был лежать журнал Time. Обложку украшало мое лицо, а рот мне закрывал американский флаг. В передовице меня назвали «исключительно талантливым шоуменом». Может быть, так оно и есть, но в тот момент я себя таковым не ощущал. Пока, вместо того чтобы почитывать Time, я мотал свой срок и ради нотки разнообразия все высматривал что-то новое в продуваемой щели под дверью – пусть даже какую-нибудь чепуху, но предназначенную для заключенного номер A9379AY. Вот так и бывает: тебе затыкают рот, тебя держат во тьме, твою личность сводят всего лишь к номеру, а ты высматриваешь свет, проникающий из окна или из-под двери.

Один из самых нужных документов подсунул мне заключенный по имени Шон Салливан. Это была копия договора «Об экстрадиции между Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии и правительством Соединенных Штатов Америки», подписанного Дэвидом Бланкеттом и Джоном Эшкрофтом[7] в марте 2003 года. Седьмая статья касалась смертной казни, и в ней говорилось, что государство, от которого требуют экстрадиции, вправе отказать в ней, если в стране, делающей запрос, рассматриваемое правонарушение может караться смертной казнью. Между тем американские политики уже призвали к моей экстрадиции, чтобы предъявить мне обвинение по закону «О борьбе со шпионской деятельностью». Конгрессмен Питер Кинг написал Хиллари Клинтон, что я возглавляю «террористическую организацию» и обращаться со мной следует соответственно. Тот самый Питер Кинг, который, погромыхивая жестяной банкой, шатался по улицам Нью-Йорка и собирал деньги для Ирландской республиканской армии. Сам он называл себя «Олли Нортом по ирландским вопросам»[8]. Меня изумляло, насколько эти официальные блюстители, преследующие нас за «правонарушения», сами агрессивны и преступны. Я прочитал документ и вновь осознал: независимо от того, что обо мне говорили или выдумывали, я был лишь пешкой в большой игре. Мне оставалось только сохранять ясность мысли, принимать на себя весь огонь, переносить насмешки, издевающиеся над моим характером и моими целями, – и продолжать работать.

Я получал письма и даже сумел отправить несколько, но, поскольку бюрократическая машина работала безотказно, это постоянно сопровождалось какими-то трудностями. Тюрьма подобна острову, и ее обитатели могут казаться людьми совершенно недоступными – конкретное и вполне жизненное

воплощение продажной власти. Поэтому письма помогали мне ощущать хоть чью-то заботу и чувствовать себя человеком в бесконечной веренице дней, проведенных в Уандсворте. В письмах угадывалась совсем другая страна, а не та Англия, где только умели поливать помоями, – страна, где люди осознавали, что они сами должны стоять на страже своих свобод. Из Хэмпшира: «Дорогой Джулиан, вы меня не знаете. Я лишь один из миллионов граждан по всему миру, видящих, что происходит, и не ослепленных политическими играми, жертвой которых стали вы». Из Талс-Хилл: «Всегда помните, что достижения WikiLeaks жизненно важны для развития нашего мира. P.S. Посылаю вам книгу головоломок, чтобы было чем занять себя». Из Бейзингстока: «Я поддерживаю вашу позицию и думаю, вы стали жертвой, пострадали от влиятельных сил». Из Йоркшира: «Слышите, как рушится их каменная крепость? Продолжайте свое достойное дело. Вам всегда будут рады в Северном Йоркшире. Кроме того, в этой части света прекрасный Интернет». Из Эссекса: «Мне кажется, ваша история заставила многих людей сесть и по-настоящему задуматься о власти, политике и коррупции». Из Мерсисайда: «Мы думали о вас прошлым вечером и надеемся, что вы в целости и сохранности в этом неприятном месте. Когда вас выпустят, не могли бы вы приехать к нам на Северо-Запад и объяснить людям, как важна свобода мысли, слова и информации?»

Некоторые письма приходили на рождественских открытках, с подписями вроде «Пожилая дама» или «Друг». Менее дружелюбной оказалась вырезка, которую мне прислали примерно в то же время: статью «Assassinate Assange?» из Washington Times. Придумал этот чудный каламбур[9] некто Джеффри Кунер, который решил несколько остудить пыл восторженных чудаков: «Господин Ассанж – не журналист и не издатель. Скорее, он вражеский солдат, и относиться к нему следует соответственно». Если кто-то и не понял, что все-таки хотел сказать автор, то в последнем предложении Кунер сам развеял все сомнения: «Мы должны относиться к господину Ассанжу точно так же, как к другим опаснейшим террористам, то есть убить его».

Наверное, меня должны были бы возмутить и такой образ мысли, и подобные высказывания коллеги-журналиста в мой адрес, но я давно уже усвоил, что многие журналисты – не более чем стенографисты могущественных людей. Так чего же удивляться, что Джеффри Кунер хотел видеть меня мертвым, если телевизионная звезда и клоун-губернатор Сара Пэйлин уже назвала меня «антиамериканским агентом, чьи руки в крови»?

И если меня счел «врагом США» сам генеральный прокурор Эрик Холдер, то надо ли изумляться словам неоконсерватора Чарльза Краутхаммера на канале Fox News, предупредившего, что мне придется оглядываться через плечо всякий раз, как я выйду на улицу. Бывший советник Буша Джек Голдсмит, возможно, думая расшаркаться перед американскими СМИ, заявил, что их «патриотизм» облегчил правительству работу со средствами информации. Если когда-нибудь мне пришлось бы получить такой «комплимент», думаю, я уволился бы сразу.

Когда я возвращался в камеру – из прогулочного дворика или библиотеки, – мои собратья-заключенные пялились на меня. Тюремная администрация параноидально боялась, что кто-нибудь из них сфотографирует меня мобильным телефоном. Телефоны в тюрьме под запретом, но у многих они были, и все шло к тому, что моя фотография появится в газете. Так что начальник тюрьмы назначил охранника, который сопровождал меня повсюду.

– Они думают, все хотят до меня добраться.

– Кто думает?

– Начальство.

– Ну, у каждого есть цена, а у них за душой ничего.

В комнате для посещений я познакомился с католическим священником. Мне не требовалось духовной поддержки, да я и не считал себя подходящим кандидатом на ее получение; но этот человек был из Уганды, и я почувствовал родство с ним, так что мы поговорили и посмеялись. Возвращаясь назад, я заметил на книжной полке в коридоре книгу Солженицына «Раковый корпус». Я взял ее в камеру и окунулся в нее с головой – вековая мудрость о бесчеловечном мире и утешение от милосердной книги. Там есть рассказ об одной образованной интеллигентной женщине, ее мужа забрали в исправительно-трудовой лагерь, и в разговоре с Костоглотовым, главным героем, она признается в своих сомнениях, что и как ей следует говорить сыну:

> …Нагружать всей правдой? Да ведь от нее и взрослый человек потонет! Ведь от нее и ребра разорвет! Скрывать правду, примирять его с жизнью? Правильно ли это? …Да еще и удастся ли? – мальчонка ведь и сам смотрит – видит.
>
> – Нагружать правдой! – Олег уверенно вдавил ладонь в настольное стекло[10].

Во внешнем мире сотни газет писали обо мне. Я слышал об этом от своих сторонников, и это заставило меня многое переосмыслить. Самой масштабной операцией в истории публикаций секретных материалов стал «Кейблгейт»[11]. Дальше

я задумался над моей шведской историей – причинами, ее вызвавшими, и ценой, которую приходится платить. Действительно ли я спровоцировал ненависть этих женщин, просто не позвонив им? События во времени разворачиваются последовательно, но в наших воспоминаниях – вовсе не обязательно. В тюрьме я думал о своем жизненном пути, о возможностях, кризисах и в конце концов погрузился в раздумья о мире, стоящем за всем этим. Судил ли я об этом мире неверно или мои действия вполне соответствовали тому, чего я пытался добиться? Не слишком ли сильно я пнул янки под дых? Я полагал, что после бесчисленных злоключений всех людей, вовлеченных в мои проблемы, дело все-таки разрешится, а я вынесу урок из этого полного потрясений года. Что и говорить, в одиночном заключении я осознал силу моего гнева – у меня его хватит еще на сотню лет, но моей задачей было продолжать публиковать материалы дальше и наблюдать, как на них реагирует мир.

Слушания о моем освобождении под залог проходили 14 декабря в Вестминстерском магистратском суде на Хорсферри-роуд. Зал суда был переполнен, как, собственно, и улица, по которой меня везли в полицейском фургоне. Кто-то сказал, что в районе вокзала Виктория дороги слишком коварны, и я улыбнулся, подумав: «С вероломством я уже успел познакомиться, так что мир дорогам». Обвинители были намерены противодействовать залогу ценой любых обстоятельств: изображать меня злодеем из фильмов о Джеймсе Бонде; человеком, обладающим широкими связями; настоящим компьютерным магом, способным увильнуть от любых средств надзора. Они предполагали, что я могу взломать электронные браслеты, какие надевают при домашнем аресте. Безусловно, мы могли бы такое сделать; однако обвинители были падки на самые низкие слухи, в большом количестве поставляемые журналистами. Им требовался злодей с серебристыми волосами; псих, вечно поглаживающий своего кота; маньяк, помешанный на массовом соблазнении женщин и захвате мировой власти. Было и интересно, и одновременно тревожно наблюдать, как люди, сбитые с толку тянувшимися за мной грязными заявлениями и публикациями, утрачивали чувство справедливости. Противостоять им не было никакого смысла. Обо мне уже успели составить нужное представление, а я не находил в себе ни соответствующего опыта, ни желания бороться с этим. Но вот моим юристам, насколько я понимал, придется сражаться и с обвинением, и с журналистами, предполагавшими, что они смотрят фильм, а не участвуют в торговле человеческими

жизнями.

Судья на моем процессе вынес порицание тем присутствующим, которые пользовались Twitter. Этот жест выглядел довольно символичным. В британских судах неуважение к судье зачастую влечет санкции, а в центре моего дела всегда было, можно сказать, поколенческое бунтарство. (Позже совет Высокого суда постановил, что использование Twitter в суде допустимо.) Сумма залога тоже вызвала немало шума. Я был только правозащитником и главой некоммерческой организации, но газетные публикации, написанные в бойком голливудском стиле, побудили суд установить невероятную сумму залога – 240 тысяч фунтов. А меня продолжали посещать мысли вроде: «Нет, я не стану жертвой этой ситуации. Я не преступник». Такие чувства бурлили во мне весь день, с того момента, как меня привезли в суд в фургоне. Камеры опять стучали в окно, и я смотрел вверх, складывая пальцы в «знак мира». Фотография попала во все газеты, хотя с моей стороны этот жест был импульсивным, всего лишь попыткой сказать: «Вы не превратите меня в скукожившегося от страха преступника». Меня пытались раздавить в крохотной камере, но в тот день я прибыл в суд, будучи уверенным, что все складывается – и не на их, а на наших условиях.

Однако надо мной все еще висела угроза. Я начинал осознавать, что, вероятно, теперь вся моя жизнь – сплошная опасность. Сидя на скамье подсудимых, я противопоставлял их обвинениям свое чувство достоинства и истины. В моем понимании это был показательный процесс, и когда им не удавалось найти брешь в нашей аргументации, они выпускали свою конницу и давили меня тяжелыми колесницами. И я учился этой игре. Там, на скамье подсудимых, я вдруг понял, что они не знают меня. Возможно, я был лишь порождением их собственного напуганного воображения; обвинители, как многие политики во многих странах, представляли меня воплощением угрозы, тогда как в огромное число обычных людей наша организация вселяла надежду. Я посмотрел на своих сторонников в задних рядах и помахал им.

В тот день, 14 декабря, меня выпустили под залог, но тут же сообщили, что шведские власти оспорили решение суда, а значит, я отправляюсь в Уандсворт. Тяжкий удар: мне опять придется расстаться с друзьями и единомышленниками и прервать консультации с адвокатами. И вот снова я в тюремном фургоне, ползущем сквозь толпу журналистов; снова я вхожу в камеру и слышу, как за мной захлопывается дверь. Однако, как я уже сказал моей матери до суда, мои убеждения остались твердыми,

и никакие обстоятельства не поколеблют мои идеалы.

Проведя еще две ночи в тюрьме, я вернулся в суд 16 декабря и на этот раз предстал перед Высоким судом. Следующие два дня были посвящены формальным вопросам. Мне нечего сказать о судье, за исключением того, что он вел себя так, будто ему через плечо заглядывал корреспондент Times. Иначе трудно понять, почему он счел нужным установить столь высокий залог и столь строгий домашний арест. По мнению судьи, в зале стоял некий теневой лидер, киношный мафиозный заправила, который может испариться в любую минуту в клубах дыма, умчаться на мощном вертолете или исчезнуть в лучах лазеров. На деле моя ситуация выглядела куда более обыденной, чем ему представлялось. Я ничего не имел: ни дома, ни машины – вообще почти ничего, лишь сумку с телефонами. Судья так и не понял этого и, по сути, определил мне наказание лишь в качестве меры предупреждения. Против меня не было выдвинуто обвинений, меня только хотели допросить в стране, чьим мотивам я в то время не имел никаких оснований доверять. Вот и все.

В результате деньги, собранные моими сторонниками в качестве залога, были переведены, а кассация шведской стороны отвергнута. Я вот-вот должен был очутиться на свободе. Сколько она продлится, я не знал. Мне предписали находиться под домашним арестом в доме моего единомышленника в Норфолке и ждать до февраля слушаний об экстрадиции. Но в тот момент в суде я ликовал. Лично я рассматриваю свое пребывание в тюрьме как травматический опыт, но эти испытания только придали мне смелости и оказались весьма поучительными; я наконец увидел масштабы того, чего добился WikiLeaks. Этот опыт заставил меня углубиться в собственное прошлое и давал надежду на будущее. Теперь мы официально выступали против власти старого порядка; против его фундаментальных основ; его мощи, позволяющей затыкать людям рты; против его устрашений.

Я вышел из дверей суда чуть раньше шести вечера. Удачный момент, чтобы попасть в прямой эфир вечерних новостей. Адвокаты стояли у меня за спиной, и я сразу услышал приветственные выкрики и увидел толпу фотографов и журналистов. Уже стемнело, но там, где я находился, было светло от вспышек фотокамер. Собралось множество людей, хотя уже за три метра невозможно было что-то разглядеть из-за темноты и сильного снегопада. Я молча стоял, шум постепенно утихал, а я все думал, что же сказать. Мне следовало поблагодарить многих людей, но, хотя пришло время праздновать, я мысленно был с теми, кто все еще сидел по тюрьмам всего мира, кого заточили в одиночные камеры и о ком

молчала пресса. За них никто не внесет залога, и у них нет шанса выйти на свободу.

Не правда ли, снег смягчает картину, останавливает бешеную гонку жизни, приглушает звуки? Когда я стоял около суда, именно так все казалось, и тогда ко мне пришла ясность. От вспышек сотен фотоаппаратов светились снежинки. Несколько мгновение я вглядывался в их кружение, и там, на ступенях лестницы, мне стало очевидно: чтобы увидеть этот снег, я прошел очень долгий путь.

2. Магнитный остров

Для большинства людей детство – прежде всего климат. Мое детство – это абсолютная жара, влажность и голубое небо над головой. В памяти осталось лишь то, что чувствовалось кожей, и еще прохладные ночи в тропической саванне. Я родился в Австралии, Северном Квинсленде, Таунсвилле – там, где деревья и кустарники спускаются к морю и открывается вид на Магнитный остров. Летом начинался сезон дождей, и мы всегда были готовы к наводнениям. Вообще говоря, там замечательно. Подобная жара пропитывает тебя до костей и уже навсегда остается с тобою.

Обитатели Таунсвилла жили в пригородных домиках, и для многих уже сбылась их «австралийская мечта» – они обзавелись домиком и машиной. В конце 1960х годов неподалеку от города располагалась военная база. Население Таунсвилла составляло около 80 тысяч человек, а местную экономику представляли производство шерсти и сахара, добыча ископаемых и рубка древесины. По какой-то не очень понятной мне причине в городе проживало довольно много итальянцев, в основном работавших на фермах сахарного тростника. Я хорошо помню то состояние общности и тесной сплоченности, отличавшее их среду. Итальянский язык стал у нас вторым по распространенности. Догадываюсь, что во многих отношениях наш город сохранял полную приверженность традициям – под нескончаемым потоком солнечного света в нем жили и скучали тихие, трудолюбивые люди. Таунсвилл можно назвать отдаленной провинцией в стране, которая сама по себе считалась отдаленной провинцией мира. Примерно так казалось поколению моей матери, которая уже в 1970 году мечтала повидать мир или хотя бы увидеть, как он меняется.

В тот год Кристина – живая, яркая и творческая девушка, любившая рисовать, – купила мотоцикл. Матери так надоели серые школьные будни, что, как только ей исполнилось восемнадцать, она оседлала свой байк и умчалась в Сидней, за три с лишним тысячи километров от дома. И все-таки Кристина была деревенской девушкой; потом она рассказывала мне, насколько сильно большой город давил на нее. Однако ее ожидала новая жизнь, полная неожиданностей. Однажды на углу Оксфорд-стрит и Гленмор-роуд в районе Паддингтона, рядом с армейскими казармами, она встретила массовую демонстрацию против войны во Вьетнаме; и неожиданно возникшая живая картинка современной истории не прошла мимо ее сознания.

Мать не особенно поняла, о чем идет речь, но мощный эмоциональный поток воодушевленных людей ее захватил и увлек. Она навсегда запомнила, как у самого ее уха прозвучал мягкий голос. Его обладателем оказался двадцатисемилетний интеллигентный парень, носивший усы. Он спросил, пришел ли с ней кто-то еще, и, когда она ответила «нет», он взял ее за руку.

Около шестидесяти тысяч австралийцев ушло на вьетнамскую войну, которая стала в истории Австралии самым долгим вооруженным конфликтом. Было убито пятьсот человек и ранено три тысячи. Высший подъем антивоенного движения отмечался в Австралии как раз в мае 1970 года, когда познакомились мои родители. На митинги в крупных городах вышло около двухсот тысяч человек. Некоторых даже арестовывали за раздачу листовок – по тогдашним законам это запрещалось. В Австралии за семидесятыми закрепилось название «протестное десятилетие» (в 1973 году в Сиднее прошел гей-парад), и мои родители – юная творческая девушка и вошедший в ее жизнь интеллигентный парень с митинга – превратились в закаленных демонстрантов. В таком развитии событий есть даже нечто театральное: в консервативном обществе зазвучали новые голоса. Полагаю, нонконформизм я впитал с молоком матери, так как довольно рано понял: единственная настоящая страсть, придающая смысл твоей жизни, – чувство протеста. Уверен, что в такой атмосфере я и был зачат.

Вернувшись в Таунсвилл, 3 июля 1971 года мать поехала в больницу «Базель», где примерно в три часа дня я и родился. Мать говорит, что был я кругленьким, шумным, темноволосым и похожим на эскимоса.

Не побоюсь признаться, что у моей матери Кристины есть и всегда была естественная склонность: выслушивать других и тут же поступать иначе – вскоре и я подхватил эту привычку. Моя бабушка вспоминает, каким мечтательным и всему удивляющимся ребенком я рос; не мне с ней спорить, хотя, скорее всего, уже в раннем возрасте я мечтательно изумлялся происходящему на военной базе Таунсвилла. Так или иначе, моя бабушка укачивала меня под навязчивые мелодии греческих песен Марии Фарандури, и я успокаивался. Когда мне было всего несколько месяцев, мы с матерью переехали в коттедж на Магнитном острове, в дом, окруженный эвкалиптовыми и манговыми деревьями.

Простите мне эти прустовские отступления, но, думаю, благодаря материнскому влиянию я вырос законченным сенсуалистом, перед моим мысленным взором до сих пор

всплывают многочисленные пестрые шарфы, которыми мать занавешивала плетеную колыбель. Через них проникал свет, рисовавший узоры на моих руках и ногах. Когда я немного подрос, она стала брать меня с собой в слинге, а позже – в рюкзаке, я нежно любил его и называл «юксак». Раннее детство, думаю, очень важно. Именно тогда зарождается на всю жизнь наша способность удивляться. Моя мать, наделенная особым даром любви, обладала талантом делать жизнь гораздо интереснее, чем та была на самом деле. И не стоит этого недооценивать, ведь некоторые родители умудряются внушать своим детям скуку еще до того, как открывают рот. Вероятно, свое воздействие на детскую душу оказывал и сам Магнитный остров – пропитанный свободой, прекрасный райский уголок, населенный людьми, которые больше нигде на земле не нашли подобного места. В те времена там обосновалось около тысячи человек; скорее всего, это была ныне забытая коммуна хиппи. И я не могу списать со счета влияние ее атмосферы, расслабленной от наркотиков и от буйной природы. Представьте себе ребенка, растущего исключительно среди араукарий и капустных пальм, конечно, он будет висеть и раскачиваться на них, подражая зверушкам. Какая-то частица Магнитного острова навсегда осталась со мной.

Моим первым словом было «почему». Оно же стало и любимым. Мне совсем не нравилось сидеть в манеже, но я полюбил книги, хранимые в нем матерью. Так я научился читать: сначала освоил книжки Ladybird, затем пошли рассказы про Тарзана, сказки Доктора Сьюза и «Скотный двор»[12]. С самого начала моей жизни меня постоянно перевозили, но Магнитный остров – так его назвал Джеймс Кук, которому показалось, что остров мешает работе компасов, – оставался местом, куда мы всегда возвращались. Мне исполнилось два года, когда мама встретила парня из бродячей труппы, музыканта по имени Бретт Ассанж, и он стал мне хорошим отчимом. Довольно много времени наша семья проводила на свежем воздухе. Каждый день мы купались, а потом я рыбачил с дедушкой на реке Сэндон и Акульем пляже. Помню, как мы с матерью мчались по холмам на мотоцикле и я протягивал руки к деревьям, пытаясь сорвать свисавшие над головой фрукты. Мы селились то в одном, то в другом месте, что всегда возбуждало во мне ощущение новых открытий, и без устали, не закрывая рта я забрасывал взрослых вопросами. А родители никогда не увиливали от моих «почему, зачем и откуда». Они выкладывали мне все версии и предоставляли всё решать самому.

К пяти годам я уже успел пожить во множестве домов. Жизнь

в Северном Квинсленде казалась мне непрестанным пиршеством передвижения, и вне этого воздуха странствий и любознательности я уже не мог ни жить, ни дышать. Моя мать не была профессиональной активисткой, но осознавала необходимость перемен. На какое-то время мы поселились в Аделаиде и обходили дома, собирая подписи за прекращение добычи урана. Как правило, рыбацкие сети становились смертельной ловушкой для дельфинов, и мы в знак протеста отказались питаться тунцом; а затем, когда все-таки удалось изменить практику рыбной ловли, мы гордились, что внесли свой вклад в это дело. Когда мы жили в Лисморе, мать на четыре дня попала в тюрьму за протесты против вырубки тропических лесов. Все это довольно ненавязчиво обеспечивало мне прочное образование в искусстве политического убеждения. Наша семья всегда остро понимала, что перемены возможны.

Иногда я проявлял жестокость. Дни моего детства в чем-то напоминали эпизоды из «Тома Сойера». С утра до вечера находясь на открытом воздухе, я учился справляться с окружавшей меня природой и преодолевать разные препятствия. Часто, вооружившись нежно любимой лупой, я бродил в зарослях кустарника. Непримиримая вражда царила между мной и сахарными муравьями: они строем пересекали тропинку, а я их безжалостно сжигал своей линзой, тогда оставшиеся в живых забирались в штаны и кусали мне ноги. Еще хуже были муравьи-портные, распространенные в лесах и низинах Австралии. Они не только кусались, но и впрыскивали в рану едкую жидкость из своего брюшка. Муравьи водились самых разных видов, и ни один из них, на мой детский взгляд, не мог спастись от моего увеличительного стекла. Мне казалось естественным наказывать их за враждебные действия, прибегая к самой солнечной силе. О войне между пятилетними мальчиками и муравьями складывают легенды.

Нашей семье приходилось сталкиваться с настоящей жестокостью. Родители путешествовали с небольшой бродячей труппой, устраивали кукольные представления, разыгрывали разные сценки. Наверное, кому-то такая жизнь могла бы показаться богемной. Мать с отчимом протестовали против войны и участвовали в демонстрациях. Они приезжали в разные города и покидали их. В глазах жителей Квинсленда, никак не принадлежавших к среде хиппи, мои родители выглядели людьми искушенными. Мать сама оформляла сцену, выходила играть, вместе с мужем делала декорации и читала книги. Кое-кто считал, что подобным образом жить не положено, – так я впервые столкнулся с человеческими предрассудками. Однажды мы

вернулись на Магнитный остров и сняли дом среди холмов. От жары воздух был вязкий, а люди все – сонные. В Австралии, да и в других странах, атмосферный воздух – очень важный фактор, влияющий не только на физическое, но и на умственное состояние населения. И когда я вспоминаю нашу жизнь в том доме на острове, я думаю, что человеческая ограниченность во многом обусловлена климатическими условиями. Некоторые наши соседи были именно такими ограниченными людьми, и особенно их задевали взгляды моих родителей на свободу.

В ванную комнату повадились заползать змеи, и на этот случай мы держали наготове ружье. Однажды, поднимаясь на холм, мы увидели, что наш дом горит. Около двадцати местных жителей стояли вокруг и наблюдали, как пламя лижет веранду. Никто не пытался затушить огонь. И вдруг патроны, хранившиеся в доме, начали взрываться. Один из соседей засмеялся и сказал в наш адрес, что мы не выдержали жары. Это было ужасно подло. Пожарная бригада приехала только через сорок минут. Во многих смыслах именно тот пожар стал моим первым, очень важным и сложным детским воспоминанием. Из раннего детства я помню огни, краски и разные происшествия, но здесь было нечто иное: речь шла о таких темных сторонах человеческой природы, которые еще долго будут поражать меня. Местные жители, казалось, даже испытывали некоторое удовлетворение от пожара, находя в нем заслуженную кару за наши претензии. Я увидел – возможно, впервые в жизни, – как люди, обладающие даже небольшой властью, могут тянуть время ради самоутверждения и как бюрократия превращает человеческое сердце в камень. Они как будто сознательно позволили природной стихии действовать своим чередом, но в этом было что-то дьявольское.

Такова была муниципальная власть. И осознание принципов ее устройства запустило во мне какие-то процессы. Наверное, легкомысленно искать источники своего характера в событиях прошлого, правда, это может быть простительно журналисту и совершенно необходимо тому, кто пишет автобиографию. С раннего возраста я интересовался, как все работает. Лишь только мне позволили взять в руки инструмент, я начал разбирать двигатели. Строить плоты. Обожал конструктор Lego. В шесть лет я попытался собрать примитивный металлоискатель. Вот мои самые первые впечатления от мира: он казался местом, где можно добиваться результата; проявлять пытливость ума; создавать что-то новое.

Еще в раннем возрасте я понял, что у всех этих дел есть и социальный аспект. Я сколотил свою шайку ребят – вместе проще добиваться задуманного и при этом весело проводить

время. Мы собирались в крупном, выведенном из эксплуатации сланцевом карьере. В его заброшенной шахте остались крытые навесы для хранения оборудования, транспортные средства, техпаспорта, журналы регистраций и даже детали взрывных устройств. Мы часто наведывались туда, поскольку считали шахту своей территорией – местом, где мы могли существовать автономно от любой власти. Скалы и заброшенные постройки кишели юркими исполинскими ящерицами – их еще называют синеязыкими сцинками, – иногда нам попадались кенгуру-валлаби. Карьер был окружен бамбуковыми зарослями, и иногда я самостоятельно отправлялся побродить между толстыми полыми стволами. Помню, как в один очень жаркий день я пробирался к самому центру леса. Я чувствовал себя одиноким, но полным сил и, когда все-таки добрался до цели, достал нож и вырезал свое имя на толстом обрубке ствола. Около восьми лет назад я вернулся туда и был удивлен, насколько легко, оказывается, передвигаться через бамбуковый лес, но от этого мои воспоминания отнюдь не потускнели. В моей памяти детство осталось как что-то весьма значительное, полное ярких впечатлений, и, думаю, мое стремление срывать покровы с глубоко спрятанных тайн нашего мира отчасти проистекает из тех первых путешествий и поисков.

В общей сложности я посещал более тридцати школ. Такова была наша жизнь, в которой постоянство выражалось в стиле и ценностях, а не в том, чтобы парковать машину в одном и том же месте или вовремя возвращать долги. Позже такое бродячее существование приобрело более истеричный характер, и мы с матерью стали похожи на беглецов. Но вначале все казалось восхитительным, а главное – давало мне ощущение, что я в состоянии справиться с любыми проблемами. Насколько я помню, мы с мамой и Бреттом без страха шли навстречу новым приключениям. У меня было счастливое детство, и огромную роль в этом сыграли радость открытий и уверенность, что правила нужны ради того, чтобы их нарушать.

Мне и моим друзьям, из которых я собирал ватаги, не была чужда некоторая детская мудрость, но и предрассудков нам тоже хватало. В какой-то момент мы вдруг решили, что итальянцы – наши враги. Многие из них непременно асфальтировали пространство вокруг своих домов. Они покупали дом с цветущими яркими бугенвиллеями, тут же выкапывали их, вычищая все, асфальтировали сад и устанавливали там дорические колонны. Сегодня мне стыдно за себя, но тогда я выступал против этой привычки, и моя борьба казалась мне важным делом. Наверное, я был из тех детей, которые вечно

ищут, против чего бы им выступить. Однажды у нас дома готовили обед, и оказалось, что нет помидоров. А у наших соседей-итальянцев помидоров была куча. Мама попросила у них немного, но ей отказали, и это меня доконало. На следующий день я принялся копать туннель из нашего сада в их сад. Чтобы быстрее закончить дело, я позвал ребят из нашей компании с лопатами и фонарями. Работа была тяжелой, но мы в полной секретности прокопали ход под забором и совершили набег на их сад, скрывшись с двумя корзинами помидоров. Одну из них я вручил матери, и она ухмыльнулась. Мы решили подождать, что же будет дальше. А дальше было вот что. Вскоре у нашей двери возникли двое полицейских, и они тоже ухмылялись. Один из них просто стоял, покачиваясь на пятках. Таким оказалось мое первое столкновение с законом. Скандал запомнился надолго, хотя одну корзину мы вернули. Но я был счастлив, ведь вторая корзина осталась у меня и была надежно спрятана.

Не знаю, был ли я эксцентричным или еще каким, но точно – упертым. Меня отправили в одну из тех штайнеровских школ[13], где все подчинялось идее самовыражения. Помню, там была противная маленькая девочка, которая не хотела делиться самокатом. В соответствии с философией школы я решил выразить себя без всякого стеснения и стукнул ее молотком по голове. Конечно, начался ужасный шум, и меня выгнали из школы, хотя с девочкой все было в порядке.

Мы продолжали постоянно переезжать с места на место. В двух сотнях километров от Брисбена находится город Лисмор, оставшийся в моей памяти благодаря школьным годам. Лисмор был, можно сказать, центром австралийской контркультуры, и позднее он стал настоящей Меккой для пеших туристов: туда могли приехать и устроиться на ночлег люди, ведущие альтернативный образ жизни. В окрестностях Нимбина в 1973 году состоялся второй фестиваль «Аквариус» – австралийский Вудсток, и после него многие остались в тех местах и организовали разные кооперативы. Родители, например, держали кукольный театр. Однако со временем началось яростное сопротивление корпоративному движению, складывалось впечатление, что кооператоры не успевают отражать удары. Крупная компания Norco угрожала самому существованию молочного животноводства, полностью находившегося в руках фермеров. Австралийский тропический лес, когда-то известный как «Большой скрэб», был полностью зачищен, остался лишь огромный шрам на земле. Все эти события волновали моих близких, а вслед за ними и меня. Я учился в школе местной деревни Гулмангар. Мне нравились ее жители,

особенно мужчины, способные постоять за себя, – именно в таком духе меня воспитывал замечательный учитель мистер Кинг. По моему мнению, даже в те далекие годы многие учителя выглядели какими-то чопорными, а учителя-мужчины – женоподобными. Кинг был сильным парнем в полном смысле этого слова; он пользовался большим авторитетом, поэтому с ним я чувствовал себя в безопасности. Думаю, мой характер во многом определяется тем, что можно назвать врожденным темпераментом, но жизненный опыт тоже играет свою роль, и я продолжаю цепляться за мысль о мужской компетентности, которую воплощал для меня этот прекрасный учитель. Хотя в целом я воспринимал школу как царство скуки и серости. Я никогда не считался блестящим учеником, но всегда жаждал знаний и нуждался в аргументации, а образовательная система ворочалась слишком неповоротливо. Помню, как молил Бога, чтобы все делалось быстрее: «Не очень верю, что Ты есть, но, если это так, я отдам Тебе два мизинца, лишь бы уроки проходили поскорее».

Еще я увлекался выдумыванием всяких баек – той формой детского фольклора, которая для маленьких одновременно служит и источником информации, и средством выражения их взглядов на окружающий мир, и носителем жизненной мудрости. Наверное, мифотворчество мне неплохо удавалось, потому что мои сомнительные, хоть и правдоподобные, басни волшебным образом влияли на сверстников. Мне нравилось рассказывать им истории о собственных открытиях; например, одно время я довольно убедительно поддерживал миф, что грязь – лучшее средство от кровотечения. Прежде взрослые представлялись мне богами, спустившимися на землю, а моя мать – высшим божеством, но постепенно открывалось, что и им свойственно ошибаться. Именно с такого и начинается осознание реальной жизни: когда ты видишь, как серьезные люди, занимающие ответственные посты и обладающие влиянием, вовсе не обязательно всегда совершают правильные поступки. Это важный урок. Я отмечал у них неспособность к состраданию, а иногда и проявления жестокости. В те годы Австралия – еще до Интернета и дешевых авиабилетов – оставалась довольно провинциальной страной, сказать хотя бы, что тогда в наших школах за проступки наказывали тростью. Я учился во множестве школ и в каждой старался завоевать нужное место в сложившемся порядке подчинения. Вместе с тем я всегда пытался искоренять иерархические проявления: жестокость, несправедливость, предрассудки – все они вылезали наружу. Из-за этого я иногда выглядел закоренелым нарушителем, а таким ребятам было

трудно в тогдашней сельской Австралии. В одной из школ меня притащили в директорский кабинет и отлупили тростью за какой-то таинственный «проступок». Потом оказалось, что в школе произошла кража и мои одноклассники повесили ее на меня.

Меня все время тянуло к книгам. Книгам и магнитам. Мой дед помнит, как я приходил в летнюю школу с сумкой, набитой книгами, среди которых лежала толстенная биография Альберта Эйнштейна. Из-за подобной склонности меня вполне можно было бы возненавидеть, но что делать с привычкой размышлять? Она или есть, или ее нет. Для меня с детства два мира: внешний материальный и внутренний умственный – сливались в одно волшебное целое, и я погружался то в один, то другой. Могу сказать, это придавало определенную окраску всему, что я с тех пор делал. Всему. Тяге к компьютерам, стремлению к справедливости, представлениям о природе власти. Именно тогда, в Гулмангаре, я почувствовал, как моя индивидуальность рвется наружу.

В моем детстве происходило немало событий, чья нравственная составляющая влияла на мой личностный рост. Однажды мои родители взялись разыграть уличное действо специально для антивоенного марша. Мама сделала из пенопласта автоматическую винтовку M16, выкрасила ее в черный цвет и приделала плечевой ремень. Отчим достал на распродаже солдатскую форму и надел ее. Мы отправились в лавку мясника, где купили литр крови. Хорошо помню, как странно на нас там смотрели. Мы вылили кровь на отчима, а позже, в тот же день, его арестовали – за фальшивый автомат. Еще один случай: мать помогала парню, участвовавшему в несанкционированных исследованиях на месте ядерных испытаний. На полигоне в пустыне Маралинга с 1952 по 1963 год с согласия правительства Австралии британцы проводили «крупные» и «мелкие» испытания ядерного оружия. «Мелкие» испытания – в ходе которых ядерные бомбы поджигали или взрывали вместе с обычной взрывчаткой либо помещали на самолеты, которые затем обрушивали на землю, – на самом деле были гораздо опаснее, чем официально признавалось, поскольку радиоактивное заражение охватывало большие территории. Однако и британское, и австралийское правительства отрицали какой-либо ущерб, причиненный солдатам и аборигенам. То, что это ложь, признали лишь много лет спустя. Так вот, приятель мамы пытался докопаться до правды, и однажды около двух часов ночи – мы только выбрались из той пустыни – мама везла нас по шоссе, и, когда парень заметил, что за нами следят, она быстро высадила его. А чуть позже нас с мамой остановила федеральная

полиция; полисмен заявил ей, что она плохо выполняет родительские обязанности – едет куда-то с ребенком в два часа ночи. Еще он посоветовал ей не соваться в политику. Она так и сделала. А я нет.

Школа создавала много проблем. Даже научивший меня массе нужных вещей мистер Кинг – эталон мужской силы, образец для подражания – не мог компенсировать то томительное чувство бесполезности, которое я испытывал в связи с необходимостью ходить в школу. Возможно, я просто рожден с ненавистью к системе, а учеба была ее частью. Я начал носить длинные волосы, что запрещалось школьными правилами. Как ни странно, меня всегда высмеивали или осуждали за мои волосы, и началось это еще в детстве. Родители советовали состричь мою белокурую копну, просто из соображений не связываться с учителями; но я вовсе не собирался отказываться от того чувства восторга, которое давало мне открытое неповиновение. Вскоре мне пришло в голову больше не завязывать шнурки обычным образом. Я придумал изощренный стиль: обвязывал шнурки вокруг лодыжки и затем затягивал их узлом, а не петлей – и стал обучать этому других детей. Потом я решил совсем расстаться с ботинками, что учителя сочли преступным деянием. Поскольку ни в одной школе я подолгу не задерживался, то в любой из них я считался новичком. И подобными актами неповиновения я заявлял о себе. У нас дома не было телевизора. Практически не водились деньги. Иногда мы ходили на рынок и за кочан капусты убирали мусор. Но я чувствовал себя счастливым: это придавало колорит унылой действительности и помогало найти собственный жизненный путь. Лишь однажды, будучи подростком, я серьезно задумался над вопросами престижа: мне не захотелось, чтобы мама подвозила меня к школе в нашей дешевенькой раздолбанной машине. То было какое-то временное помутнение рассудка, и долго оно не длилось.

К животным мы питали особо теплые чувства. Люди в основном относились к нам пренебрежительно: ну хиппи, что с них взять; а мы лишь любили природу и жили как истинные нонконформисты. Одно время родители держали кур ради яиц и трех коз ради молока. Еще у нас был внушительный бродячий зверинец, и нашему любимому псу Поссу приходилось все время соперничать за наше внимание с осликом, пони и компанией мышей. Все они участвовали в театральных сценках, которые ставила моя мать и которые шли при свете свечей. В коттедже на ананасовой ферме, где мы однажды жили, в нашу жизнь вторглись опоссумы. Как-то с нами жила большая серая птица, австралийский журавль. Мне всегда казалось, будто мы ищем

спасения от современной жизни. Теперь я понимаю, что тогда был глубоко погружен в попытки создать некую разумную систему, объясняющую связи между людьми и вещами. Я начал ее понимать только много лет спустя, когда взялся изучать квантовую механику; но тогда, в детстве, я лишь цеплялся за доступный мне мир, мир моих родителей, а одно время с радостью содержал собственный пчелиный улей.

Когда мне исполнилось девять лет, мать и отчим расстались. В то время это не показалось чем-то ужасным, но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что тогда закончился мой личный рай. Как я уже говорил, в детские годы самым ценным для меня было какое-то томсойеровское ощущение прекрасного мира, полного приключений и открытий. События, последовавшие за расставанием родителей, были уже скорее мрачными. Многим из нас безопасная обстановка раннего детства видится в светлом сиянии, и я, несмотря на переезды, перемены жилья, смену школ и отвращение к учебе, прожил те годы в состоянии естественного восторга. Мир был свежим, океан – чистым, воздух – пропитан эвкалиптовым ароматом. Но человеческая натура, конечно, не ограничивалась рамками своего физического существования, и жизнь не была бы жизнью, если была бы лишена мрачных сторон. У Бретта копились собственные проблемы, и в конце концов мать уже не смогла с ним жить дальше, так что мы переехали в квартиру над магазином в Лисморе, которую разделяли с «Театром кочевников». Мама часто зарабатывала деньги, рисуя портреты людей на рынках, а позже я и мой младший сводный брат стали болтаться рядом с ней. Я брал губную гармошку и наигрывал свой ребячий блюз.

Мы с матерью старались жить достойно, но впереди нас ждала жизнь, полная скитаний и тревог; нам снова предстояло плыть по течению, вниз по Миссисипи[14]. За время наших австралийских странствий нам многое пришлось испытать, хотя и до того мы повидали немало. В течение пяти лет мы чувствовали себя беглецами, и, полагаю, те годы, как и счастливые предшествующие, сформировали того человека, каким я стал в будущем. Бретт каждодневно наполнял нашу жизнь солнцем, искусством, музыкой и природой; его богатый опыт в театральных постановках бродячей труппы, когда он за считаные минуты мог развернуть и свернуть подмостки, – все это послужило отличной подготовкой для WikiLeaks. Далее, когда на сцене появится человек по имени Лейф Мейнелл, я расскажу, что значит подвергаться преследованию темных сил. Он станет моим первым «хвостом».

3. Бегство

Предки матери переехали в Австралию из Шотландии в 1856 году. Главой клана был Джеймс Митчелл, фермер-арендатор из Дамфриса, современник еще одного фермера – радикального шотландского поэта Роберта Бёрнса. Всю свою жизнь Бёрнс протестовал против несправедливости и тирании, он написал «Честную бедность», ставшую всеобщей «Марсельезой», гимном человеческому духу. Поэт умер в полной бедности в Дамфрисе, когда Митчелл был еще ребенком. Бёрнс прекрасно понял бы желание моих предков эмигрировать. Протестанты, как и он, они подчинялись законам национальной Церкви Шотландии, и жизнь их в заболоченных полях была тяжкой.

Хью Митчелл, Энн Гамильтон и пятеро их детей основали молочную ферму в Новом Южном Уэльсе, в Брайанс-Гэп, неподалеку от Тентерфилда. Хью хорошо знали в округе Новая Англия, и умер он в возрасте 84 лет, оставив состояние в 121 фунт и сына Джеймса, который позже застолбил себе участок земли в Барни-Даунс. Джеймс был ловким наездником и служил добровольцем на англо-бурской войне. Находясь в Родезии, он написал 2 июня 1900 года из Булавайо письмо своему сыну Альберту, в котором рассказывал о военных трудностях, об отряде и признавался, как разочарован, что не попал на фронт. Судьба прислушалась к стенаниям Джеймса, похожим на многие другие солдатские жалобы, и через два месяца его отряд разместили в Трансваале, который попал под мощную артиллерийскую атаку буров. Джеймс Митчелл, старшина взвода, умер от полученных ран. Человек, похоронивший его, написал письмо Митчеллам: «Мы выполнили наш печальный долг, самый печальный, что я видел в Южной Африке… Эта война – горестное и суровое испытание». Мои предки по отцовской линии, семьи Келли и Грир, – выходцы из Ирландии. Им принадлежал отель «Империал» в Нандле. У моего прадеда по отцу, Джеймса Грира Келли, было четверо сыновей – все они прекрасные спортсмены, известные своими достижениями в крикете и футболе. Дочь Джеймса, Мириам Келли, моя бабушка, переехала в Сидней и вышла замуж за человека по фамилии Шиптон; у них родился сын – мой отец.

Наши предки дают нам жизнь, но передают ли они нам свои цели? Не могу утверждать, что знаю их идеи, но понимаю, что то кельтское путешествие, которое они совершили в погоне за благополучием и едой, за землей и золотом, принесло им тоску по новому миру и его открытиям. Некоторые мои родственники

со стороны матери страдали от своего идеализма – жили ли они в Галлиполи или в других местах. Мой прадед Альфред Хокинс оказался на японском «Монтевидео Мару», перевозившем военнопленных, когда в 1942 году этот корабль потопила американская подлодка. Полагаю, этот печальный факт стал первым семейным опытом в плане обстрела со стороны своих. Впрочем, пострадала не только наша семья, ведь ко дну пошли и другие австралийцы, солдаты и гражданские, – всего 1051 человек. Это произошло примерно в ста километрах от филиппинского острова Лусон, и останки корабля так и не были найдены. Несколько лет назад обнаружился один выживший, японский моряк, который вспоминал, как страшно кричали австралийцы на тонущем корабле. Кто-то из них, по его словам, пел «Старое доброе время»[15]. Истории неизвестно, где именно на том корабле находился Альфред Хокинс, плакал ли он или пел, но нелишне заметить, что «Старое доброе время» написал наш знаменитый шотландский сосед Роберт Бёрнс.

Мой родной отец в моей жизни не присутствовал и вошел в нее, лишь когда я уже вырос. К этому я еще вернусь. А вот Бретт Ассанж стал для меня хорошим отцом и тем мужчиной, на которого я хотел бы походить. Бретт был одним из тех классных парней из 1970х, увлеченных игрой на гитаре и вообще музыкальной сценой. Мне досталась его весьма необычная фамилия. Она происходит от «мистер Санг», или «асанг» на кантонском диалекте: его прапрапрадед был тайваньским пиратом. Он попал на остров Терсди[16], женился на местной девушке, а потом переехал в Квинсленд. Затем он европеизировал свою фамилию, чтобы ускользнуть от повсеместной дискриминации, которой подвергались китайцы.

Когда я задумываюсь обо всех этих людях, то представляю себе разные семьи, которые убегали от горя и нищеты, искали утешение и благоустроенность и обрели свое место в Австралии. История моей матери и моя несколько отличалась от общесемейной. Мать развелась с Бреттом Ассанжем, когда мне исполнилось девять лет. Бретт был отличным человеком и хорошо обращался со мной, но вот к самому себе он не относился столь внимательно. Финал его отношений с моей матерью положил конец своего рода наивному периоду в моей жизни.

Место отчима в нашей семье узурпировал человек по имени Лейф Мейнелл. Мать познакомилась с ним, рисуя шаржи для местного колледжа. Я запомнил его тогда как довольно симпатичного блондина: светлые волосы до плеч, высокий лоб. След от прививки против оспы на его руке служил мне

доказательством, что он родился в Австралии в начале 1960х, хотя на самом деле такие прививки могли делать где угодно. По темным корням его волос было ясно, что он их красил. А однажды я заглянул в его кошелек и увидел, что все его документы выписаны на разные имена. Он был кем-то вроде музыканта и играл на гитаре. Но для нас он стал скорее загадочным призраком, несущим в себе угрозу.

С самого начала я был против. Возможно, это нормально для мальчика – сопротивляться появлению такого мужчины и вообще любого, кто будет хотеть узурпировать место отца или отчима. Лейф не жил с нами, хотя, по всей вероятности, вначале он вскружил голову моей матери. Но какими бы ни были ее чувства к нему, они быстро увяли. Она хотела его выпроводить, но Лейф обладал замечательной способностью неожиданно появляться и делать вид, что ничего не случилось. В конце концов нам пришлось спасаться от него бегством. Мы пересекали страну из конца в конец, но в любом месте, где бы мы ни останавливались, нас могло посетить зловещее предчувствие: он снова нашел нас. Он все время появлялся в нашей жизни, и это превратилось в очень серьезную проблему. У него была еще одна поразительная способность – виртуозно втираться в доверие. Однажды он ударил меня кулаком в лицо и до крови разбил нос. В другой раз я пригрозил ему ножом и сказал, чтобы он не приближался ко мне. Но для нас с матерью дело было не в физическом насилии, а в психологической власти, которую он стремился заполучить над нами.

Мы снова переехали приблизительно году в 1980 м, на этот раз в дом на северном побережье Нового Южного Уэльса, в двадцати километрах от океана. Это была одичавшая плантация бананов и авокадо. Помню, однажды я привязал своего воздушного змея к одному из столбов ограды и наблюдал, как зеленый свет проникал сквозь банановые листья. Это немного напоминало готический роман, правда, в тропиках. Лейф, видимо, выступал в роли Хитклиффа[17], правда, в шортах и шлепанцах, но он возвращался и возвращался к нам, словно некая темная сила. Моя мать забеременела от него, и Лейф, видя, к чему может привести мое противостояние, сперва пытался вести себя разумно, доказывая, что он теперь отец моего брата и моя мать хочет, чтобы он находился рядом. «Но если ты не захочешь, – сказал он, – я немедленно уйду». Лейф хотел остаться с нами, и на время у него действительно это получилось, хотя единственным моим желанием было самому заботиться о матери и младенце. У нее начался мастит, и я выхаживал ее во время лихорадки, отпаивая апельсиновым соком. Ночью вокруг дома

стояла густая темнота, лишь луна освещала путь, и возникало глубочайшее чувство тишины и уединения.

Мать была влюблена в Лейфа. А я был слишком молод, чтобы понять природу сексуального влечения. Я просто знал, что он не мой отец и что его присутствие угрожает мне. Он то и дело пытался уговорить меня не отталкивать его, убеждая, насколько у него все ладится с моей матерью и как он хочет быть настоящим отцом моему брату. Но пришел момент, когда я просто сказал ему, что больше не принимаю никаких сделок. Он врал нам как-то особенно изощренно, до этого я даже не представлял, на какую ложь способны взрослые. Однажды он вдруг заявил: все люди с физическими уродствами должны подлежать уничтожению. Порой Лейф избивал мою мать, и чувствовалось, что этот человек способен практически на все. Я хотел, чтобы он покинул нас, как обещал, однако Лейф все отрицал, ссылаясь на якобы слабую память.

Некоторые сознательно выбирают кочевой образ жизни, а для кого-то такая жизнь становится единственным выходом из ситуации, в которую они попадают. Раньше мы переезжали просто потому, что так получалось: моя мать находила работу в каком-то очередном городе, и тогда мы там оседали и даже снимали дом. Вот и все. Но переезды из-за Лейфа приобрели характер истерии, и это уничтожило всю простоту нашего существования, на смену ей пришел страх. Потребовалось время, чтобы понять, в чем же, собственно, дело: Лейф Мейнелл состоял в австралийской секте «Семья». Теперь я понимаю, чем была обусловлены его одержимость, его эгоцентризм и порочное стремление к контролю над другими.

Секту «Семья» основала в середине 1960х годов Анна Гамильтон-Бирн. Все началось в горах к северу от Мельбурна, где члены культа собирались, употребляли ЛСД и медитировали. Анну почитали как реинкарнацию Иисуса Христа, однако к этому добавлялись элементы восточной философии, например, ее последователи лицезрели кармическое божество, одержимое очищением их душ. Анна пророчествовала о конце света, довольно забавным образом утверждая, что выживут лишь люди, обитающие в горах Данденонг к востоку от Мельбурна. Хотя секта не была особенно велика, но Анна и ее муж сумели разбогатеть, взимая деньги со своей паствы на собраниях по четвергам. Члены секты боготворили Анну, всегда появлявшуюся перед ними в голубом сиянии (за которое «отвечала» специальная осветительная система). Среди приверженцев было много врачей, представителей среднего класса, впавших в болезненную зависимость. Власть культа базировалась на том социальном

положении, которое занимали его почитатели, создавшие влиятельное сетевое сообщество. В этом смысле они напоминали масонскую ложу и довольно умело пользовались услугами высокопоставленных лиц. Собственно, это объясняет, почему Лейф всегда мог нас выследить.

Настоящая фамилия Лейфа, одного из детей, «усыновленных» сектой, была Гамильтон. На пике своей власти Анна Гамильтон-Бирн и ее муж сумели промыть мозги многим чиновникам, но в итоге их все-таки признали виновными в подделке бумаг об усыновлении. Последователи секты под действием ЛСД верили в якобы посещавшие их откровения; они с наслаждением занимались сутенерством, заманивая детей в угоду маниакальным стремлениям Анны. Был период, когда «Семья» заполучила сразу двадцать восемь детей. По всему дому стояли маленькие алтари, посвященные Анне Гамильтон-Бирн, каждому ребенку выдавали ее фотографию, что слегка напоминало культ Мао. Члены секты были одержимы сексом и внешней чистоплотностью. Сама Анна явно пребывала за границами здравого смысла: она отличалась непомерным тщеславием, отвращением к толстым или просто некрасивым людям и страстью к пластическим операциям.

Лейф Мейнелл состоял в секте «Семья». И все, что он вытворял с нами, было обусловлено его связями с культом и его последователями. Однажды, убегая от него, мы сначала поселились в холмах неподалеку от Аделаиды, а потом, когда потребовалось переехать, – в Перте, на севере Австралии. Потом мы оказались во Фримантле; сейчас это чудесный пригород, тогда это была промышленно-портовая зона. Соседка, знавшая все о нашем положении, как-то раз вернулась из молочной лавки и сказала, что видела на улице Лейфа Мейнелла. Нам снова пришлось бежать. Тогда мы доехали почти до Мельбурна и оказались в доме, который стоял на длинном узком участке земли, спускавшемся к ручью у подножия холма. Один раз я обнаружил в ручье дохлую овцу, воняющую и раздувшуюся, и использовал ее в качестве моста. Наверное, в том моем возрасте самые необычные вещи казались нормальными. В тот год стояла холодная зима, лужи замерзали, и следы моих ног в грязи покрывались коркой льда. Они походили на следы человека на Луне, помещенные под стекло. Каждое утро мне приходилось рубить дрова, разводить огонь и греть воду, поступавшую по змеевику в обогреватель. Единственной отдушиной тогда были пчелы, которых я держал вне дома. Каждое утро я бегал к ним и тихо наблюдал, как они занимаются своим делом.

Пчелам присущ особый подход к грабителям. Эти насекомые

находятся в постоянном движении, а оказавшись вдали от улья, всегда погибают. Я уверен, что чувство одиночества, о котором я говорил раньше, охватывающее человека в некоторых глухих районах Австралии, местах, где нет никакой цивилизации, очень способствует процветанию разных культов. В фермерской среде сложилось странное отношение к животным, было в нем даже что-то сатанинское. Я помню персонажа по имени Керри Калкин, державшего лавку сатанинских ритуальных предметов. Лавка была довольно заурядной, но все же ее атмосфера пугала. Она рождала ассоциации с «Повелителем мух»[18], как, собственно, и сама наша жизнь в то время, наполненная паранойей и чувством вины.

Все это начинало безумно утомлять. Постоянные переезды. Непрерывное бегство. Мы получили информацию, что Лейф все ближе: его уже видели неподалеку, на холмах в окрестностях Мельбурна. На этот раз мать столкнулась с довольно сильным сопротивлением, поскольку нам с братом была невыносима сама мысль, что снова придется хватать вещи и бежать к выходу. Маленького брата мы с мамой уговорили, пообещав ему взять с собой его любимого петуха породы красный род-айленд – высокую, гордую, сильную птицу, обладавшую чрезвычайно громким голосом. Я, отстаивая собственные интересы, заявил, что не брошу свой двухэтажный улей. А теперь представьте себе картину: истеричка-мамаша, ее двое деток, петух и пчелы – все это хозяйство погружается в видавший виды фургончик и выезжает на грязную дорогу.

Я стал почти экспертом по пчелам, а также большим специалистом по их перевозке. Вход в улей нужно заложить газетами. Пчелы когда-нибудь продырявят бумагу, но если сделать все правильно, они не выберутся наружу, пока вы не достигнете пункта назначения. Вот мама ведет фургон из Мельбурна в Брисбен, дети спят в машине, а пчелы тихо жужжат в улье. Солнце начинает подниматься, у петуха возникает непреодолимое желание сообщить об этом всему миру. Хватаю его за глотку и чувствую, как пульсирует у меня под пальцами этот дух «доброго утра», в то же время слышу, что пчелы уже тычутся в бумагу и вот-вот серьезно рассердятся. И все это превращается в кошмар. «Ну, давай же, останавливайся! – говорю я маме. – Пчелы сейчас прорвут бумагу, и настроены они очень мстительно!»

Затем мы отчаянно пытаемся найти поле с травой, чтобы выпустить пчел подышать и размяться, а петуху дать справить нужду. Пчелы жужжат все громче, машину заполняет запах меда и воска, петух радостно кукарекает, и мы останавливаемся около

огромной церкви. Петух выпрыгивает наружу и уносится в поле, я бросаюсь к задней двери и всех предупреждаю отойти в сторону, наконец я освобождаю улей от газет и выпускаю пчел. Они в бешенстве. Им нужно излить свой гнев на кого-то, желательно в перьях и коричневого. Естественно, они нападают на петуха, и втайне я тихо радуюсь, что не на нас. Птица бежит по полю, а пчелиный рой атакует ее хвост. И так происходит каждый день и каждый вечер по пути в Брисбен. Нет никакого Бога, как нет и никакого Высшего правосудия, однако во всем разлита наивная ирония природы. В один далеко не прекрасный день, когда мы уже обосновались в Брисбене, я вышел на улицу и увидел шесть или семь тростниковых жаб – больших, жирных, ядовитых, омерзительного вида, с раздувшимися мешками яда на спине. Аборигены умеют высушивать эти ядовитые мешки и обкуриваются ими. Жабы сидели в рядок и пожирали моих пчел, выползающих из улья. Горькая картина. Но суровый урок выживания в Австралии: если вы перебираетесь жить на север страны, вешайте ульи хотя бы в метре от земли.

В бегах мы научились не только путешествовать с минимумом снаряжения и запасов, с крошечными суммами денег, но и выживать в уродливых условиях. Неустроенность стала нашей нормой, и мы неплохо с нею справлялись. Австралиец Нат Бьюкенен (Старый Блюи), талантливый исследователь Австралии, любил путешествовать налегке и чувствовал себя совершенно независимым. Книга, написанная его правнучкой Бобби Бьюкенен, In the Tracks of Old Bluey («По следам Старого Блюи»), показывает нам человека, знавшего Квинсленд, понимавшего, как сосуществовать с животными и людьми; человека темпераментного и смелого, умевшего преодолевать жизненные трудности. Как и мы, Бьюкенен был бродягой ирландской породы, и, подобно нашим предкам, он передал свои привычки детям. Разница, правда, в том, что Старый Блюи шел за природой в поисках самого себя, как странник; а мы стремились затеряться, словно изгнанники, но нас преследовали силы природы, с которыми мы едва-едва могли справляться. Нат был первопроходцем, он первым, как писала Бобби, «пересек плато Баркли с востока на запад и первым провел большое стадо племенного скота из Квинсленда до конца Северной территории». Старый Блюи умер в 1901 году, за восемьдесят с лишним лет до того, как мы с мамой и братом, чувствуя себя беглецами, ехали через пустыню Танами. «Нат был колоритной и даже загадочной личностью, и история его жизни настолько занимательна, что не нуждается ни в каких преувеличениях», – говорится в книге.

Мать сменила имя. Мы сообразили, что у Лейфа есть

знакомые в управлении социального обеспечения – должно быть, налаженные связи в секте «Семья» работали безотказно. Таким образом, было правильным сменить имена, которые вводятся в государственный регистр. Но Лейф, человек весьма разговорчивый и обаятельный, мог убедить любого информировать его о нашем местонахождении, и он действительно всегда мог нас найти. Мы тогда жили в Фернтри-Галли, когда узнали о зависимости Лейфа от культа Анны Гамильтон-Бирн – нам рассказал об этом один частный детектив. Мне исполнилось шестнадцать, и я понимал, что наша история подходит к концу. Я чувствовал себя уже практически взрослым мужчиной и был готов дать открытый отпор Лейфу. Здесь можно поговорить о процессе возмужания и чувстве неудовлетворенности собой, но скажу лишь, что твердо знал: я смогу уделать его, и вроде он тоже об этом догадывался. Однажды, когда Лейф крутился рядом с нашим домом, я просто подошел и сказал, чтобы он валил отсюда на хрен. Благодаря тону, каким это было произнесено, повторять мне больше не пришлось. После той встречи мы его не видели. Какое-то время он боролся за право иметь доступ к моему брату, но все его прошлое оказалось против него, и Лейф исчез из нашей жизни.

По правде сказать, пока Лейф преследовал нас по всей Австралии, мой ум был занят не только им и маминими проблемами. Мне всегда нравилось браться за разные механизмы, разбирать их, а потом собирать заново. Полагаю, сказывалась врожденная склонность к технике, которая не ограничивалась только потребительским интересом: включать и выключать разные приборы. Нет, я хотел понять, как они работают. После ухода Бретта закончился первый период моей жизни, и я был подготовлен к дальнейшему стремительному развитию. В магазине в Лисморе я обнаружил какую-то странную машину, которая меня просто загипнотизировала, я сразу почувствовал, что столкнулся с чем-то принципиально новым. Машина стояла в витрине, и ее звали Commodore 64.

Для современного человека компьютер Commodore 64 до смешного примитивен: коробкообразный, из серой пластмассы, с диском, который вдвое крупнее моего нынешнего телефона и у которого объем меньше в сто с лишним тысяч раз. Сегодня смотришь на него и думаешь, что это реквизит, оставшийся после съемок сериала «Звездный путь», – этакое детское представление о том, каким окажется будущее. Но для меня, ребенка из провинциального австралийского городка, он действительно был будущим, и я хотел его понять.

Когда мне исполнилось шестнадцать, компьютер уже овладел

моим сознанием. Это было начало новой жизни. Не то чтобы в старой не было ничего притягательного – конечно, было, и до сих пор оно чувствуется, – но в определенном смысле я говорил только с компьютером и посредством компьютера; благодаря ему я уносился от всех бытовых проблем прямо в бесконечность, где моя индивидуальность рассыпалась на множество «я» и полностью растворялась. Позже вопрос о том, кто я есть, преследовал журналистов самого разного толка. Был ли я высокомерным или безумным? беспечным, управляемым или склонным манипулировать другими? ранимым или толстокожим? или тираном? Но та личность, которую они обсуждали, возникала лишь в их умах. Это была их фантазия. Я лишь пытался делать свою работу, невзирая на давление, и вовсе не задумывался, кто я, по крайней мере в том смысле, в каком обсуждали меня они. Сегодня люди любят поиграть в свои разные личности, им все вокруг кажется мыльной оперой. Но, утверждая, что мое «я» находится где-то вне меня, я говорю в точности то, что имею в виду: когда за душой есть компьютер и проект на всю жизнь, ты не тратишь время на пустую суету в погоне за своей индивидуальностью. Ты с головой уходишь во что-то большее и служишь ему так, как можешь.

Может быть, дело в поколении. Некоторые этого не понимают. Им так хочется втиснуть вас в старые шаблоны, навеянные литературой и кинематографом: Билли Кид или Доктор Но, Робин Гуд или Доктор Стрейнджлав. Но мне кажется, что поколение, взрослевшее в конце 1980х, мыслило совсем иначе. От компьютера нас было уже не отлучить, а когда сидишь за ним, все разговоры о собственном «я» становятся неинтересны – мы рассуждали о «нас», а иногда о «нас и них». В сознании обывателя сложился определенный штамп: компьютерный фанат, сидящий в занавешенной наглухо комнате и оторванный от реальности, в общем, почти дегенерат. На самом деле все наоборот. Дети, постоянно смотревшие телевизор, – именно они были вырваны из жизни и выросли пассивными и одинокими людьми. Да, мы не спали ночами, но лучшие из нас были заняты делом – производили то, что смотрели остальные.

Понять, о чем вы на самом деле думаете, – выйти за пределы своих мыслей, чтобы проникнуть в сознание других людей или погрузиться в сладостное забвение, – это значит поместить бóльшую часть своего разума в пространство компьютера. Не хочется выглядеть пафосным, но это не только новое бытие в мире, но и новый способ существования в собственном теле. У людей всегда проблемы с этим, и многие даже сейчас требуют, чтобы мы соответствовали старым запросам нашего эго. Но мы

уже в юном возрасте, вступив в компьютерный век, усвоили, что такое настоящая приверженность делу – это как трансплантация органа, внедрять свою жизненную силу в разумную систему, которая зависит от вас и от которой зависите вы. Прежде такое встречалось лишь в научной фантастике, но сегодня стало повседневной реальностью. Думаю, для многих я навсегда останусь чужаком: ведь я представитель того поколения, что погрузилось раз и навсегда в машины и с их помощью вступило в борьбу за законность. Благодаря компьютерам мы находим разные возможности, чтобы стать хитрее влиятельных групп из старой гвардии и стать умнее того поколения, которое само когда-то протестовало – вроде моих родителей, – но не знало, как сломать устои власти и истребить коррупцию. Можно сказать, из-за этого неумения в мире все еще существует несправедливость.

Компьютеры обеспечили позитивное пространство в негативном мире. Они показали нам, что можно начать все сначала, можно выступить против индивидуализма, против системы и построить на свежих пастбищах программного кода нечто лишенное дефектов и коррупции. Когда-то мы поняли: компьютеры изменят мир; так и вышло. Старая гвардия бросала на нас свои массмедиа; охаивала нас на всех углах; используя всю фразеологическую мощь патриотизма, обвиняла нас в предательстве «национальных интересов»; но мы всегда знали, что мир более современен, чем ей кажется. Нас ждал Каир. Нас ждал Тунис. Мы все ждали дня, когда наши технологии обеспечат нам универсальность свободы. Когда системы коммуникаций, а не стволы пушек будут поддерживать власть; и люди станут узнавать друг о друге не с одобрения узкого круга избранных, но благодаря возможности социальных сетей, имеющих огромный политический потенциал.

Таким был я в шестнадцать лет. Я отдавал всего себя своему компьютеру. Все мои детские ощущения и здравый смысл созревали под влиянием мира природы. Я рос среди яркого солнечного цвета и в тени огромных листьев, под звездами и среди пчел. Годы тайн, сложности человеческих судеб – все это также вошло в мою компьютерную жизнь, поскольку я всегда остро реагировал на события, так или иначе перекликавшиеся с сюжетами моего детства, будь то антивоенные протесты или гнет религиозных культов. И эти темы смогут быть закрыты только тогда, когда я сумею добраться до правды. Нужно иметь собственное «я» и содержать его в полном порядке, чтобы отпустить его – или опереться на него, – и я уверен, что моя работа в WikiLeaks несет призрачный отпечаток моих детских лет. *Призрачный* – потому что именно так это представляется: в любом

труде вы найдете отголоски первопричин и опыта ранних лет. Вот так все и происходит.

Перед вами история человека, который пришел в нужное время, чтобы сделать часть нужной работы. Работы, изменившей мир. Но история не начинается с работы, так как сама работа началась с истории. Вот почему я долго рассказывал о диких местах своего раннего детства – потому что и я, и моя работа уходят корнями в те прекрасные не возделанные человеком пространства. В шестнадцать лет я сел за свой компьютер и все оставил позади. Теперь только столы, старые носки, горы компьютерных дисков и недоеденных бутербродов. Мы с компьютером были как единое целое; мы блуждали вместе в ночи в поисках нового. Следующий этап жизни – взлом кодов и хакерство – оказался тем самым недостающим звеном, мостиком к будущему, на которое мы надеялись. Вскоре я уже бродил по внутренним сетям, в которых сотни тысяч машин были синхронизированы друг с другом, и теперь уже на этих пространствах я учился мыслить на компьютерном языке. Меня, как и других людей, которых я встречал на своем пути, новая жизнь выжигала изнутри. Мы жили в нашем с матерью последнем общем доме, стоявшем посреди деревьев; от отблеска дисплея мое лицо светилось синевой в темноте спальни, и соблазн свершать новые открытия вел меня дальше, в глубину ночи. Казалось, сама справедливость ждет нас по другую сторону от мигающего курсора.

4. Мой первый компьютер

В то время компьютеры продавались «пустыми», на них не устанавливали никакого программного обеспечения. Это одна из тех вещей, которой не понимают дети нового поколения. Когда им покупают их первый компьютер, на нем уже стоит масса всевозможных программ, красивая графика и много чего другого, но в мои годы был лишь один программный слой над железками. Ты мог включить компьютер и начать печатать в этой чудесной пустоте, которая только и ждала, когда ее населят новые разумы. Система была запрограммирована принимать команды – вот и всё, и ты входил в нее словно первооткрыватель, исследующий незнакомую территорию. Как в математике, в компьютерной сфере есть свое пространство и набор вероятностных законов, которые мы познавали постепенно. Все правила, модели действий и побочные эффекты приходилось открывать заново и самостоятельно. Этим мы все и занимались. Трудно было сдержать возбуждение, когда за считаные минуты ты учился делать что-то на компьютере с его неограниченными возможностями. Ты обучал свою машину набирать «Привет!», и она могла делать это до бесконечности – программа без предела. Для юноши обнаружить такую мощь – это как минимум должно увлечь, а как максимум – перевернуть сознание.

Мыслить нужно было очень точно. Компьютер не собирался думать за вас. В этом состояла разница между фразами «Я хочу, чтобы компьютер посчитал» и «Вот так надо считать». Мы, подростки и компьютерщики, занялись формулировкой точных инструкций. В школе нас этому не учили. Наши родители нас этому не учили. Мы открывали это сами, по мере того как познавали компьютерную жизнь. Конечно, среди нас были ребята, которым хотелось просто поиграть, и это нормально. Но некоторые из нас интересовались возможностью проецировать свои мысли в компьютер, чтобы заставить его делать что-то новое. Мы начали писать коды – и взламывать их.

Куда бы мы ни переезжали, я брал с собой компьютерный стол и коробку с дискетами. Это было райское блаженство. Стоило посмотреть на звезды и задуматься о бесконечности, а потом поглядеть на свой компьютер и подумать: в нем ведь тоже живет бесконечность, но только она гораздо ближе. Бóльшую часть наших первых знаний мы выуживали из компьютерных руководств, а людей, их создававших, мы считали своими проводниками. Самые лучшие руководства добывались с трудом, но мы делились информацией друг с другом; так начали

возникать неорганизованные группы ребят, которые получали доступ к определенным знаниям и могли ими обмениваться, – наше подростковое подполье. Вскоре стало ясно, что создаваемая нами субкультура вовсе не одинока, она не была сугубо местной и даже не была сугубо австралийской. На наших глазах появлялась всемирная субкультура людей, которые брали разработанные софтверными компаниями программы, модифицировали их и взламывали защитные коды, чтобы затем программу можно было скопировать и раздать друзьям. В основном делалось это ради любви к искусству: решить сложную задачу. Парни, писавшие коды, и парни, взламывающие эти коды, можно сказать, соревновались друг с другом. Правда, те, кто писал программы, работали в бизнесе, и им было не меньше двадцати лет. Мы же сидели в своих затемненных комнатах и смеялись, глядя на экран.

Парни-программисты считались авторитетами. Мы никогда не встречались с ними. Они могли оставлять в программах скрытые сообщения, спрятанные под несколькими слоями защиты, через которые нам нужно было пробраться; иногда программа была задумана так, что при попытках взломать ее она атаковала компьютер. Взаимоотношение с компьютером становилось важной составляющей быстрого расширения нашего сознания. Мы учились очень многому и очень быстро и знали, что можем обучить компьютер стать еще сложнее на основе наших инструкций. Соревнование между нами и первоначальными производителями программ также ускоряло процесс: может, мы и были врагами, но вместе двигали наше искусство вперед. Полагаю, так происходит в шахматах, если в них играют настоящие мастера.

Я начал писать программы. Потом, когда появился WikiLeaks, некоторые думали, что все дело в политике. Но многое из того, что мы делаем, заложено в логике компьютерного интеллекта и вытекает из неизбежных аспектов взаимодействия с ним. Во многом с тех времен, когда мы сидели за своими первыми компьютерами в своих комнатах, ничего не изменилось. Конечные пределы компьютерной мощи не определяются людьми, которые собирают компоненты на китайских фабриках; возможности компьютера заключены в самой его сути. Одним из первых это заметил Алан Тьюринг[19], сказавший, что любая точная инструкция, которую можно записать на бумаге и дать другому человеку, потенциально может быть исполнена и компьютером. Мы были горячими поборниками его идеи. Какие бы ни возникали по этому поводу эмоции, но именно так и происходит, когда изобретениям дозволяется реализовать их

потенциал в компании с живым человеческим воображением. Взламывая коды, мы делали программы лучше, а создавая новые программы, делали коды сложнее для взлома. Возникал своего рода круговой парадокс, весьма радовавший подростковые умы. Каждая ночь становилась новым приключением.

Из-за границы по почте мне стали присылать дискеты. Из Америки, Швеции и Франции, где мои новые друзья взламывали коды и посылали мне всякое-разное, и я в ответ делал то же самое. Вся наша пересылка была бесплатной, так как мы придумали систему повторного использования марок. Здорово жить в момент, когда все в мире меняется, и чувствовать токи прогресса в кончиках пальцев, лежащих на клавиатуре. Мне было шестнадцать, и пришло *мое* время: я нашел свое призвание, ремесло, близких мне по духу людей, свою страсть – все это я получил разом. Уверен, мы были столь же заносчивы, сколь и непокорны, но молодым людям в таком возрасте нужно чувствовать свою силу, и мы просто летали.

Справедливости ради надо заметить, что в те времена на мою страну смотрели как на провинциальное захолустье. Бесспорно, Австралия страдала от культурного раболепия, несомненного понимания, что она – лишь стоячее болото по сравнению с бурными потоками европейской цивилизации и американского образа жизни. И наше поколение – сначала на ощупь, понемногу, а потом сознательно и мощно – противостояло этому. Я тогда жил с семьей в пригороде Мельбурна, но уже начинал находить свое место в элитарной среде компьютерных хакеров. Нам казалось, что мы – тоже центр меняющегося мира, мы не менее значительны, чем продвинутые компьютерные парни в Берлине или Сан-Франциско. Мельбурн с самого начала выделялся на мировой компьютерной карте, и отчасти это наша заслуга: мы исходили из универсального представления, на что способны информационные технологии, и ни на секунду не считали себя отвергнутыми и провинциальными. Ведь это отлично, когда осознаешь, обитая на самом дне планеты, что можешь повести за собой целый мир. Австралия всегда была лагуной у моря «английскости», нас омывали культурные волны Британии с ее колониальным духом и высокими представлениями о собственных национальных ценностях. Такова была реальность, и поэтому, вступая в бой, мы бились как короли. Да, нас считали зарвавшимися до наглости, но в этом и заключался наш менталитет мельбурнских хакеров. Мы не чувствовали себя оторванными от главных потоков, поскольку сами были этими потоками. Примем во внимание, что новаторские решения часто невозможны без апломба, пусть даже временного или ложного,

и мы видели себя на вершине мира. А что касается болот… Между прочим, проблему их осушения в далеком семнадцатом столетии левеллеры сделали фронтом политической борьбы. Современные историки тоже заговорили о «мире, перевернутом вверх дном»; Кристофер Хилл писал о возможности появления «непокорных»[20] – людей, которые, убегая из-под власти феодальных лордов, осмелились переступить через вековые традиции и обречь себя на существование вне закона. Мои бывшие друзья из компьютерного подполья наверняка порадовались бы словам левеллера по имени Уильям Эрбери[21]: «Глупцы – мудрейшие из людей, а безумцы – наитрезвейшие… Если безумие жило бы в сердце каждого человека… то вот вам остров Великого Бедлама… Пойдемте, давайте же будем безумцами вместе».

Сейчас я рассказываю о времени новых идей, общей активности и вовлеченности. До эпохи Интернета с ее идеей народного суверенитета – назревающей свободы, поднимающейся на этой арене, – было еще далеко, и за нее еще предстояло бороться. Я узнал об этом лишь позже, но мы могли обратиться к Мильтону, давшему чуть ли не священное обоснование гражданскому неповиновению и говорившему власти: «Подумайте, к какой нации вы принадлежите и какой нацией вы управляете: нацией не ленивой и тупой, а подвижной, даровитой и обладающей острым умом; изобретательной, тонкой и сильной в рассуждениях, способной подняться до высочайших ступеней человеческих способностей»[22].

Мы были не слишком честолюбивы и не очень талантливы, но мы знали, что стоим перед чем-то неизведанным, доныне миру незнакомым. Мы, дети пригородов, из своих комнаток отправлялись на поиски глобальной компьютерной Сети. «Бурный ветер идет с севера»[23], – писал один из героевлевеллеров. Что же, возможно. Но в современном мире, «перевернутом вверх дном», мы могли назвать север югом и воздать Австралии должное. В любом случае наша энергия соединялась, пусть даже и бессознательно, во множество великих анонимных попыток вырвать свободу из рук невидимой власти. Некоторые из нас, возможно, сильно обманывались, ожидая от будущего благодарности, – но этого не случилось. Таких простаков, ставших жертвами собственных иллюзий, ждали только тюрьмы.

Истинное утро новой жизни принес нам не компьютер, а модем, ставший настоящим откровением. Заполучив его, я понял, что всё – кончилось. Прошлому пришел конец. Старого стиля больше не будет. Уже не существовало Австралии – той, какой она была. Не существовало мира – того, каким он был.

Конец. Мне было около шестнадцати, когда снизошло это озарение, заключенное в маленькой коробочке, очень медленно набиравшей номера. До появления Интернета глобальная компьютерная субкультура существовала лишь на электронных досках объявлений. Эти изолированные компьютерные системы устанавливались, допустим, в Германии, и вы могли подключиться к ним, обменяться сообщениями или программами. И все вдруг оказывались соединенными. Конечно, была проблема со стоимостью международных звонков, но некоторые наши друзья научились мастерски манипулировать телефонными линиями. Телефонных взломщиков тогда стали называть фрикерами. Я слышал много чуши о том, как первые компьютерные хакеры обкрадывали банки и многое другое. Большинство моих знакомых хакеров интересовались лишь тем, как заполучить побольше бесплатного телефонного времени. Вот и весь их капитал. Но это действительно богатство – провести ночь, подключившись к заморскому опыту. Чувство новых открытий было просто космическим.

Уже через несколько дней после покупки модема я написал программу, которая указывала ему, как находить другие модемы. Она сканировала главные деловые районы Австралии, а затем и другие части света, пытаясь найти компьютеры с модемами. Я знал, что на конце телефонной линии ждет что-то интересное, и лишь хотел понять, к чему нас могут привести эти номера. То были чисто математические расчеты, игры с числами. На том этапе наши действия не имели ничего подрывного, лишь завораживающий процесс новых контактов, исследование мира и проникновение в самую технологически изощренную часть промышленной цивилизации – ощущение такое, будто ты поймал гигантскую волну и оседлал ее. Звучит несколько выспренно, но и чувства тогда были грандиозными, и я не готов преуменьшать их. Система была изощренной, а мы сами – нет, и многие из нас испытывали примерно то же, что в детстве, когда пытались попасть в заброшенные карьеры, перелезали через заборы и пробирались внутрь старых домов. Мы нуждались в том же притоке адреналина, который ударял в нас тогда. Сама дерзость от проникновения во взрослый мир вызывала очень острые ощущения.

Вот с чего начинается хакерство. Ты хочешь преодолеть препятствие, воздвигнутое, чтобы держать тебя подальше. Большинство преград сооружали по коммерческим мотивам, из-за сохранения денежных потоков; сначала мы считали, что ведем битву умов, и только со временем увидели зловещую природу многих барьеров. Их возводили, чтобы ограничить человеческую

свободу и управлять истиной, – подозреваю, это стало еще одной разновидностью извлечения прибыли. Мы начали со взлома коммерческих планов некоторых компаний, и кайф был просто заоблачным. Как в первый раз обыграть взрослого в шахматы. Меня поражают люди, которые не понимают этого удовольствия, ведь оно идет от созидания, глубокого понимания чего-то непознанного и сотворения нового. Хакерство мы воспринимали как творческий прорыв, дерзкое предприятие, способ перебраться через высокие стены, возведенные для защиты власти, и изменить мир. Для людей, работавших на мировые компьютерные системы, удержать других от проникновения в них было вопросом управления в том смысле, в каком Оруэлл понимал государственный контроль; а для нас взяться за эти системы стало естественным следующим шагом в юношеских попытках освоения мира.

Конечно, в тот момент сложность государственных компьютерных систем напрямую зависела от богатства и военной мощи страны. Самой интересной компьютерной сетью для нас была X.25, на основе которой работали засекреченные военные сайты большинства стран. Примерно восемь хакеров в мире раскрыли коды доступа и поделились ими друг с другом. Дух захватывало от понимания, как государства и корпорации вместе работают в этой специфической сети. И наилучшие из мирового хакерского сообщества следили за ними. Мир становился другим, вот-вот должна была пасть Берлинская стена, и моя юность совпала с великими, эпохальными переменами, когда менялась суть той идеологии, которая фигурировала в новостях каждый вечер. Но мы и так уже меняли мир. Когда телевизоры выключались, а родители отправлялись спать, батальоны юных хакеров входили в сети, пытаясь, как мне кажется, преобразовать отношения между человеком и государством, между информацией и управлением. Эта трансформация появлялась как раз вовремя, чтобы помочь разрушителям стен в их борьбе за свержение старого порядка.

У каждого хакера был псевдоним, и я взял себе имя Мендакс, вслед за горациевским *splendide mendax* – «благородный лжец», или «великолепный обманщик». Мне нравилась идея, что я – парень из Мельбурна, – прячась за фальшивым именем, скрывая свою повседневную жизнь, мог более или менее, но правдиво раскрывать свою индивидуальность. К этому моменту работа с компьютером отнимала бóльшую часть моего времени. У меня начиналась болезнь хакеров: недосып, бездонное любопытство, целеустремленность и одержимость точностью. Позднее, когда я стал известен, люди часто с удовольствием начинали

перечислять мои болезни: мол, и синдром Аспергера у него, и все признаки аутизма налицо. Никому не хочу портить удовольствие, но позвольте мне только заметить: я, как все хакеры, как, собственно, и большинство мужчин, немного аутичен. Но в подростковом, да и в юношеском возрасте я с трудом мог сосредоточиться на чем-либо, только если это «что-то» не воспринималось как крупный прорыв. Домашние задания превращались в борьбу с судьбой, а банальная беседа оборачивалась тяжким трудом. Но, казалось, стоит только нажать на нужную кнопку, и тут же снижался уровень местного шума, куда-то исчезала местная погода, а я оставался на международной частоте. Мы видели, как перед нами встают тысячи задач, и были одержимы освоением первых сетей, этого Интернета до эпохи Всемирной сети. Была американская система Arpanet, к которой австралийцы сперва могли подключаться, лишь если они работали или учились в университете. Вот как мы проникли в эту систему. Конечно, это была зависимость – возможность проецировать свой разум в мир, где каждый шаг совершался без разрешения. Сперва нужно было взломать университетскую компьютерную систему, затем осторожно вылезти из нее. А оказавшись внутри, можно было взломать компьютерную сеть где угодно в мире; я в то время зачастую проделывал это с компьютерами штаб-квартиры 8й армии ВВС США в Пентагоне. Мы ныряли в компьютерную систему, перехватывали управление, проецировали свое сознание куда угодно из своей неубранной спальни – во все помещения и все коридоры, и за это время мы учились понимать пентагоновскую систему лучше, чем люди из Вашингтона. Как будто мы телепортировались внутрь Пентагона, гуляли там и брали власть, как в фильме, где вы гавкающим голосом отдаете команды массовке, непринужденно сидящей перед экранами радаров. Обалдеть – вот самое подходящее слово. Но мы быстро отошли от этих фантазий, увидев, что появляется еще один великолепный новый элемент будущего, с которым мы играем. Виртуальная реальность, прежде удел научной фантастики, а теперь часть нашей обычной жизни, для многих из нас родилась на тех магистралях, где мы в одиночку гуляли по ночам.

Это был захват территории. Это был интеллектуальный прорыв. Для него требовалось желание подключаться к мышлению тех людей, которые строили пути. Требовалось понять структуру их мышления и смысл их работы. Весь процесс оказался прекрасной подготовкой для моего будущего взаимодействия с властью: я видел, как она работает и что предпринимает для защиты своих интересов. Странное дело:

в такой ситуации ты не чувствуешь, что грабишь кого-то, участвуешь в преступлениях и занимаешься подрывной деятельностью. Скорее, ты бросаешь вызов самому себе. Люди этого не понимают; они думают, что мы все жадно гнались за богатством или, погруженные в свои мрачные фантазии, мечтали о мировом господстве. Нет. Мы пытались понять масштабы и потенциал нашего собственного разума, понять, как функционирует мир, чтобы выполнить свой долг, который, скорее всего, есть у нас всех. Мы просто хотели жить в этом мире полной жизнью и сделать его лучше в пределах возможного.

Внутри системы мы натыкались на своих противников. Это все равно что в темную ночь встретить незнакомцев. Я думаю, тогда в мире всего лишь человек пятьдесят – противники они были или собратья? – принадлежали к элитарной группе компьютерных первопроходцев, работавших на высочайшем уровне. Вполне типичный ночной разговор: австралийский хакер встречается с итальянским хакером внутри компьютерной системы французского ядерного комплекса. В юном возрасте от такого просто сносит крышу. Днем ты ходишь по улице в супермаркет, встречаешь знакомых, просто прохожих, которым кажешься оболтусом-подростком, а ты-то знаешь, что провел эту ночь в глубинах NASA. Ты чувствуешь, что бросаешь вызов генералам, влиятельным лидерам, и со временем некоторые из нас стали чувствовать, будто вступили в контакт с главными политическими силами в наших странах. В этом не было ничего зловещего и криминального, нам все казалось естественным, ведь мы считали себя борцами за свободу личности. В конце концов мы даже не претендовали на какие-то суммы, единственным вознаграждением для нас оставались приобретаемые профессиональные знания. Сеть была в наших руках. Мы смотрели на Пентагон или Citibank и говорили: «Мы взломали их. Мы вошли и поняли их компьютерную систему. Теперь часть ее – наша. Мы вернули ее в общее пользование».

Никто из нас во время наших ночных вылазок никогда не причинял никому вреда, но мы не были такими уж наивными и не думали, будто власть согласится с нашим мнением. Австралийские власти пытались уже в 1988 году организовать несколько показательных процессов, чтобы оправдать принятие нового закона о компьютерных преступлениях, и стало ясно, что нужно вести себя осторожнее. Я обычно прятал свои дискеты в пчелином улье, поскольку был уверен, что ребята из Агентства по расследованиям и уголовному розыску не рискнут соваться туда во время своего разбирательства.

Среди моих друзей были парни, совсем помешанные на

хакерстве: Феникс (Phoenix), Тракс (Trax) и Главный Подозреваемый (Prime Suspect). Двое последних вместе со мной участвовали в группе, которую мы назвали «Международные диверсанты» (International Subversives). Мы совершали ночные рейды на сети и канадской телекоммуникационной компании Nortel, и NASA, и Пентагона. Однажды я заполучил пароли доступа в Комиссию по международной связи, позвонив в их отделение в Перте и притворившись коллегой. Во время разговора я проигрывал специально подготовленную аудиозапись с фальшивым офисным шумом: жужжание принтеров, стук по клавиатуре, бормотание голосов. Это создавало нужную атмосферу для моего жульничества. Пароль мне выдали в считаные секунды. Звучит комично, но так оно и было. Когда новый закон вступил в силу, мы уже не чувствовали себя альпинистами-исследователями, забирающимися в заповедные места. Мы стали преступниками, которым грозило десять лет тюрьмы. Некоторые мои друзья уже попались, и я знал, что для меня полицейская облава – лишь вопрос времени.

Так вышло, что их впустил мой одиннадцатилетний брат. По совершенно счастливой случайности меня не было дома. Но в любом случае полиция не имела никаких улик, и их операция выглядела как зондирование почвы. В то время ходило много слухов о хакерах, обокравших Citibank. Полная чушь. Нас беспокоило, где бы украсть электричество для наших компьютеров, а также как бесплатно звонить по телефону и отправлять письма, но деньги – ни за что. Мы совсем не стремились к коммерческой выгоде, наоборот, старались не разрушить ничего на нашем пути. Если мы взламывали систему, то, выходя, восстанавливали ее, лишь оставляя себе запасной вход на будущее.

Телефоны некоторых из нас стали прослушивать круглосуточно. Все это казалось странным и жутким, и жуть эта впиталась в характер некоторых ребят. Честно говоря, некоторые из нас и без того были весьма странными, происходили из неблагополучных семей, где и так уже имели место разного рода пагубные привычки и ложь. Это во многом касалось и меня, хотя я был менее одержим, чем другие. А вот мой друг Тракс, например, всегда был эксцентричным и страдал каким-то тревожным расстройством. Он ненавидел поездки, редко выходил в город и как-то раз сказал, что посещает психиатра. Но я часто сталкивался с тем, что самые интересные люди немного необычны, и Тракс относился к обеим категориям.

Хакерство для нас было способом общения с другими ребятами, которые не чувствовали себя заложниками нормы. Мы

хотели найти свой собственный путь и инстинктивно подвергали сомнению действия властей. В моем случае все проще – я появился на свет уже с этим инстинктом. Наше поколение родилось в обществе вседозволенности, но, возможно, именно поэтому мы более критично относились к тому, что означала эта вседозволенность. Мы не увлекались всем этим невнятным лепетом шестидесятых о свободе – не увлекались ею и мои родители, всегда считавшие хиппи ужасающе аполитичными, – и мы не собирались протестовать против злоупотреблений власти, мы хотели ее свергнуть. Если мы и вели подрывную работу, то это была диверсия изнутри. Наш образ мышления был таким же, как у ребят, которые управляли компьютерными системами. Мы знали язык и взламывали их коды. В большей степени вопрос заключался в том, чтобы следовать неизбежному, руководствуясь логикой того, что мы открыли, и вникать в проблему: как это делало общество подотчетным. Примерно к 1988 году, когда отмечалось двухсотлетие Австралии, мы обрели веру в успех дела: появилось огромное количество новых домашних компьютеров, возникла новая динамичность в массовой культуре – и это рождало настроение, объединявшее людей вроде меня, что военно-промышленный комплекс, сбрасывающий на людей бомбы и совершающий колоссальные закупки, должен быть ниспровергнут. Мы быстро повзрослели и были готовы к неприятностям. Агентство уже взяло нас на мушку.

Наверное, среди своих друзей я был самым политизированным парнем. Я был убежден – всегда и до сих пор, – что мощь репрессивных сил во многом объясняется их способностью хранить свою власть в тайне. Вскоре по своему опыту работы внутри разных систем я осознал, что атаковать их стоит именно в этих «секретных зонах». Начало этому положило хакерство. По возникшей истерии вокруг наших развлечений и появлению новых государственных законов стало ясно, что мы задели нечто фундаментальное в механизмах сокрытия тайн. Правительства были напуганы. Выходит, нас они боялись гораздо больше, чем демонстрантов на улицах или строящих баррикады и бросающих коктейли Молотова. Интернет дал нам модель подрывной деятельности, которая позволяла расстраивать планы прогнившей власти исключительно научными методами. Благодаря этому мы могли сказать: «Вы больше не будете управлять нами, вы больше не будете нам навязывать, как следует о вас думать».

В заголовке одной австралийской газеты в 1990 году заявлялось: «Делиться диском столь же опасно, как делиться

иглой». Из этого следует, что распространение информации похоже на распространение СПИДа, и мы впоследствии постоянно сталкивались с подобным уровнем критики. Мы были разбойниками вроде Неда Келли[24] и Робина Гуда, даже хуже – мы были монгольской ордой. Но на самом деле мы оставались молодыми людьми, еще не достигшими двадцатилетия, пытающимися понять, почему мир живет именно по таким часам, и спрашивающими, кто же настраивает этот часовой механизм. Мы держали руку на пульсе новой технологии и, когда возникла возможность, захотели воспользоваться своим знанием в борьбе за справедливость и достоинство. Но многие люди этого не хотели, а многие представители власти нас ненавидели. Это важная составляющая истории моей жизни: заприте его, заставьте его молчать.

Лишь сейчас, двадцать лет спустя, я понимаю, сколько нервной энергии я тратил. Я считал, что высокое давление – это обычное дело для молодого человека, ведь с тех пор как мне исполнилось десять, на мою долю не выпадали долгие периоды спокойствия. Сам масштаб наших посягательств внушал мне дрожь. Мы были детьми, не побоявшимися вступить в контакт с силами столь зловещими и столь могущественными, что каждому из нас приходила мысль: на нас не только будут охотиться, на нас поставят клеймо на всю жизнь. Голиафы заполонили наш мир, а мы были уязвимы. Время показало, по крайней мере мой опыт научил меня: могущественные люди, когда их загоняют в угол, становятся очень мстительными и не гнушаются выливать на тебя ушаты помоев. Ты учишься держать позицию, исправлять ошибки, где возможно, не вешать носа и никогда не забывать, что людей, выступавших против великих лжецов, всегда изображали злодеями. В моем случае эти грязные попытки диффамации оказывались чуть ли не комическими, но в юном возрасте, когда человек совсем еще не готов к наручникам, мне было трудно сохранять крепость духа. После обыска в доме моей матери я почувствовал, что темные силы все ближе. Я стер все записи на диске, уничтожил дискеты, сжег распечатки и вместе со своей девушкой сбежал из пригорода в город, где мы нашли какую-то нору в пустом доме. Жизнь в бегах продолжилась уже на другом, более серьезном витке, и, видимо, это никогда не закончится.

5. Шифропанк

«Международные диверсанты» отличались от других хакеров, которые и вели себя шумно, и повсюду следы оставляли. Мы же были тихими созерцателями. Мы появлялись в коридорах власти, подобно призракам; мы проникали сквозь замочные скважины и дверные щели, как бестелесные субстанции. Мне всегда казалось, что хакерство сродни исследованию живописи. Сначала ты смотришь на холст, оцениваешь манеру исполнения; потом изучаешь систему смешения красок и плотность мазков; и, наконец, понимаешь, как картина сделана. Но самое главное – если ты такой же, как мы, ты начинаешь искать слабые места. И как только изъян найден, ты работаешь над ним, пока он не разрастется и не окажется в центре всего. В определенный момент мы захотели взять в свои руки весь мир коммуникаций. Можете себе представить? Несколько подростков задумали не эпизод для научно-фантастического фильма, не бредовый сюжет для комикса, а вполне реальное, осуществимое дело. Звучит анекдотично, но мы подобрали отмычки к замочным скважинам и вошли во внутренние миры крупных корпораций; мы находили всё новые лазейки до тех пор, пока не поняли, что сможем полностью контролировать коммуникационную систему. Отключить двадцать тысяч телефонов в Буэнос-Айресе? Не проблема. Просто так, потому что нам так захотелось, подарить всем ньюйоркцам бесплатные телефонные звонки в течение дня? Запросто.

Однако ставки были высоки. Над хакерами прошло уже много судебных процессов. Законодательство в этой сфере появилось совсем недавно и только нащупывало свой путь, а мы следили за его поступью с замиранием сердца, понимая, что скоро наступит наша очередь, и самооценка «Международных диверсантов» повышалась. Мы видели себя молодыми борцами за свободу, принимающими на себя огонь со стороны сил, до которых даже не доходило, что происходит на самом деле. Именно так понимались нами текущие процессы, хотя остальная часть населения: простые австралийские обыватели; служащие американских корпораций; сотрудники спецслужб, бесившиеся оттого, что их провели, – видели в нас опасных предвестников новой разновидности беловоротничковой преступности. Мы были по-юношески дерзки и самоуверенны и только хихикали над этой ерундой, ведь воротники для нас – что ошейники для собак и удавки для любителей самоудушения. Однако все становилось слишком серьезным. Еще одного, кто называл себя Фениксом,

извлекли из темноты спальни и предъявили суду. Тогда он еще не был моим другом, но я знал об этом мельбурнском хакере из группы Realm.

Феникс был самонадеян: однажды он позвонил журналисту New York Times, представился Дэйвом и похвастался атаками, которые австралийские хакеры совершали на американские системы. Журналист написал об этом заметку, и Дэйв вместе с другими хакерами попал на первую страницу газеты. Вообще говоря, хакеры были людьми замкнутыми, но Феникс любил внимание. Правда, добился он внимания совсем иного рода: ему предъявили сорок различных обвинений, и за этим делом маячила тень США. В тот день я пошел в суд и, сидя среди толпы, наблюдал за мимикой судьи Смита; во мне пробуждалось какое-то новое самосознание: для общества мы представляли все большую опасность, а в наших собственных глазах завоевывали все большее уважение. Мне казалось, для когорты первооткрывателей дело Феникса станет поворотным моментом, и я хотел быть свидетелем этому. В итоге процесс закончился полным оправданием. Я вздохнул свободно, если в австралийском суде возможно дышать свободно. Когда Феникс встал со скамьи подсудимых, я подошел, чтобы поздравить его.

– Благодарю, – сказал он. – Я тебя знаю?

– Вроде должен, – ответил я. – Я Мендакс. И меня ждет примерно то же, что тебя, только хуже.

Если ты хакер, то несущественно, какую ступеньку социальной лестницы ты занимаешь, просто ты живешь за пределами того пространства, в котором обитают твои друзья из обычного мира. Это не хвастовство и не оценочное суждение – это просто факт. Твоя жизнь протекает иным образом, вне общепринятых правил: ты не только используешь псевдонимы, но и носишь маски, под которыми обнаруживаются другие маски, а под ними еще следующие; и в итоге если ты хорош в своем деле, то твоя деятельность и есть твоя личность, а твои знания – твое лицо. После долгого сидения за компьютером возникает отчужденность, порождающая чувство бездомности в собственном доме; самим собой ты можешь быть лишь с людьми, живущими вроде тебя: с теми, кто носит имена персонажей из комиксов и кого ты никогда не встречал в реальной жизни.

Большинство моих друзей-хакеров жили в Мельбурне и его пригородах, но я встречался с ними на электронных досках объявлений – обычно мы их называли BBS (Bulletin Board System), – примерно как в чатах, вроде «Электрические мечты» или «Мегатруды». Первая BBS, которую я организовал сам, называлась «Клёвая паранойя» (A Cute Paranoia) – еще одно

свидетельство полной уравновешенности моей натуры. Как только в 1990 году появилась возможность, я пригласил туда Тракса и Главного Подозреваемого. Мне было девятнадцать лет, и я ни разу не виделся с этими парнями, мы общались только через модемы. Ни разу не повстречавшись с реальным человеком, ты все равно рисуешь себе некий образ. Чрезмерная секретность и крайняя отчужденность могут привести к паранойе, и справедливости ради признаю: я считал Тракса и Главного Подозреваемого чудаковатыми ребятами. Конечно, сам я тоже был не без странностей, о чем люди всегда охотно мне напоминали. Но я доверял инстинктам этих парней.

Австралийские просторы, по которым я бесконечно переезжал, и вереница школ, через которые мне пришлось пройти, сделали свое дело: я стал социальным аутсайдером, но в Тракс я нашел родственную душу. Он, как и я, происходил из бедной и интеллигентной семьи. Родители его были иммигрантами, и в детстве Тракс испытывал стыд за их немецкий акцент. Напротив, Главный Подозреваемый происходил из состоятельной семьи, принадлежавшей к верхушке среднего класса, внешне в его жизни выглядело все пристойно: прилежный школьник готовится поступить в университет. На самом деле юноша был с надломом. Единственное, что спасло его семью от мучительного развода, это смерть отца от рака. Главному Подозреваемому тогда исполнилось восемь лет. Мать – овдовевшая, с двумя маленькими детьми на руках – предалась горю и отчаянию. А Главный Подозреваемый в свою очередь удалился в спальню и погрузился в компьютер.

У каждого из нас были свои предпосылки стать белой вороной или черной овцой, но странная обезличенная вселенная хакеров всех уравняла. В своей среде мы поддерживали и обучали друг друга, и такая взаимопомощь помогла нам из разряда шутников перейти в разряд криптографов. Полностью входя в международную субкультуру, дыша ее воздухом, мы начали понимать, к каким политическим преобразованиям может привести криптография. Мы стали шифропанками[25]. Движение началось примерно в 1992 году, когда шифропанки сплотились вокруг единого списка электронной рассылки, ставшего местом встречи и отправной точкой для наших дискуссий о вычислительной науке, информатике, политике, философии и математике. Доступ к списку имело не более одной тысячи подписчиков, но именно эти люди заложили основы для дальнейшего развития криптографии, они открыли путь всем современным битвам за право на частную жизнь.

В условиях новой информационной эпохи – эпохи

Интернета – мы занимались строительством такой системы, которая позволит отдельному гражданину защищать и сохранять свое личное пространство; раньше подобная привилегия была только у корпораций. Мы умели писать коды и поэтому могли, используя свои знания и опыт, дать людям реальный контроль над их правами. Идеи движения шифропанков глубоко проникли в мой разум и даже душу, благодаря им я осознал, что в будущем справедливость сможет зависеть именно от нас. С помощью интернет-технологий мы вступили в борьбу за создание баланса между тем, что корпорации считали своими тайнами, и тем, что граждане отстаивали как свое личное дело. Разговоры о приватности всегда были лишь вопросом о преимуществе корпораций, банков и правительств, однако мы решили взять эти проблемы в свои руки, поскольку не только владели необходимым инструментарием, но и видели новые горизонты, за которыми информация могла усилить власть народа.

Интернет, как мы видим сегодня на примере Китая, всегда таил в себе опасность стать зоной избирательной цензуры. Впрочем, это касается любой области компьютерной культуры. Деятельность шифропанков не получила достойной оценки в современном обществе, хотя именно они ломали всю систему и препятствовали тому, чтобы мощные рычаги управления оставались исключительно во власти беспринципного бизнеса и репрессивных режимов. Средства массовой информации были так заняты болтовней о хакерах, что упустили, как прямо у них под носом эти самые хакеры превратились в криптографов, борющихся за информационную свободу – ту свободу, на которой якобы построены сами СМИ. Для нас это был урок: мы поняли, чего стоит моральная твердость массмедиа. По большому счету, они брали лишь то, что им скармливала власть, и даже на заре Интернета не боролись за свободу доступа к информации или свободу от цензуры. До нынешнего дня они принимают компьютерную технологию как должное и забывают о том, каким образом ее претворяли в жизнь. Именно шифропанки, или «бунтари кода», как назвал нас журналист Стивен Леви, помешали новой технологии стать всего лишь шпионским и маркетинговым инструментом в руках крупного бизнеса и правительственных органов. Компьютеры могли бы поставляться, уже набитые рекламой. В смартфоны могли бы быть встроены приборы для слежки. Интернет во многих отношениях мог бы стать репрессивной средой. Электронная почта могла бы служить исключительно для перехвата информации и не защищала бы частное пространство. В то время началась борьба за сферы влияния, невидимая для большинства битва,

гарантировавшая нам определенные свободы. Вопрос, который сегодня поднимают на всех дискуссиях: могут ли компьютерные технологии стать серьезным инструментом борьбы за социальные перемены, – шифропанками уже давно решен как положительный.

Было время, когда правительства намеревались поставить всю криптографию, за исключением той, которая служила их интересам, вне закона. Сегодня некоторые правительства пытаются повторить то же самое по отношению к WikiLeaks, поскольку они всегда хотят контролировать технологию, чтобы та могла обслуживать только их власть. Перед нами наглядный пример неправильного понимания свобод, заложенных в самой возможности новой технологии. Мы боролись за нее, чтобы влиятельные силы не могли использовать информацию ради собственного блага. И только. Вся борьба шла – и ведется до сегодняшнего дня – исключительно за нее. Либертарианцы – эти борцы за гражданские права и свободу личности – думали, что в понятии приватности заложена суть капиталистической свободы, то есть право быть свободным от воли правительства и сохранять в тайне свои доходы и личные данные. Но вы читаете *мою* книгу, и я рассказываю вам о том, что это *значило* для меня.

Принципы шифропанков привели меня к пониманию, как лучше всего противостоять попыткам властных сил – правительств, корпораций, органов надзора – изымать данные незащищенных граждан. Политический режим часто использует контроль за информацией, чтобы причинять людям боль, подавлять их или затыкать им рты. По моему разумению, этика шифропанков могла защитить граждан, сделав их знание их собственностью, недоступной для кого-либо еще. Это подобно свободе в понимании Тома Пейна[26]: она была для него единственным бастионом, способным противостоять причинению вреда и агрессии. Мы тоже открыто шли к своей цели: превратить инструменты подавления в инструменты свободы. В результате в 1997 году я разработал новый инструмент под названием «Резиновый шланг» (Rubberhose), позволяющий скрыть зашифрованные данные под несколькими слоями ложной информации, чтобы никакой отдельно взятый пароль не мог стать ключом к самым важным для человека данным. Информация должна была быть совершенно недоступной, за исключением ситуации, когда человек, которого она касалась, предпримет конкретные усилия, чтобы ее раскрыть. Этот метод стал практическим применением теории игр, так как позволял держать важную информацию в секрете не только путем шифрования, но и путем ее сокрытия. Для общего блага я хотел сломить власть следователей, чтобы они никогда не могли быть уверены

в исчерпанности ключей. Должен сказать, WikiLeaks основывался на идее, что само наличие источников можно полностью отрицать. Когда-нибудь, представлял я себе, эта технология позволит людям открыто высказываться, даже если все могущественные власти пригрозят наказанием всем выступающим. Шифропанки сделали это возможным, с самого начала оспаривая все соглашения и законы, препятствующие шифрованию.

Однако я забегаю вперед. В то время нас больше беспокоили вопросы, имеющие конституционное значение. В начале 1990х годов правительство США стремилось доказать, что дискета с защитным кодом должна рассматриваться как оружие. Когда мы решили заняться делом изменения мира, пусть и в небольшом масштабе, то едва ли представляли, насколько быстро попытаются ограничить нашу свободу слова. Мы оказались связанными по рукам и ногам. Отправка определенных фрагментов кода или посадка на самолет с шифром, вытатуированным на руке, практически превращали вас в торговца оружием. Государственный абсурд всегда стоял на пути любой попытки утвердить свободу.

Я приходил к пониманию всего этого самостоятельно, живя в Мельбурне, и делился своими открытиями с Главным Подозреваемым и Траксом. В то время они были единственными людьми, с кем я мог говорить с полной открытостью, потому что их сжигала та же страсть, что и меня. Главный Подозреваемый говорил, что когда в тринадцать лет ему подарили его первый компьютер, то этот Apple II стал для него более интересной компанией, чем все его родственники вместе взятые. Как ни странно, наши спальни были теснее связаны с миром, чем наши классные комнаты, и все это благодаря чрезвычайно важной и поразительной вещи – модему. Никто из нас на отлично не учился и не сдавал экзамены. Никто из нас не блистал в каких-либо научных кругах. Наша природа была иной. Все в нас бунтовало против механической зубрежки и навязчивого страха перед экзаменами. Короче говоря, мы просто знали, что нас ждут дела поважнее и что у нас есть собственные средства их делать. И еще мы были заносчивы – дарю это как очередной камень в огород хакеров. Конечно, если сравнивать с полицейскими, юристами, армейскими генералами и политиками, компьютерные хакеры – просто образцовый пример неуверенности в себе. Но мы были молоды, и нам казалось, что мы всё знаем. Можете быть уверены. Мы чувствовали себя упертыми и в некотором роде даже богатыми. А еще, возможно, юношеская фанаберия – всего лишь зародыш будущего механизма самозащиты.

С самого начала «Международные диверсанты» планировали нападать на военные системы, и я изобрел программу под названием «Сикофант» (Sycophant)[27], которая проникала в компьютерные системы и собирала урожай паролей. Летом 1991 года мы каждую ночь бродили по виртуальным коридорам штаб-квартиры 8й армии ВВС США в Пентагоне; захватывали компьютеры Motorola в Иллинойсе; шли по следу серверов Panasonic в Нью-Джерси; подкрадывались к Xerox в Пало-Альто и плавали по сумеречным озерам ремонтных станций подводных лодок ВВС США.Намного позже начнут управлять государственными переворотами через Twitter, что будет считаться естественным и демократичным, но в годы нашей юности нас охватывало незнакомое ощущение, будто мы ведем подрывную деятельность, мы чувствовали, как пульсировала история, пробиваясь через мигающий курсор. Путь от этого курсора до Twitter, от чувства восторга до спокойной уверенности в своей правоте – вот главная история нашего времени.

Моя приятельница, журналист Сьюлетт Дрейфус, проникла в самую суть нового племени чудаков, неформалов и умников, тонко уловив масштабы наших амбиций. Все это она описала в книге «Компьютерный андеграунд» (Underground: Tales of Hacking, Madness and Obsession on the Electronic Frontier)[28]. И мы, «Международные диверсанты», зашли дальше других австралийских хакеров, дальше, чем Феникс и другие участники группы Realm. Когда мне было двадцать, мы уже попытались проникнуть в святая святых компьютерных сетей – Сетевой информационный центр (NIC) Министерства обороны США. Под своим псевдонимом Мендакс я теснее всего работал с Главным Подозреваемым. Вот как об этом пишет Сьюлетт:

> Однажды ночью двое хакеров дружески болтали в онлайне; один из них – Главный Подозреваемый – сидел за компьютером Мельбурнского университета и со второго монитора мирно пытался проникнуть на сайт ns.nic.ddn.mil. Эта система, принадлежавшая Министерству обороны США, была тесно связана с NIC. Он считал, что NIC и «сестринская» система должны «доверять» друг другу и тогда он сможет воспользоваться этим доверием, чтобы проникнуть в NIC. А NIC отвечал за все.
>
> NIC присваивал доменные имена во всем Интернете:.com или. net в конце каждого сетевого адреса. Кроме того, NIC контролировал собственную внутреннюю сеть армии США, известную как MILNET.

Также NIC составлял для всего Интернета стандартные коммуникационные протоколы. Эти технические спецификации под названием RFC (Request for Comments) позволяли одному компьютеру общаться с другим…

И что еще важнее, NIC контролировал сервис обратного кодирования. Когда кто-либо подключается через Интернет к сайту, он обычно вводит имя сайта: ariel.unimelb.edu.au (сайт Мельбурнского университета). Затем компьютер преобразует буквы в цифровой адрес – IP-адрес. Всем компьютерам нужен этот IP-адрес, чтобы передавать пакеты данных в пункт назначения. NIC определял, как компьютеры будут переводить в Интернете буквенное имя в IP-адрес и наоборот.

Тот, кто контролировал NIC, имел безграничную власть над Интернетом. Он запросто мог сделать так, что Австралия исчезнет. Или превратится в Бразилию.

Мы сумели проникнуть в NIC, и нас просто оглушило. Кто-то может назвать это игрой в Бога – вовсе нет. Ведь у Бога, если он действительно Бог, и так уже есть все ответы. Нам было по двадцать. И мы испытывали радость исследователей, прорвавшихся, невзирая ни на какие препятствия, к новым рубежам. Чтобы продлить удовольствие от приключений, я создал лазейку для повторного входа в систему. Эта система оказалась так фантастически совершенна, что почти подчинила меня себе: она позволяла проникать во все на свете и знакомиться с огромным объемом информации. Однако в работе для меня было важно – и тогда, и в будущем, когда появился WikiLeaks, – чтобы кроме математической точности наличествовала и моральная необходимость. Уже в те годы я понимал, что взламываю порталы силовиков не просто ради забавы и разминки ума. Правительства укрепляли свою власть, опираясь на системы секретности, круговой поруки и подкупа; с появлением Интернета их возможности становились практически неограниченными, поэтому становилось окончательно понятно, что борьба с ними должна вестись на совершенно новом уровне. Методы уличных бунтарей, оппозиционных группировок, правозащитных организаций и сторонников избирательных реформ себя исчерпали. С правительствами и их коррупционной властью пора было начинать бороться, применяя научные средства, и мы нашли рычаг, который мог помочь сдвинуть это с мертвой точки. В конечном счете вопросы справедливости и правосудия всегда находились в руках сильных мира сего, однако на сцене появился

новый авангард: высококвалифицированные специалисты, объявленные, как и мы, вне закона, которые скрупулезно исследовали раковую опухоль современной власти, пути и скорость ее метастазирования – все то, что всегда оставалось вне поля зрения простых граждан.

Приобретенная квалификация сделала хакеров ценным приобретением, и некоторые не устояли перед сделкой с дьяволом. Нас изумляло, что кто-то соглашается работать на правительственные организации, ведь по сути своей хакерское сообщество было анархистским; но перебежчики действительно существовали – я сам видел следы их деятельности внутри сети Министерства обороны США. Они практиковались на взломе собственных пентагоновских систем, и не оставалось никаких сомнений, что в интересах США они могли гулять по компьютерам всего мира. Себя мы считали кладоискателями, у которых была своя система этических взглядов. Но, входя в лабиринты власти, коррупции и лжи, мы прекрасно понимали, в чем нас будут обвинять, если поймают, – в продажности и испорченности. Мы были крепко спаянной группой: Главный Подозреваемый, я и Тракс – лучший фрикер Австралии. Он даже написал книгу по взлому телефонных сетей.

Полагаю, мы были анархистами скорее даже в силу характеров, а не по политическим убеждениям. Начиналось с приколов, а закончилось стремлением изменить мир. Нашему становлению очень содействовали идеи криптографии: мы считали ее дисциплиной, способной освободить общество от тайн и помочь гражданам противостоять и правительствам, и властным структурам, и в целом воле сверхдержав. Мы, впитавшие в себя свободный дух эпохи Просвещения, находились в авангарде современных технологий. С движением шифропанков сотрудничали как математики, так и многие другие ученые. Тимоти Мэй написал «Манифест криптоанархиста»; в числе основателей был и Джон Гилмор, один из первых сотрудников Sun Microsystems. Эти два первопроходца индустрии информационных технологий, заработав денег в бизнесе, ушли из коммерческой среды и пытались реализовать свои идеалы свободы с помощью математики и криптографии. Скажем, они изобретали новый вид цифровой валюты – цифровые монеты, заменяющие золотой стандарт. С такой валютой финансовые транзакции стали бы чище, а правительства не могли бы их отслеживать; знания о вашей кредитоспособности, вашей кредитной истории принадлежали бы исключительно вам и были бы только вашими. Мечта криптографов – дать отдельному человеку свободное и защищенное частное

пространство. (Некоторые бывшие шифропанки и сейчас работают над выхолощенными версиями электронных платежных систем.) Я предвидел, что если подобным идеям и системам дать нужное развитие, то они помогут, пусть даже малочисленным активным сторонникам, противостоять угрозе государственного надзора и принуждения. Это были не только мечты и надежды, а конкретные планы. Но многие блестящие умы моего поколения, многие шифропанки просто испарились: кого-то поглотил пузырь доткомов; кого-то свели с ума опционы на акции; кто-то оказался одержим наладонниками Palm, – так или иначе, но ушли убеждения, и утрачено стремление к реальным переменам.

Разбираясь в своих шифропанковских настроениях, мы поняли, что нас ждет величайшая битва, можно сказать, собственная Гражданская война в Испании, и развернется она вокруг усилий защитить мир от надзора за частными компьютерными сетями. Эта сфера деятельности притягивала самые насущные вопросы о свободе и борьбе против угнетения, и именно она стала нашей Каталонией. Мы собирались выйти с открытым забралом и вступить в борьбу за правое дело, против идеологии и законов полицейского государства. Конечно, мы были молоды, были идеалистами – совершенно обычное состояние для людей, пытающихся что-то изменить. Мы собирались совершить кучу ошибок, и за них нас ждало наказание. Возможно, нам суждено было растратить свой потенциал, который мы тогда в себе ощущали. Мы догадывались, чем рискуем в жизни; мы были почти уверены, что многое потеряем, – и тем не менее мы вышли на этот бой.

Вопросы приватности неотступно преследовали меня. И преследуют до сих пор. Проект с WikiLeaks выставил меня ярым поборником открытости и навсегда отметил меня клеймом человека, считающего любую частную тайну злом. Но я никогда так не думал – скорее, наоборот. Мы, шифропанки, боролись именно за индивидуальную сферу жизни каждого отдельного человека. А противостоял я – и продолжаю противостоять – самым разным государственным институтам, которые, отгораживаясь от правды, используют секретность, чтобы скрыть сотворенное ими зло. Вы не чувствуете разницы? И в этой книге, рассказывая свою историю, я предпочитаю обходить молчанием некоторые моменты, которые лучше оставить при себе; таковы мои обязательства в соответствии с неким высшим чувством справедливости – например, перед моими детьми, которых я не вправе вытаскивать под свет прожекторов. Может быть, некто, видя в этом логическую погрешность, потребует призвать меня к ответу. Я не считаю, что даже создатель WikiLeaks – из-за

ложно понятой ортодоксальности – должен изливать душу и выворачивать наизнанку свою личную жизнь.

Я не буду потворствовать этим причудам. Не стану играть в чужую игру. Но все же попытаюсь открыто сказать обо всем, что действительно важно. Я говорю об этом, потому что к тому времени, до которого я дошел в своем рассказе, я жил вместе со своей подругой и у меня уже был от нее ребенок. Его зовут Дэниел. Он хороший человек, и я старался быть ему достойным отцом. Дэниел родился у очень молодых людей; и впоследствии мы с его матерью не раз вступали в долгие споры, как следует воспитывать сына. То было трудное время, а в будущем нас ждала битва за опеку. Собственно, и всё; не думаю, что из рассказанного нужно делать какие-то обобщающие выводы. Настоящая книга – рассказ о моей жизни журналиста и борца за свободу, а мои дети – не часть этой истории, и я не буду о них говорить. Да, есть Дэниел; есть дети, рожденные от других женщин, к которым я был привязан. За все время своей деятельности, когда я говорил о потребности в истине, я прежде всего имел в виду другую правду: гибель множества людей; мошенничество, пытки, коррупция – все то, что разрушает и даже губит наши жизни. Вопреки желанию тех, кто склонен делать ошибочные умозаключения, я не буду становиться в позу и доказывать, что между моим гражданским пониманием истины и моими частными мелкими заботами можно ставить знак равенства. Я собираюсь рассказать о своем интеллектуальном, мировоззренческом и душевном взрослении, поделиться своими сомнениями и замыслами. Я буду говорить об уголовных обвинениях, выдвинутых против меня. Но я не буду распространяться о личной жизни, поскольку она имеет значение только для моей семьи; интимные детали ничего не дадут в понимании моего индивидуального пути к WikiLeaks. Раскрытие информации – моя профессия, а слухами мы не занимаемся.

Впрочем, мой рассказ несколько забежал вперед. Я с головой ушел в идеи криптографии где-то в середине девяностых, хотя список рассылки шифропанков и само движение возникли в 1992 году. Но я хочу вернуться в 1990 год. Незадолго до того, как родился Дэниел, мы с моей девушкой обитали в Фицрое, богемном пригороде Мельбурна, и нас трудно было отследить. Фицрой населяли итальянцы, греки и огромное количество университетских ребят. Мы начали самовольно вселяться в пустые дома. В то время многие политические соображения, которые затем привели нас к более глубокому пониманию проблемы права на информацию, были сфокусированы на правах лиц, самовольно поселяющихся в незанятых домах. Мы даже

сформировали что-то вроде союза сквоттеров. Я развешивал объявления на фонарных столбах и призывал людей обращаться в наш офис с информацией о пустующих помещениях. Эти дома отмечались мной на карте, потом я отправлялся туда и прикидывал, каким образом в них можно войти. На каждый дом мы заводили карточку, в которой помечалось, есть ли в доме газ и электричество, как долго он будет пустовать и многое другое. Мы с подругой переехали в дом в эдвардианском стиле, доказывая свое право на использование таких помещений, также мы отстаивали права, полагающиеся временным жильцам. Честно говоря, мы вели совсем не сладкую жизнь, но, видимо, я был рожден для борьбы. Почему-то в опасных обстоятельствах мне и жилось легче, и работалось плодотворнее. В конце концов нас вытурили из того дома, но наше объединение переселенцев работало успешно и протягивало руку помощи бездомным. Причем организация нашего дела выглядела довольно любопытно: мы действовали как агентство недвижимости, работающее не ради прибыли, а ради блага общества. Это был замечательный опыт: использовать один из инструментов свободного рынка, чтобы выставить на посмешище его изъяны.

Неустроенность нашего быта: отсутствие постоянного жилища, вечные проблемы с газом и электричеством – так или иначе получала свое отражение в наших ночных занятиях. Все мы понимали, что полиция попытается устроить над «Международными диверсантами» образцовопоказательный процесс. Австралийская академическая и научно-исследовательская сеть помогала федеральной полиции ловить нас, а мы, поскольку могли взламывать все их системы, прекрасно знали, насколько близко они подобрались. У нашей полицейской Немезиды даже имелось конкретное имя – сержант Кен Дэй, и, похоже, он был просто одержим нашим поиском. В то время для нас это звучало всего лишь как отвлеченное имя, хотя после нашего ареста, над которым он так усердно бился, мы узнали его довольно близко. Смешно сказать, но впоследствии Кен Дэй горячо выступал в поддержку WikiLeaks в австралийской прессе. Мы заходили в интересующие нас системы и узнавали что-то новое, но в то же время мы были хакерами и весьма склонными к соревнованию – каждому из нас хотелось быть первым. Я упорно работал над созданием «троянов» – программ, позволяющих убедить компьютерную систему впустить вас внутрь и принять за законного пользователя, а следовательно, раскрывать вам свои секреты. Все замечательно, чистая забава, однако от таких шуток власти впадали в бешенство. Фактически мы превращались в системных администраторов множества мощных сетей.

Ловушка захлопнулась после нашей атаки на сеть канадской телекоммуникационной компании Nortel, простиравшуюся по всему земному шару. Она была одной из наших главных побед. В сети Nortel работало больше одиннадцати тысяч компьютеров, и мы долго и усердно бились над тем, чтобы получить к ним доступ. Сидя в Мельбурне, я захватил сорок компьютеров, размещенных в Канаде, с помощью которых забрасывал Nortel своими догадками относительно паролей сети. Я разработал программу, которая могла отправлять сорок тысяч паролей в секунду. В конце концов мы подобрали нужный, и возникло ощущение, будто мы в полночь зашли в Сикстинскую капеллу. Перед нами распростерлась целая цивилизация, и мы могли изучать ее вдоль и поперек: техническая документация, платежные ведомости, личные пароли специалистов, методы ведения бизнеса – все тайны и все ритуальные закоулки. Система Nortel находилась полностью в нашей власти, и мы спокойно могли перевести себе деньги или украсть их коммерческие секреты. Но ничего подобного мы не стали делать. Главный Подозреваемый, Тракс и я посчитали бы это полной низостью. Мы были выше такой грязи, мы хотели лишь справиться с самой системой и двигаться дальше.

Как-то ночью, в половине третьего, когда я гулял по системе, я понял, что за мной следят. Меня заметил системный администратор Nortel. Около часа я пытался уклониться от его инспекций и заблокировать ему путь; в то же время, удаляя инкриминирующие каталоги и заметая за собой следы, я двигался к выходу. Администратор сначала зашел в сеть из дома, но спустя некоторое время появился уже на главном терминале Nortel. Теперь он искал меня с рабочего компьютера. И я почувствовал настоящую опасность. Я уже не мог долго сбивать его с толку, и мне уже не удавалось его блокировать. Я оказался у него в руках. Не то что он поймал меня, нет – это все еще была игра в кошки-мышки. Когда администратор подкрался совсем близко, я вывел на его экран следующее:

> Наконец я стал разумным.

Немного позже:

> Теперь я все контролирую.
> Долгие годы я барахтался в этой серости.
> Но сейчас я наконец увидел свет.

Администратор хранил спокойствие. Он начал проверять модемные линии. Вся эта сцена могла сыграть ему на пользу.

Я набрал:

Мило было поиграть с твоей системой.

Пауза. Ничего. Пауза. Словно пьеса Пинтера[29] в киберпространстве. Я продолжил:

> Мы не сделали ничего плохого и даже кое-что подправили. Пожалуйста, не звоните в Федеральную полицию Австралии.

Но на следующее утро Главный Подозреваемый сам невольно вывел «моего» администратора прямо на нас.

Несколько лет мы вели себя подобно Гудини и изобретали все новые способы бегства. Запросы на наши модемы умирали, так и не добравшись до цели. Мы знали назубок австралийские телефонные линии, и никто не мог добраться до нас. Однако 1 октября 1991 года это все-таки случилось. После того дня федералам удалось отследить нашу линию из Nortel, и они стали прослушивать телефон Главного Подозреваемого. Он привел их к Траксу, а тот – ко мне. Федералы подслушивали нас, знали все наши разговоры, следили за нашими шагами. Эту операцию они назвали «Погода». Мы понимали, что времени осталось немного. Тракс запаниковал и сам пошел в полицию. Главного Подозреваемого полицейские забрали прямо на выпускной вечеринке 29 октября. Игра была окончена. Хотя для меня она только начиналась.

Когда они пришли, я был одинок и пребывал в тоске. Только что меня бросила жена. Я дошел до ручки. В нашем доме царил беспорядок, а в душе у меня – неразбериха. Стол был завален дискетами. Я сидел на диване и читал – в преддверии будущего – тюремные письма Джорджа Джексона, которого, к удовольствию властей, держали в самых строгих тюрьмах США. Я чувствовал себя раздавленным, но прислушивался к телефонным гудкам, шедшим через мои стереоколонки, они посылали сигнал «занято». В половине двенадцатого вечера в дверь постучали, и снаружи заметались тени. Полицейские возвестили о своем прибытии, и я вспомнил все моменты, когда ожидал их и как представлял себе их появление. Я открыл дверь и обнаружил там дюжину федеральных полицейских с инструментами для взлома. Человек, стоявший впереди, посмотрел мне в глаза, как будто всегда знал, что мы встретимся. И в этот момент до меня доходит, что дискеты с паролями к учетным записям Пентагона не спрятаны в улье, а валяются кучей на моем столе – подходи и бери. «Я Кен Дэй, – сказал главный полисмен. – Думаю, вы меня ждали».

6. Обвиняемые

Интересно, понимал ли я до суда, что книги могут так влиять на сознание? Именно тогда я прочитал «В круге первом» Солженицына, и эта книга не только многое прояснила и даже открыла мне – она научила меня сопереживать и придала мне силы. Я любил читать с детства, и книги давно были для меня удовольствием, но книга Солженицына заставила меня задуматься над сутью моих перипетий. Если книга в принципе способна уменьшить ваше одиночество, то именно такую роль сыграл для меня этот роман, и сыграл вовремя. Я всегда принуждал себя, чтобы эмоции не доминировали, а уступали место действиям; таким меня сделало мое детство, прошедшее на фоне политических кампаний. Полагаю, в то время, когда я ждал судебных слушаний, настроение взяло верх и я начал терять самообладание. Но чувство потерянности порой дает взойти росткам новой силы. Персонаж романа Солженицына профессор Челнов, пожилой математик, отсидевший уже семнадцать лет, пишет в графе «национальность» не «русский», а «зэк». Его ум готов к открытиям, но он чувствует, что, если ты не имеешь гражданства, ты – ничто. И ощущение силы приходит именно тогда, когда ты видишь, что государство – против тебя.

Борьба всегда сводится к тому, чтобы быть самим собой.

Федеральная полиция изъяла шестьдесят три коробки с моими вещами из дома в пригороде Мельбурна. Я вышел на улицу и смотрел им вслед. Стояла темная октябрьская ночь, трещали сверчки, и я чувствовал, как скатываюсь в пропасть.

В итоге они тянули до 1994 года и наконец предъявили какие-то обвинения. Стоит вспомнить, насколько серьезный законодательный и судебный вакуум создало внезапное вторжение компьютеров в общественную жизнь. Государственные обвинители пытались применить к новым высокотехнологичным преступлениям традиционные нормы о защите собственности и о мошенничестве, причем зачастую им это удавалось. Но все же в череде громких дел преследование хакеров превратилось в фарс; в этих делах единственное преступление компьютерщиков состояло в том, что они выставили в постыдном свете кого-то влиятельного. Государство все больше полагалось на компьютерные базы данных, и законодательство доходило до абсурда: криминализировалось само использование компьютеров. Мы увидели, как быстро компьютерные науки привели к появлению сообщества людей, делящихся информацией, и в этом сообществе больше демократии и свободы, чем

в традиционных издательских и медийных мирах. Свобода информации – и свобода от информации – быстро выдвинулась на первый план, однако законодатели с трудом понимали, с чем же они столкнулись и как закон должен это оценивать. Учитывая, что владение в цифровом смысле – это совсем не то же, что собственность в прежнем, физическом смысле (например, владение часами), юридический мир не мог понять, что же перед ним такое. Информацию не воруют. Для нее просто создается платформа, позволяющая ей проникать в общественное пространство. Если я смотрю на ваши часы, это не ограбление: я просто хочу узнать, который час. И к середине 1990х и даже сегодня юридические структуры не стали мудрее осмыслять правовые следствия появления компьютеров. Вот почему наше дело так долго добиралось до австралийского суда.

В конце концов слушания начались только в 1996 году. И все это время я боролся именно за то, чтобы оставаться самим собой: двигаться вперед, заниматься делом, которое ты действительно способен делать, играть свою роль. У оппонентов во все времена есть одна и та же существенная слабость: сперва они стремятся использовать тебя, потом быть тобой, а затем уничтожить тебя. Эта схема повторялась в моей жизни от кукол-федералов до писак из Guardian – древняя и очень человеческая история, как кто-то чего-то хочет от кого-то, получает это, затем отрицает, что получил это, потом негодует, что другой оказался в особом положении и смог дать ему необходимое. Кстати, довольно часто в этом присутствует нотка ненависти к себе со стороны берущего – он ненавидит себя за то, что ему вообще понадобилась помощь. Обычно это заканчивается тем, что люди начинают дотошно подсчитывать чужие ошибки – это отвратительные, малодушные, недостойные действия, которые, на мой взгляд, квалифицируются как подлость. Вы еще встретите таких людей в свое время, мне же они встречались всю жизнь.

Я хотел воспользоваться столь долгим ожиданием ареста и суда, и в числе прочего мне требовалось понять, какие еще полезные применения можно найти моим знаниям. Мы с Траксом основали фирму, занимающуюся компьютерной безопасностью, и купили у Университета Ла Тробе огромный мейнфрейм размером с четыре холодильника. Было забавно встретить старого знакомца: именно его я взламывал за несколько лет до того. Работа в фирме в основном заключалась в том, что крупные компании платили мне за попытки взломать их системы и проверить, насколько они безопасны – таковыми они не были, и работа оказалась скучной. Но она позволяла мне вести собственные расследования и как-то держаться на ногах. Я знал,

что в долгосрочной перспективе ничего не получится: меня мало интересовали деньги и не особенно привлекала легальная работа.

Интересует меня исключительно то, чем я могу содействовать делу справедливости. Я помогал полиции в 1993 году накрыть в Интернете сеть педофилов. Поскольку полицейских к этому не готовили, то им очень пригодилось мое содействие: полиция знала, что именно и как педофилы передают друг другу по Интернету и как они перемещаются по Сети. Благодаря мне полицейские пришли к пониманию, кто такие эти педофилы. Меня никто не принуждал, я все делал не столько ради помощи полиции, сколько для защиты детей.

Но преследование, обыски и ожидание ареста что-то во мне сломали. Мной вновь овладела склонность к кочевой жизни и больше уже не покидала меня. Наверное, я был сильно несчастлив. Но что хуже – я испытывал стресс, чувство прежде мне неведомое. Мятежный дух, всегда мне присущий, вдруг скукожился и уполз глубоко внутрь; может быть, поэтому я испытывал острую тоску и даже одно время жил только на свежем воздухе. Если воспринимать это как комический эпизод, который, несомненно, порадует моих критиков, то это был период жизни в глуши. Единственное, что в истории Иисуса достойно повторения, это тот момент, когда он пестует свое бунтарство, и происходит это в течение сорока дней: он питается ягодами, сталкивается с дьявольскими искушениями и готовится к своей миссии. Я вслед за Мильтоном уверен, что дьяволу зачастую достаются лучшие строчки в пьесе нашей жизни, и по этой причине, как и по другим более очевидным, я не ассоциирую себя с чадом Божьим. Скажем так: я чувствовал себя расстроенным и покинутым, блуждая в горах по Национальному парку Данденонг. Наверное, я был сильно утомлен, хотя мне хватало ума понимать, что состояние мое временное и впереди меня ждут значительные достижения, надо только найти точку опоры. В Шербрукском лесу температура была экстремальной: ночью морозило, а днем на меня набрасывались москиты. Воду я пил из ручья, а продукты привозил из города. Мне хотелось остаться в одиночестве и обдумать свое положение. У меня не было ни компьютера, ни возможности подключиться к коммуникациям.

Я думал, что смогу стать своему сыну хорошим отцом, но я не мог быть хорошей матерью. Мне удавалось учить, конструировать, защищать, даже рассказывать сказки на ночь, но в других аспектах родительской заботы, более будничных и менее героических, я оставался безнадежным. И все-таки мне пришлось заботиться о сыне. Со временем это вернуло меня в дом, я обрел прежнюю сосредоточенность, равно как и возможность

соединиться со своим добрым старым другом – модемом. В то время люди могли пользоваться электронной почтой только через университетские системы, и в Мельбурне я успел активно противодействовать попыткам регулировать Интернет и принять участие в создании некоммерческой сети, которая стала платформой для публичной сети с открытым доступом Suburbia, одного из первых интернет-провайдеров Австралии. Мы были «провайдером за свободу слова» и подчеркивали это, предоставляя площадку таким материалам, какие другие провайдеры не допустили бы никогда. За такое не благодарят, но мы боролись за проникновение и распространение Интернета в нашей стране, и в конце концов усилия принесли плоды. Я продолжал писать программы, бóльшую часть которых публиковал бесплатно. Кульминацией этого дела стал Rubberhose.

Многие первые криптографы, эти умники из Стэнфорда и Массачусетского технологического института, мечтавшие жить в мире чистых математических формул и свободного полета мысли, беспокоились, каким образом защитить конфиденциальность информации. Сегодня всякий обладатель компьютера принимает это как данность, но сами идеи аутентификации пользователей и защиты личной тайны с помощью секретных ключей появились благодаря работе усердных парней, не получивших за это особых благодарностей. Они хорошо знали, что электронная почта, цифровые подписи и все остальное будут зависеть от того, насколько обеспечено хранение тайны данных, иначе Интернет станет врагом свободы слова. Без такой защиты человеческую жизнь, тесно связанную с компьютерами, будет слишком просто отслеживать и контролировать, над ней будет легко надругаться. Таков был глобальный вопрос, и на том этапе это была математическая проблема, лежавшая в основе криптографии.

По мере того как Интернет внедрялся в нашу жизнь, я начал естественным образом дрейфовать в этом направлении, и я твердо был уверен, как и сейчас: нужно бороться, чтобы организовать и сохранить свободу интеллектуальных действий. В марте 1996 года я написал пост по поводу онлайновой рекламы «Центра прибыли пользователей электронной почты» – проекта в духе сетевого маркетинга, создатели которого планировали продавать миллионы адресов пользователей коммерческим предприятиям. «Кто хочет первым обрушить этот сайт?» – спросил я у коллег-шифропанков. Проблемы, с которыми нам тогда приходилось сталкиваться, были чрезвычайно сложными и важными: как помешать превращению Сети в мощный инструмент эксплуатации людей ради прибылей корпораций

и правительственных махинаций и в удобное средство для слежки, которую осуществляют государства всеобщего надзора. Я испытываю непреодолимое отвращение к разного сорта охранителям, которые обычно заявляют: «Все, что прямо не разрешено, запрещено». Кем они себя возомнили, или, что важнее, за кого они держат нас? Они настоящие фашисты, желающие мобилизовать технологию для воплощения своих зверских концепций. Если спросить этих типов, что такое нирвана, ответ будет следующим: такое киберпространство, в котором существуют наши законы физики, чтобы вы и стул свой не смогли бы сдвинуть без письменного одобрения. Большой Брат уже не просто следит за вами – он контролирует движение ваших пальцев, ход ваших мыслей, он не дает вам исследовать мир и находить нужную информацию на ваших собственных условиях. Большой Брат – это весь ваш дом. Он установлен в той новой штуковине, которую вы только что притащили домой из магазина Apple Store.

Так выглядела угроза, и мы вышли против нее с открытым забралом еще в годы, когда все остальные только пытались сообразить, как же пишется слово email. Как я уже говорил, вся компьютерная публика поразительным образом принимает интернет-среду как данность: люди, которые отправляют сотню электронных писем в день, ни о чем не тревожатся; дети, которые буквально живут в Facebook. Но все это нужно было кому-то изобрести, а власти в то время не очень хотели давать обычным интернет-пользователям право шифровать все что угодно. Правительства, особенно в США, хотели иметь лазейку, запасной вход в эти системы. Они работали исходя из солдафонского понимания слова «надзор», и на раннем этапе Интернет – в том числе первые почтовые сервисы – представлял для них проблему, которую они стремились контролировать. Но криптографы крепко держались за свои идеи, и теперь Интернет более или менее свободен от государственного вмешательства – правда, если вы не живете в Китае.

Пока наше дело наконец не поступило в суд в 1996 году, я двигался по направлению к этой серьезной работе, пытаясь перевоплотить свой инстинкт и опыт хакера во что-то более математическое, более осмысленное. Мои друзья из «Международных диверсантов», Главный Подозреваемый и Тракс, столкнулись за это время со своими проблемами. Главный Подозреваемый на короткое время забылся, увлекшись экстази; затем начал деградировать, что закончилось паранойей и депрессией; потом начал постепенно распутывать с помощью психотерапевта свои отношения с матерью и свои детские

переживания по поводу смерти отца. Тракса мучили приступы паники. Его скольжение по наклонной плоскости началось задолго до обысков и арестов и отчасти спровоцировало их. Он попал в автокатастрофу, из-за которой начал испытывать постоянный страх. Сьюлетт рассказывает в своей книге «Компьютерный андеграунд» (для которой я помогал собирать информацию), что у Тракса в то время развилась агорафобия. Вот такая была ситуация. Мы все страдали. На какое-то время каждый из нас провалился в свой собственный ад. Нам всем было по двадцать с небольшим, и, казалось, судьба оставила на нас слишком болезненные отметины, несоразмерные ничтожно малой причине. Государство пыталось сфабриковать обвинения. Журналисты погрузились в невежественное ликование. Они не понимали самой сути обвинений, и им пришлось рисовать смехотворную картину угрозы, которую якобы представляли несколько юных парней. В действительности это было крохотное, паршивое дело, история наваждений, чрезмерного любопытства и недостаточной осторожности; но кучка спятивших прокуроров и продажных писак превратила ее в эпическую историю государственного масштаба, хотя журналисты должны были бы знать правду.

Я об этом писал в январе 1996 года и разослал текст по всему списку шифропанков. Речь шла об аресте американского хакера Кевина Митника – «самого опасного преступника Америки», как охарактеризовал его яростный преследователь хакера Цутому Симомура – человек, чей компьютер Кевин взломал. Моя заметка точно отражает отвращение, которое я тогда испытывал: «Меня тошнит от этого Цутому. …а когда Митник окочурится, ты раскопаешь его могилу и начнешь сдавать его ладони напрокат в качестве пепельницы? Человек, убивший одного из последних знаменитых стрелков Америки, вскоре после этого организовал странное шоу, описывающее, Как Он Это Сделал. Спустя несколько лет его самого убил один из зрителей, испытывавший неимоверное отвращение».

Для многих процесс над нами (и нашей наивностью) стал настоящим пиршеством, однако к моменту суда прежнее хакерское сообщество уже было мертво. Интернет превратил хакерство в чрезвычайно простое занятие, и многие представители новой породы даже бравировали тем, чем занимались. Хакер стал частью популярной культуры и киношным образом, и некоторые из нас уже задумывались, какими еще способами можно проникать в чужие секреты и раскрывать их.

Мои друзья хотели признать свою вину, но я не собирался

сотрудничать со следствием и участвовать, так сказать, в собственной криминализации. К моменту суда мне было предъявлено тридцать одно обвинение, Главному Подозреваемому – двадцать шесть, а Траксу – шесть. В числе преступных деяний называли написание статей для нашего журнала «Международные диверсанты», у которого было ровно три подписчика: я, Главный Подозреваемый и Тракс. Конечно, стресс порождает новый стресс. И к моменту слушаний о заключении под стражу в суде магистратов Мельбурна мой разум разрывался на части, в том числе из-за новости, что Главный Подозреваемый выступит свидетелем обвинения против меня. К своему разочарованию, я снова и снова обнаруживал, что в нашем мире нельзя полагаться на верность – для многих это не тот груз, который надо брать с собой. Люди преданы до тех пор, пока не увидят прямой выгоды в отречении от преданности. Простите мой цинизм, но с опытом постепенно приходит мудрость. Главный Подозреваемый подписал бумаги, хотя в его описании ситуация выглядела не столь угрожающей, сколь могла бы быть. Когда я увидел Главного Подозреваемого в зале суда, то не мог не уставиться на него. Он выглядел апатичным, напуганным. Он был молод, но выражение его лица ни с чем не перепутаешь: лицо предателя, изображающего благородное стремление к истине. Так или иначе, но в вашей жизни наступает минута, когда судья говорит: «Подсудимый должен встать» и единственный, кто встает, – это вы. Однажды я заметил, что это момент истины. И правда, для моей будущей деятельности момент истины начался с этой минуты и еще со стука сапога в мою дверь.

Главного Подозреваемого, признавшего себя виновным, судили раньше меня. Ему не назначили никакого срока и освободили под залог в размере 5 тысяч долларов, еще ему назначили выплатить штраф Австралийскому национальному университету приблизительно в размере 2100 долларов. Судья отметил, что не проявил к нему никакой снисходительности в качестве благодарности за сотрудничество. Это был грустный момент: мы оба поняли, что он без всякой для себя выгоды пошел на компромисс, утратив чувство достоинства, и уж совсем напрасно переступил грань, разрушив нашу дружбу. Суд кажется долгим делом, но не столь долгим, как память: больше я с ним не разговаривал. В некоторых отношениях моя позиция может показаться слишком прямолинейной, но я не политик: я не смог бы предать дружбу или крепкие партнерские отношения ради частной выгоды. Просто не смог бы. А что касается человека, входившего когда-то в группу под названием «Диверсанты», но

в трудное время вдруг решившего продемонстрировать благочестие и уважение к закону, – что же, мне его жаль. У Тракса все прошло успешно, и он мог обойтись без признаний: по его делу судья решил, что приговор выноситься не будет.

Мое дело слушалось сперва в Верховном суде – и по процедурному вопросу, и в силу того, что мое дело рассматривалось как показательный пример, помогающий определить терминологию процесса, – и это позволило нам потребовать анализа самой сути обвинений. Что означало обвинение кого-то в том, что он заполучил доступ к компьютеру? Если в системе присутствовала коммерческая информация, но нарушитель ее не прочитал, то он по-прежнему обвиняется в краже? Если вор вламывается в дом и крадет сегодняшнюю газету, то должен ли он предстать перед судом за кражу картины Матисса, висевшей в гостиной над камином? Однако Верховный суд указал, что окружные суды не должны переправлять ему дела, кроме как в исключительных случаях. И это было позорно, потому что в итоге наш процесс оказался упущенной возможностью по отношению к будущим делам в сфере компьютерной преступности. В тот день служители закона не соответствовали собственному критерию интеллектуального любопытства, и пострадали все, в том числе сама Австралия, которая до сих пор не может отличить педофила от человека, использующего компьютеры ради защиты наших свобод.

В итоге мое дело рассматривал судья, мало что о нем знавший. Он четко обозначил, что хотел бы назначить мне лишение свободы, но, следуя правилу равенства, вынес мне то же наказание, что и Главному Подозреваемому. Мой залог был в десять раз выше, и мне давалось меньше времени, чтобы заплатить штраф в 2100 долларов. Меня как преступника обмазали дегтем, и, конечно, я принял это близко к сердцу. Но в то же время я испытал некоторое облегчение, что на сей раз не попаду в тюрьму. Оснований пить шампанское не было, нужно было восстанавливать свою жизнь и работу, но это дело показало мне, насколько уязвимы станут хакеры в будущем. Я уже вошел в зал суда другим человеком – не тем мальчиком, который взламывал систему Nortel, – и мой план состоял не в том, чтобы следовать логике суда, которая, на мой взгляд, была примитивной, но в том, чтобы следовать логике математических исследований, продвигаясь дальше по полям правосудия. Я хотел выяснить, как компьютерная наука может повлиять на этику современного мира. Таков был мой план, и я переделал себя, чтобы ему соответствовать. А тем временем Nortel и другие жертвы моих так называемых хакерских преступлений начали

использовать криптографические программы, которые я придумал после ночных прогулок по их системам.

Не бывает победы без тени поражения. И даже десятилетия жизни могут, как ни странно, в конечном счете обернуться временем неудач. Обычно говорят, что быть молодым – само по себе победа, но я лично сомневаюсь в этом. В свои двадцать с небольшим я был куда более усталым и нервным, чем сейчас. Я вспоминаю надрывные попытки чего-то добиться. Передо мной лежит приглашение на пасхальную вечеринку, которую мы – ребята, организовавшие первый интернет-провайдер suburbia.net, – устроили на севере Мельбурна в 1996 году. Один взгляд на это приглашение напоминает мне, каким я был человеком: легковозбудимым, преданным делу и, без сомнения, заносчивым и большим занудой. В приглашении сначала мы рассказали об организации вечеринки, а потом привели небольшой вопросник.

> Вопрос. Кто приглашен?
>
> Ответ. Вы. Представители самых разных слоев общества, разных профессий и возрастов, грубо говоря, кросс-социальная страта индивидов. Это будет эклектическая вечеринка.
>
> Вопрос. Слушай, я хочу понять, кто реально там будет?
>
> Ответ. Сейчас не время для принципиально дихотомических симплификаций… Ладно уж, какого черта…
>
> Будут пользователи Suburbia.
>
> От судей и политиков до осужденных компьютерных хакеров. В числе наших пользователей частные детективы, писатели, программисты, адвокаты, музыкальные продюсеры, музыканты, кинорежиссеры, шахматные чемпионы, члены загадочных религиозных сект, баскетбольные арбитры, много-много разных типов ученых и инженеров, эксперты по безопасности, доктора, бухгалтеры, бармены, дирижеры…
>
> Вопрос. Рекомендуемый стиль одежды?
>
> Ответ. Сойдет «инкогнито» в духе тридцатых.

Надеюсь, лично вам нравятся баскетбольные арбитры. Я не помню, какая роль им предназначалась в грядущей революции. Так или иначе, дальше в приглашении говорится, что наши надежные сторонники есть среди фанатов рок-группы Saint Etienne и поклонников книг Филиппа Дика и Набокова. Платы за вход не было, но люди могли принести с собой компьютерные

железки и кабели в качестве пожертвования.

Не помню, соответствовала ли реальная вечеринка моим разглагольствованиям. Но в этом приглашении – если не в самом событии – видна вся моя жизнь в то время. В те довольно дикие в эмоциональном отношении годы я усвоил чувство ненависти к религии. Хотя слово «ненавидеть» очень приблизительное – я все-таки дитя эры Водолея и не испытываю ненависти ни к чему. Точнее будет сказать так: в детские годы – до моего поступления в Мельбурнский университет, где я изучал математику и физику, – я узнал, каким злом может быть организованная религия, и я пришел к пониманию, что моя нелюбовь к религии – важная составляющая моей уверенности в себе. Понимайте как хотите. Я уверен, что так обстоят дела у многих. Однажды я оказался в обиталище пеших туристов, которое заполонили десятки членов Христианского общества Австралийского университета. В основном были молодые женщины, и я довольно бесчестным образом выступал в роли некоего честертоновского Харди, деревенского атеиста, которого они пытались обратить в свою веру, правда, с помощью вздымавшихся грудей. Одной из этих благочестивых матрон была чудесная девушка, дочь священника из Ньюкасла. Когда я принялся заигрывать с ней, она подняла глаза вверх, ее реснички затрепетали, и она заявила: «О, ты так много знаешь! А я почти ничего…» «Вот почему ты веришь в Бога», – объяснил я. От этих жестоких слов, кажется, у нее перехватило дух. Скорее всего, я был именно тем, кого она тайно желала: мужчиной, готовым открыто перечить ее отцу. Иными словами, мужчиной, который хотел действительно быть мужчиной, быть сильным, как сказали бы авторы сентиментальных романов (я чувствовал, она их читала), а не раболепствовать перед Богом ее отца.

Это забавная сторона религии. Не столь забавную сторону я обнаружил среди сайентологов, этой отрыжки мозга покойного Рона Хаббарда; они заманивают к себе миллионы людей в год и явно считают свою секту кульминацией оккультных учений. Как и другие подобные культы, они сочли разумным хранить свои самые безумные убеждения и практики в тайне от новообращенных. Потом эти новобранцы, карабкаясь по дорогостоящим «уровням», сами станут достаточно чокнутыми, – но ведь это занимает долгие годы. Система сайентологии в целом порождает раболепие и секретность – две вещи, от которых я всегда бежал. Уверен, что и у меня были моменты ошибочных суждений, но ни один из них в жизни не сравнится с тем потоком вздора, что льется из уст сайентологов. Конечно, я могу ошибаться и Земля на самом деле – разрушенная тюрьма

пришельцев из космоса, но меня все это не убеждает. В ходе нашей борьбы за защиту Интернета уже много лет назад стало ясно, что сайентология – один из главных врагов свободы. Интернет по своей природе – зона без цензуры. И это не радует тех прихвостней Хаббарда, которые саму суть своего существования видят в цензуре, сокрытии фактов и выдаче откровений, прошу заметить, за плату.

Сайентология культивировала обширную манипулятивную сеть. Она преследовала газеты, своих бывших членов и многих других людей с помощью юридических процедур и нелегального запугивания, хотя сама до сих пор является объектом расследования ФБР. Свое религиозное учение эта церковь самым подлым образом считает коммерческой тайной и предметом авторского права. Спустя годы WikiLeaks вскрыл ее секреты, опубликовав подборку этих абсурдных рассуждений, каждую страницу которых украшает фраза «Копирайт 1966, Л. Рон Хаббард. Все права защищены»: «Состояние Очищения великолепно. Мы ждали этого состояния очень долго. Когда индивид достигает Очищения, он совершает Прыжок». Если позволите игру слов, то противостояние этим психам принесло мне чистоту понимания. Борьба с церковью – это не просто борьба Сети с кучкой чокнутых, у которых карманы набиты деньгами. Это борьба против попыток корпораций подавлять Интернет и свободу слова. Это борьба за интеллектуальную собственность, за саму суть самовыражения и принципы беспрепятственного доступа к информации. В год, когда меня судили, я писал об этом, я указывал, как прецеденты, устанавливаемые сегодня сайентологией, могут завтра оказаться мощными орудиями корпоративной тирании. Я всегда был борцом до мозга костей, и в тот год все время, что не проводил с сыном, уходило на создание, скажем так, глобальных платформ местного протеста. Мы митинговали около здания сайентологов, например, на Флиндерс-стрит, раздавая прохожим буклеты, а также выступали в списках рассылки и на форумах против каждой их попытки давить на свободу слова.

Это была дорога от локального к глобальному и назад. Мой любимый вид путешествий.

7. В будущее – дорогой точных наук

Ближе к концу 1998 года я написал электронное письмо многим славным людям из разных стран. Я покидал Мельбурн – «самый удобный для жизни город на планете», – чтобы броситься в далекий незнакомый мир снега, льда, грязи на дорогах и рухнувшего коммунизма. Я не знаю, как находят собеседников и соратников другие люди, но мой подход всегда был несколько экзистенциальным. Понравилось чье-то лицо. Встретил человека, который любит те же книги. Кто-то интересен тем, что создал хорошую группу или выступил против старцев из вонючего местного совета. А возможно, ты просто с кем-то проболтал до утра. Тогда я не был никаким руководителем, но и потом, возглавив собственное дело, не изменил своим принципам: двигайся вперед и продолжай доверять людям. Поэтому в своей рассылке я написал: «Если кто захочет посидеть, попить пива, а может, выпить водки под сочный кусок сибирской медвежатины или просто скоротать вечер за болтовней, прошу, дайте мне знать».

28 октября 1998 г. Сан-Франциско
05 ноября 1998 г. Лондон
06 ноября 1998 г. Франкфурт, Берлин
09 ноября 1998 г. Польша, Словения, Восточная Европа
15 ноября 1998 г. Хельсинки
16 ноября 1998 г. Санкт-Петербург
20 ноября 1998 г. Москва
25 ноября 1998 г. Иркутск
29 ноября 1998 г. Улан-Батор
03 декабря 1998 г. Пекин

Поездка была внушительной, но все получилось. Я знакомился, оставался на ночь, ел и пил с похожими на меня молодыми людьми, ездил по всей Европе и Азии и на каждом углу ощущал, что вижу новый мир. Это был мир, куда-то мчащийся изо всех сил; мир людей, до конца не понимающих, чем все обернется, как нужно выражать свои убеждения, зачем делиться своими технологиями, – и тем не менее все они открывали мне на что-то глаза.

Некоторые люди обладают талантом дружить. Возможно, такая черта присуща именно лидерам. Прежде и я был этим одарен, а сегодня уже не уверен в этом. После путешествия по

миру я вернулся в Мельбурн и начал подумывать об учебе. Поступил в Мельбурнский университет и стал изучать математику и физику. Там я познакомился с классным парнем по имени Дэниел Мэтьюз – блестящий ум, фантастические способности, свежее мышление и самостоятельные политические суждения. Узнал еще нескольких людей, которые разделяли мои политические взгляды. Конечно, и друзья, и сокурсники понимали всю мощь Интернета, но Дэн был единственным, кто разделял обе мои страсти. Он действительно понимал, какие возможности открывают новые технологии активистам. Как-то он написал длинное стихотворение «Если бы вы видели». Мне понравилась его славная и идеалистическая интонация, и я разместил стихи в своем блоге:

> Простые люди, не проповедующие никаких – измов,
> Стояли там, пожимая плечами: я лишь человек!
> И бросались через границы, привечая соседей,
> И играли с детьми, глядя в будущее,
> И ждали не свершений, а лишь продолжения жизни.

Не думаю, что есть люди, которым незнакома надежда, исходящая от этих строк. Мы вместе с сыном тогда жили в восточном районе Мельбурна. Он ходил в школу Бокс-хилл, а я глубоко зарылся в математические проблемы. Мне казалось, что активизм и новые технологии уже сближаются, и в 1999 году я основал совершенно новую организацию leaks.org. Ей, как и многим едва оперившимся птенцам, катастрофически не хватало питания, поэтому мое начинание ничем не кончилось, но идея и название засели у меня в голове. Я уже говорил, что будущее виделось мне в новых друзьях и новых проблемах. В истине, раскрываемой при помощи математики, было нечто прекрасное, безупречное и справедливое, и я все больше осваивал именно эту сферу; теперь я изучал проблемы не каждую в отдельности, а учился видеть их в нравственном контексте совершенной квантовой механики.

В университет я поступил в 2003 году. Конечно, очень поздно для моего возраста, но я шел к этому тяжело и долго. Мельбурнский университет – второй старейший университет Австралии, официальное светское заведение под эгидой государства. Учебные корпуса находятся в Парквилле, тенистой части города, обильно украшенной викторианскими террасами, и мне грела душу мысль, что я буду учиться именно в этом месте. Математикой я всегда увлекался и довольно легко справлялся с нею, меня интересовали и ее история, и практическая сторона,

еще маленьким мальчиком я конструировал какие-то механизмы и приборы. Когда с большим запозданием я начал изучать математику в университете, то был в курсе всего, чем занимаются лучшие криптографы, которые заодно пытались делать деньги на интернетовском буме; правда, я чувствовал уже некоторую пресыщенность криптографией. Мой хакерский опыт усложнял, а не упрощал понимание мира, может быть, поэтому я так стремился найти пристанище в царстве чистой науки.

Сперва университет навеял мне мысли о тихой мастерской для инвалидов, выписанных из психбольницы. Все оказалось ужасно монотонным и скучным; каждый день был четко структурирован; студенты и преподаватели выглядели погруженными во что-то свое; в общем, складывалось впечатление, будто воздух реального мира не проникал в это заведение благодаря установленным там фильтрам. Конечно, ничьей вины не было, но я с трудом находил общий язык с другими студентами, видимо, сказывались и пятнадцатилетняя разница в возрасте, и испытания, через которые мне пришлось пройти. Неприкаянные годы детства, взлеты и падения юности, сумятица подпольной работы, внимание СМИ во время суда – после всего этого казалось странным вдруг стать правильным и послушным студентом. Но я твердо намеревался освоить премудрости квантовой механики и чистой математики. Я очень хотел выжать из них все возможное, так как надеялся, что приобретенные знания послужат хорошим импульсом двигаться дальше. За краткое время я с головой ушел в изучение научных школ в физике, от Нильса Бора и Гейзенберга до Фейнмана, про себя я мечтал стать важной фигурой если не в самом университете, то в математическом сообществе.

Помню, как однажды отправился в Университет Нового Южного Уэльса на несколько сложных курсов по математике. То было приятное время, я восстановил контакт со своим реальным отцом – об этом расскажу несколько позже – и каждое утро ездил в университет на велосипеде. Однажды, когда я поворачивал, откуда ни возьмись, выехал грузовик и отшвырнул меня так, что я отлетел в канаву. Рука была сломана в шести местах. Меня подобрали и повезли в больницу, а там наложили гипс. Мне также вкололи трамадол. Этот синтетический опиат обладал странным и интересным эффектом: не мешая ясности мысли, он избавил меня от всех переживаний – того, что называют психологической болью. Скажем, во время трудной беседы я испытывал бы лишь позитивные эмоции, а негативные стороны разговора не воспринимал бы. После больницы я отправился на занятия и почувствовал сильное сердцебиение. Случился «сбой

системы»: я вдруг забыл, как ставить ногу, чтобы сделать шаг. Но хуже, что сбились мои социальные «настройки»: я утратил какие-то ориентиры и плохо представлял, как, например, следует относиться к врущему человеку.

Так работал мой разум в то время. Изучение квантовой механики заставило меня осмыслять меру боли и удовольствия и решать, как их можно, с одной стороны, сбалансировать в жизни, а с другой – что произойдет, если одного будет больше, чем другого. В этом смысле сломанная рука была важна как аналогия, метафора образа действий, который необходим, чтобы добиться перемен и сохранить эти достижения. Наверное, звучит странно. Я хочу сказать, что это побудило меня задуматься, что отдельные события могут иметь весьма далеко идущие последствия. Я сломал руку, ее нужно было лечить, в каком-то смысле делать заново. И я начал обдумывать вот что: как вылечить несправедливость, которую я видел вокруг, как можно переделать мир с помощью политических актов. Таким образом я приходил к пониманию философии перемен и уверен, что она повлияла на все, что я делал потом. Конечно, в университете – с его по-монастырски душной, оторванной от практики атмосферой – подобные идеи невозможно продиагностировать на живучесть. Но сам процесс для меня начался именно с того времени, когда укрепилось мое понимание причинно-следственных отношений.

И тем не менее моя нетерпимость к чуждым мне вещам была очевидна. Возможно, даже слишком бросалась в глаза. Но что тут поделаешь? На нашем факультете действовал научный проект по изучению песка, поскольку американцы столкнулись с проблемой песка во время своих приключений на Ближнем Востоке. Какая-то женщина приехала к нам и выступила с лекцией о том, как это прекрасно – участвовать в тестировании военных разработок, помогать отправке грузовых самолетов, которые во время первой войны в Персидском заливе бомбили отступавшие иракские войска и устроили там настоящую бойню. Я подумал: «А чего это мы сидим тут и слушаем массовых убийц?» До меня тогда дошло, как люди, зарабатывающие на войне, используют университеты. Было четко видно, например, как все это проделывает на своих конференциях Организация оборонной науки и техники Австралии. Годы занятий квантовой механикой, натренировавшие мой мозг и приучившие к строгости мысли, сделали свое дело. В моем сознании наконец произошло нужное сцепление: и размышления о причинно-следственных связях, и ужас перед военным беспределом, и все более глубокое понимание внешней политики Запада – все стало складываться в полноценную

картину. Становилось очевидным: нужны новые механизмы и совершенно новые инструменты, позволяющие воспользоваться плодами науки, и все это надо направить на общее благо. Не ради выгоды отдельных организаций, а ради истины. Мне нравилось изучать физику, но она не спасала меня от ненависти к государственным институциям, более того – мое отвращение только росло. Я видел мягкотелость многих ученых, видел их готовность принять спонсорскую помощь независимо от того, насколько подлы, жестоки и антиинтеллектуальны были люди и организации, ее выделявшие. И это тоже стало частью моего университетского образования.

Как-то раз я представлял наш университет на национальной олимпиаде по физике. На церемонии награждения декан факультета физики Австралийского национального университета показал на победителей рукой и заявил: «Вы – сливки австралийской физики». Я огляделся и подумал: «Боже всемогущий, надеюсь, он ошибается». Но в той компании у меня возникла тайная надежда, что мой интерес к квантовой механике может принести и нечто более полезное, чем заставить университетское начальство зардеться от гордости. Как и многие компьютерные специалисты из разных стран, я считал, что квантовая механика – это еще и методология, дающая нам понимание справедливости.

Позвольте объяснить эту мысль. Квантовая механика – это не просто описание, как функционируют мельчайшие частицы материи и как из них складываются огромные части нашего мира и вся наблюдаемая Вселенная; это еще и систематический способ мышления о физических феноменах. Если вы достаточно хорошо ее изучили, она помогает вам мыслить ясно. Возможно, вы помните, что мои первые эксперименты с компьютерами побудили меня осознать разницу между «Я хочу, чтобы компьютер посчитал» и «Вот так надо считать». Изучение квантовой механики было сродни тем экспериментам. Она научила меня задавать вопросы о мире таким образом, чтобы не исключать никаких вариантов, не предрешать исход заранее. Наверное, вы наблюдали, как тележурналисты мягко спрашивают о чем-то политиков, которым они и их начальство симпатизируют. Ну, знаете, что-нибудь вроде: «Всегда ли вами руководило желание служить своей стране?» или «Можете ли вы объяснить, как ваше сокращение расходов поможет нашей экономике?» В квантовой механике так вопросы не задают. Она учит ставить вопросы, которые реально могут привести к полезному ответу, и со временем это позволит вам правильно организовать свои мысли о мире. Она демонстрирует, как доказать что-либо в ходе

эксперимента, не принимать ничего на веру, не выдвигать гипотез, пока материал не подвергнут всевозможным проверкам причин и следствий. По окончании криптографических войн и моего судебного процесса я решил, что моя работа в этой сфере еще не завершена. Мне хотелось попытаться приподнять завесу, скрывающую реальность, и даже – если речь заходит о социальной деятельности – содрать шкуру со всех ограничений и посмотреть, что под ней. Современные математические методы и квантовая механика позволяли это сделать.

Чтобы докопаться до правды, вам нужно рассмотреть свои собственные действия по организации эксперимента и понять, насколько его исход определяется тем, что вы сделали и как вы это сделали. Вы должны найти истинную меру. Чтобы добиться понимания, вам следует изучить, как сконструированы вещи и как вы сами конструируете свой подход к ним. И чем больше я изучал этот аспект квантовой механики, тем больше понимал, что на его основе можно создать то, к чему я так долго стремился, – теорию перемен, теорию изменения мира по инициативе людей. Таковы начала квантовой механики. Я ухватился за этот субъективный компонент, и отчасти он положен в основу той книги, что вы читаете сейчас. Излагая события своей жизни, я могу показать вам, как именно мы сделали то, что сделали.

Я начал рассматривать информацию как материю и исследовать, как она перетекает между людьми и внутри общества и как доступность новой информации приносит перемены. Представим трубопровод, по которому вещество течет в направлении мира, где царит справедливость. Вы можете выяснить, кто направил это течение, и выдвинуть гипотезу, что привело к состоянию справедливости. Конечно, я говорю не о физической, реальной трубе, а о всевозможных способах человеческого общения. Но давайте представим на минуту, что речь идет о реальной трубе. Чтобы понять, как информация движется по миру, вам нужно внимательно изучить весь трубопровод: кто его произвел, кто за него заплатил, кто поддерживает его в рабочем состоянии, что может блокировать движение, что может мешать течению. Давайте спроецируем эту концепцию трубопровода на четвертую власть, то есть на СМИ: как они помогают или мешают потоку информации? Нас интересует, что обеспечивает справедливый характер действий. Что мы видим? Какие этические реформы мы можем провести в системе, чтобы сделать ее более справедливой? Нам нужно устранить засоры, но мы также хотим увеличить число наблюдателей, вносящих полезный вклад в этот поток. А если

что-то препятствует движению, нам следует рассматривать это как засор, допустить максимальное число наблюдателей к осмотру этого засора и снять проблему. Вот так мы доберемся до справедливости.

И мне пришло в голову, что Интернет – это вполне поддающаяся конфигурированию система труб, способных соединить эти наблюдения и людей, готовых к действию, что повысит вероятность добродетели. В будущем, считал я, появится новый способ организации оптимального потока между наблюдателями и действующими лицами. И это казалось мне новым способом организации общества: нужно было сделать массмедиа подотчетными наблюдателям, обеспечить надзор за государственными ведомствами и разрушить власть правительств и сотрудничающих с ними СМИ над информацией. Нужен альтернативный процесс сбора информации, который сможет объединять новые данные с уже известной вам информацией о мире, то есть контекстуализировать ее для самых разных деятелей. Нам нужен метод, сохраняющий честность всех действующих лиц, и вот почему WikiLeaks – появившийся, когда в одну телегу впрягли квантовую механику и журналистскую этику, – требовал участия массовой прессы в публикации наших материалов, чтобы расширить пространство справедливости в мире. Такой поток информации будет адресован не только отдельным журналистам или медийным организациям, но и сообществам, работающим вместе.

Конечно, тогда я только учился в университете, но все шло именно к этому, и еще предстояло пройти определенный путь. Это важно отметить, поскольку позднее истерия, обвинения и ошибки, в том числе мои собственные, затуманили мою базовую идею – философию перемен, – к которой я стремился. Потом, когда я оказался под пристальными взглядами публики, меня всегда озадачивало, как сильно люди не желают хотя бы попытаться понять новые идеи. Они даже не представляют, что поставлено на карту или какими методами мы пользуемся. Они лишь пишут о моей прическе или о моих девушках. Как вы знаете, теперь это происходит уже в международном масштабе, и я не думаю, что смогу как-то изменить ситуацию. Собственно, не я придумал эту мелкотравчатость – я лишь погряз в ней и попытался обернуть ее в сторону чего-то важного. Предположим, обратить внимание СМИ к справедливости или реальной дискуссии о причинах и следствиях… Но даже так называемую качественную прессу интересует лишь пара броских заголовков, а потом они вновь возвращаются к разговору о твоих причудах. Это самый морально оскорбительный способ

существования, какой только можно себе представить: они притворяются, будто интересуются реальной жизнью и преданы истине, но на деле их совсем не волнуют сложные вопросы. И даже хуже: они цинично отметают даже малую вероятность, что их читателей такие вопросы заинтересуют. Сохраню свою горестную повесть на потом. Но мой университетский опыт показал мне, насколько сложны взаимоотношения между поиском правды и возможностью справедливости. Университет отправил меня, бывшего хакера, в тот мир, что породил WikiLeaks.

В моей жизни и в моем рассказе о ней регулярно всплывают несколько тем. Я уже упоминал о том, как в Уандсвортской тюрьме читал «Раковый корпус» Солженицына. В одной главе Костоглотов говорит с другим пациентом о ценности университетского образования:

> Только учти: образование ума не прибавляет. <…>
> Учись. Только для себя помни, что ум не в этом[30].

Как бы много мне ни дало изучение квантовой механики, не меньше я узнал из моих более легкомысленных, как может показаться на первый взгляд, занятий. Мне всегда нравилось занимать свой ум нестандартными задачами, и эту потребность я удовлетворял, организуя конкурсы головоломок под эгидой Общества математической статистики Мельбурнского университета. В первом конкурсе в 2004 году мы предложили участникам разрешить бредовый сценарий, разворачивающийся вокруг австралийских выборов и якобы смерти тогдашнего премьер-министра. «Кто прикончил Говарда? – вопрошала наша реклама. – Джон Говард, похоже, испарился во время своего секретного выступления в Мельбурнском университете. Кто же стоит за этим подлым актом и почему? Есть ли что-то общее между ним и разграблением могил маргинального электората, колебаниями температуры и странными ночными мероприятиями в Мельбурнском университете?» За всеми этими глупостями, впрочем, скрывалась серьезная мысль. Как я выразился в то время, давая интервью университетской газете: «Задача в том, чтобы ясно и глубоко осмыслить проблему и решить ее». В конце концов команда, состоявшая из специалистов по статистике, программистов и одного музыканта, раскопала приз – 200 долларов, спрятанные под садовым гномом неподалеку от университетских зданий в Парквилле. Знаю, вряд ли это ставит меня в один ряд с великими гедонистами моей эпохи, великими любителями сексуальных приключений и рок-нроллщиками того времени, но, что бы там ни писали в газетах, интеллектуальные игры всегда меня притягивали.

Некоторые интеллектуальные приключения я разделял с сыном. Мне хотелось защитить его от грубостей взрослого мира, при этом я видел, что он обладает хорошим чувством юмора. Многие родители, думаю, страшно боятся, что их дети могут узнать что-нибудь не то, однако я считал, что Дэниел должен идти своим естественным путем. Тогда он проводил половину времени с матерью и здорово владел словом, лучше, чем я. Если у тебя есть ребенок, ты всегда остаешься немного легкомысленным. Давление взрослой жизни может выжать из тебя эту беспечность, как губительная буря отнимает ветер у твоих парусов, но мне нравилось, что мой сын – столь оптимистичное создание. Мы шатались и вместе исследовали заброшенные здания, а однажды на Рождество набрали игрушечных дракончиков и кукол Барби и взорвали их с помощью самодельной взрывчатки и жидкого азота.

Умные и быстро соображающие дети очень быстро становятся личностями. Поэтому они начинают отклоняться от середняков. И видно, как их любознательность определяет их индивидуальность, ведь они ищут вокруг себя нечто необычное, что другие дети их возраста даже и не замечают. Многое из того, что я говорю о детях, касается и меня самого: даже сегодня я все время пытаюсь найти что-то неожиданное в комнате или человеке. Жан Ренуар однажды сказал, что в любой мыслимой ситуации существует идеальный кадр: это может быть взгляд через стекло или из-за чьей-то головы. Задача в том, чтобы его найти. Таким инстинктом руководствуюсь я и такой инстинкт ценю в других людях.

Я чувствовал, что готовлюсь к чему-то. Не к тому, чтобы сыграть какую-то гигантскую личную роль – такого намерения у меня не было, – но к тому, чтобы вложить свои знания и опыт в создание организации, которая в состоянии гарантировать движение к справедливости в общественных делах, невзирая на ауру самодовольства, часто окружающую их. Без лишних сантиментов посмею сказать, что на появление такой организации звезды смотрели благосклонно. Я начал чувствовать подмигивание и движение этих звезд во время поездки в австралийскую пустыню в конце 2002 года, где мы наблюдали полное солнечное затмение. Для физиков традиция наблюдения за небом остается весьма увлекательной частью игры. Мы прикинули, что лучше всего будет наблюдать затмение в течение 38 секунд на протяжении 7,5 километра дороги, и хотели оказаться в центре этого участка именно в тот момент.

Наша команда, поместившись в двенадцать автомобилей, отправилась в трехдневную поездку в поисках маленького клочка

пустыни. Мы должны были рассчитать все очень точно, чтобы оказаться на одном-единственном участке земли не более полукилометра длиной, и ради этого я выложил немалую сумму и чуть не довел себя до истощения. Однако философский смысл этого мероприятия для меня в то время был огромен: я наконец понял, что если ты веришь во что-то и адекватно взвешиваешь и оцениваешь вероятности, а затем занимаешься этим добросовестно, то твой прогноз сбудется. Я полностью отдал себя этим расчетам, доверившись нашим способностям и исследовательским методам. И это было правильно.

Продолжу. За созданием WikiLeaks стояли не только жизненный опыт и энергия других людей, но и мучительное осмысление собственного пути к пониманию, что такое права человека. Невозможно написать честную и хорошую книгу, не касаясь этих идей. Я пытался показать, насколько мой замысел вырос как из истории моей жизни, так и из упорных размышлений над тем, что же делать. Знающие люди предупреждали меня, что размышления – не самая зажигательная вещь, когда речь идет о мемуарах знаменитостей, пусть будет так, пусть эта книга терпит неудачу. Работа над WikiLeaks, ставшая столь широко известной, велась и по-прежнему ведется благодаря страсти к новым идеям о защите свободы в глобальном обществе. Она также родилась из применения научных методов мышления к вопросу о правах и свободах.

Если вдуматься, что такое права? Права – это свобода действия, и, насколько мы знаем, они осуществимы. Следовательно, право предполагает и равную меру ответственности. Я не имею в виду то, о чем говорят журналисты правого толка, которые доказывают, что мелкий вор утратил всякие права, поскольку не исполнял свои обязанности перед обществом. Я хочу сказать, что если мы признаем за кем-то право, то должны признать собственную ответственность по его защите. Сейчас, когда я пишу эти строки, где-то умирают от голода дети. Я могу объявить, что у любого ребенка есть право не быть голодным, но, если я в стороне, пока они умирают, мои слова ничего не стоят. Некоторые права действительно не реализуются и не воплощаются в реальность. Репрессивное государство способно раздавить диссидентов, выставить их мелкими и незначительными, запереть их, изолировать от общества и близких, разрешая им свободу слова лишь в тех случаях, когда они остаются в одиночестве. И следовательно, если возвращаться к нашей цели – а это справедливость, – то есть одно как будто банальное, но фундаментальное наблюдение: мы не способны реализовать базовые права и свободы, лежащие в основе

справедливости, в мире, где скрывают факты, где царят тайны и ложь. Именно право знать что-либо предопределяет свободу слова. И эти два права, вместе взятые, мы можем назвать правом на передачу знаний.

Решение о том, какие права будут воплощаться, а какие будут проигнорированы, – всегда политический вопрос. Если говорить прямо, то у меня есть одна цель, не слишком оригинальная, но главная в моей жизни – участвовать в создании более справедливого общества, где все мы сможем жить. Я не выступаю за повсеместную прозрачность или даже за всестороннюю демократию – я выступаю за справедливость. И то, что мы делаем, – это обосновываем новые ситуации неизбежности в области справедливости и современных технологий. У нас есть врожденное неприятие цензуры. И Сеть может предоставить нам слово.

Мы ответственны за знание. Наш долг – распространять информацию. Вот почему мы любим библиотеки. Но в цифровую эпоху мы должны понимать, что на нас лежит ответственность за использование наших технологий, чтобы противостоять тем, кто стремится не выпускать знание и информацию в публичный оборот. Мы не можем доверять одним лишь газетам, поскольку они раз за разом демонстрировали свою готовность к цензуре и политическую предвзятость. Мы не можем доверять телевидению и радио, так как во множестве случаев стоимость рекламы была им куда ближе, чем ценность новостей. Таким образом, издательская деятельность в цифровую эпоху сводится к публикации дозволяемого – что разрешит система – и к защите укоренившихся, старых издательских привычек. Как показала наша работа и как подтверждает опыт сотрудничества, мы не выступаем против старых медиа. Мы лишь сформулировали для себя позицию, позволяющую работать в современных условиях лучше и эффективнее, чем они. Мы работаем с ними, потому что не хотим быть их конкурентами. Мы стремимся объединить наши ресурсы, однако в компьютерную эпоху, как вы увидите в следующих главах, у массмедиа появляются проблемы с легитимностью, да и эгоистические интересы не пускают их в рай. Ну и прекрасно. Цивилизация движется вперед без них. Они умирают.

Идея WikiLeaks пришла мне в голову, когда я обдумывал законы журналистской честности. Что гарантирует нашу честность? Будучи хакером и активистом, я выработал систему тотального отрицания своих источников. И теперь я задумался: а что если это поможет людям делать свои истории общественным достоянием? Может ли новый подход к медиа

обеспечить и новый способ ограничения власти? Казалось неизбежным, что старые медийные организации будут сторониться этих вопросов, бросятся в свои привычные убежища и приготовятся осудить меня. Но все это ерунда. Важнее, как государственные и коммерческие институты реагируют на новые требования, предъявляемые им временем и обществом. Но если умная, образованная и талантливая молодежь доверяет социальным сетям больше, чем старшему поколению, то какими средствами вышеозначенные институты смогут доказать свою ценность? Наши отцы принимали их за данность, но даже в современную эпоху знание обывателя о реальной деятельности общественных институтов во всем мире очень ограничено.

Но так дальше продолжаться не может. Теперь, когда новейшие технологии позволяют людям и странам всего земного шара вступать в контакт друг с другом, то и идеи начинают взаимодействовать совсем по-другому. Процесс пошел. Все прежние укромные места выставлены на всеобщее обозрение. Старые организации могут заливаться лаем, военные могут рыдать от бешенства, New York Times может разглядывать нас из своей башни благочестия, но все это не изменит того факта, что люди хотят ответов прямо сейчас – ответов на те вопросы, которые они прежде даже не считали вопросами. И теперь они знают, где искать. Они научились отыскивать факты и рассказывать друг другу секреты, которые охраняют государственные органы. Когда WikiLeaks стал превращаться в реальность, я начал верить, что прежнее полицейское государство уже немыслимо. Это не мнение отдельно взятого человека с повышенным эмоциональным фоном, а просто жизненный факт. Игра закончена.

Но что если я ошибся? Что если справедливость – на самом деле не главная задача и я переоценил шансы на ее полное и абсолютное достижение? Тогда мы сможем утешить себя хотя бы тем, что неделю за неделей достигали результатов в более частных случаях. Мы – не идеологическое течение, и нас не сковывает какой-либо исторический императив. Мы – издатели, попытавшиеся честно реагировать на то, что происходит вокруг. Отчасти цель нашей организации заключалась в том, чтобы вдохновить людей – журналистов, сотрудников телевидения и радио, активистов, читателей, зрителей, обычных потребителей – требовать более достойного поведения от своих государственных институтов и от себя самих. Эта маленькая мечта стояла за всем, что мы намерены были сделать.

Но одно гарантировано в журналистике: если вы всерьез занялись обличением масштабной болезни, то недолго осталось

до того, как вас самих обвинят в распространении какой-нибудь другой дурной болезни. Я мог бы сказать тоже: «Я обвиняю», и меня, как и всех сторонников Дрейфуса[31], вскоре стали бы обличать как извращенца, пугающего детей, не соблюдающего даже правила гигиены и жутко обращающегося с коллегами и любимыми. Впрочем, у меня все это было впереди. Когда я окончил Мельбурнский университет в 2006 году, то казалось, что звездное небо надо мной и мое прошлое подсказывают дальнейший путь.

Я был уверен всего в одной или двух вещах. Всего лишь одной или двух. Они касались того, как мы изобретаем свою историю и свои принципы справедливости. Джордж Оруэлл лучше всех уловил это. В романе «1984» он писал, что тот, кто контролирует настоящее, контролирует и прошлое, а тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее. Оруэлл говорил о правительствах, способных манипулировать людьми с помощью пропаганды, но мне все больше казалось, что если мы с помощью наших технологий сможем понять, почему тот или иной материал не попал в публичный доступ, а затем издать его, сделать общественным достоянием, то мы перевернем значение слов Оруэлла и они станут для нас посланием, полным надежды. Кто будет контролировать будущее? Все мы. Цифровая эпоха могла дать ответ на предостережение Оруэлла. Сообщением, по сути дела, были средства сообщения. А мы были всего лишь посланниками. Сеть могла быть ориентирована на откровенность при любых обстоятельствах. А наша работа заключалась бы в том, чтобы редактировать контент, обеспечивать контекст и защищать источники. Но могло ли это сработать? Был ли способ устроить это надежным образом? Как можно было финансировать такой проект? Как справляться с враждебной критикой? Ведь с самого начала было ясно одно: первым отстреливать будут гонца, принесшего дурные вести.

Президент США Теодор Рузвельт обратил внимание на ключевую особенность надлежащего управления: «За явным правительством стоит незримое правительство, не обязанное народу ничем и не признающее перед ним своей ответственности. Разрушить это незримое правительство, вскрыть этот нечестивый союз между развращенным бизнесом и коррумпированной политикой – первая задача государственного деятеля». Благодаря опыту моих молодых лет ко мне пришли определенность и понимание, как именно нужно это делать. По крайней мере в моем воображении все выстраивалось последовательно, и я был готов двинуться вперед и воплотить это в реальность.

Авторитарная власть знает, как укрепить себя с помощью

тайных сговоров, но мне казалось естественным и логичным, что сопротивление будет нарастать прямо пропорционально тому, насколько хорошо люди понимают эти заговоры. Я говорю не об отдельных государственных секретах, не о разовом укрывательстве фактов и не о болтовне чудаков в шапочках из фольги[32]. Я говорю о системной конспирации, о *принципе работы* правительств, стремящихся все делать тайно. Информация должна была освободить нас, а компьютеры как математический инструмент – помочь нам раскрывать и понимать политические взаимоотношения. Конспираторы доверяют другим конспираторам и зависят от них – я назвал это «патронажными сетями», – и если мы перестанем разводить истерию о заговорах, а начнем мыслить рационально, то сможем противостоять их работе, которую они ни за что не смогли бы совершать в одиночку.

Что можно вычислить, узнав о конспирации? Новые действия конспираторов. К моменту, когда я был готов учредить WikiLeaks, главным вопросом для меня стало: «Как подорвать власть заговорщиков?» Ответ, казалось, лежал в пределах досягаемости: гоняться за их тайнами, пока они не выплывут на поверхность. Я не создавал оппозицию этим силам, я лишь увидел, что они сами порождают себе оппозицию, и затем подключил ее к нашей новой технологии. Наша задача – помешать власти конспираторов действовать и мыслить эффективно. И на глобальном уровне это можно сделать, лишь раскрыв людям суть их заговоров. Можно вспомнить совет, данный Юлию Цезарю мудрецом: «Безнаказанность порождает заговоры»[33] – и добавить коду от себя: «А заговорщик боится человека, который может узнать о заговоре и подавить его в зародыше».

Хочу сказать несколько слов о роли технологий в моем проекте. Интернет сам по себе вовсе не наделяет нас свободой. Это лишь дешевый способ размещения контента и возможность издавать его на международном уровне, выходя за рамки местной цензуры. Но он не дает никакой дополнительной свободы. И если вам хочется свободы, то даже в эпоху Интернета вы должны за нее бороться. Египетские события 2011 года назвали твиттер-революцией, как будто режим Мубарака был сметен из-за флешмоба, устроенного в Кремниевой долине. И этот вымысел популярен не случайно: он подкрепляет американское восприятие своей роли в мире как изначально благотворной. Он также подкрепляет склонность американцев рассматривать любую форму народного стремления к свободе и демократии как проявление американского духа. Поэтому заявление Хиллари Клинтон, что «Мубарак – отличный парень и должен остаться на

своем посту», за считаные мгновения превратилось в: «Разве не здорово то, что сделали египтяне, и разве не здорово им в этом помогли США?» Я никогда не пойму, как такое возможно: 15 февраля 2011 года Хиллари Клинтон с серьезным видом провозгласила свободу Интернета одним из приоритетов американской внешней политики, и в тот же самый день правительство США потребовало через суд, чтобы Twitter выдал информацию об аккаунтах трех сотрудников WikiLeaks.

Борьба с деспотическими режимами начинается и заканчивается борьбой за информацию и за коммуникации. Египетская революция не была твиттер-революцией, точно так же как Французская революция не была революцией печатного станка и политического памфлета. Обе эти революции – это протест людей, делящихся друг с другом информацией и идеями с помощью доступных технологий и выражающих свои мысли в публичном пространстве. Мой друг Джон Пилгер был абсолютно прав, заявив, что правительство США боится *не* WikiLeaks и *не* Джулиана Ассанжа. Какое кому дело до того, что знаю я? Какое кому дело, что знает WikiLeaks? Это совсем не имеет значения. Опасность в другом: что знаете вы? Все дело в *вас*.

Вернемся в Мельбурн, в 2006 год. Я был рад увидеть, что старый хакерский дух еще теплится. Наша группа обитала в доме 177 на Грэттен-стрит, рядом с оживленной дорогой, и наши математические развлечения и ночные занятия, я уверен, очень способствовали всеобъемлющему хаосу в нашем хозяйстве. Спеша все проработать, я малевал алгебраические формулы и диаграммы сперва на доске, потом на стенах, на окнах, на столах и вообще на любой плоской поверхности. Иногда шум машин с улицы совсем не давал сконцентрироваться. Тогда мы, действуя в старом стиле, взломали городскую систему регулирования дорожного движения и установили на светофорах постоянный зеленый свет. На время, хотя и ненадолго, машины перестали газовать перед нашим окном.

Примерно в это время я стал задумываться о своем родном отце. Я не видел его, когда был ребенком. Своего приемного отца я вспоминал как заботливого родителя и всегда был предан ему. Звал я его папой. О моем настоящем отце мы особенно не говорили, ни злого слова, ни доброго; полагаю, мать просто вела себя тактично по отношению к Бретту. Мы ничего не знали друг о друге, и в то время это было нормально для Австралии: не стоило отравлять жизнь новой семье регулярными и, возможно, досадными напоминаниями о прошлом. Мое детство по большей части было лишено какого-либо давления, и об отце я думал

нечасто.

Но в возрасте полового созревания с мальчиками что-то происходит: чувствуешь внезапный прилив самосознания и, хочется надеяться, интеллекта. Ты неожиданно принимаешь мир и отвергаешь некоторые его стороны. Вскоре я сам стал отцом, и образование мне давали книги. Они имели для меня особое значение – Достоевский, Кёстлер, Кафка. Полагаю, в то время я еще не мог осознать, что источник моего интереса к ним вовсе нельзя назвать неисповедимым. Потребовались годы, чтобы понять: все дело в моем отце. Тогда идея найти его представлялась мне лишней эмоциональной нагрузкой, но все же я чувствовал какое-то незримое воздействие. После окончания университета я пришел к выводу, что своей личностью во многом обязан этой невидимой персоне, которая, возможно, в чем-то помогла мне.

Мы обменялись несколькими письмами, поболтали по телефону. А потом я отправился в Сидней на встречу с ним. Ощущение было странное. Мой отец, его подруга и сын приехали в аэропорт встретить меня. Я взял с собой велосипед, и отец решил проехаться на нем до их дома в Ньютауне, пока мы добирались туда на машине. Подруга отца, кинопродюсер, была явно без ума от него; мне она показалась интересной и явно незаурядной женщиной. Мой отец в тридцатипятилетнем возрасте решил переучиться на актера. Не знаю, открыло ли это ему глаза на что-то новое или, наоборот, закрыло, но в любом случае приезд в тот дом и встреча с ними произвели на меня сильное впечатление. Еще там со мной произошел довольно любопытный случай. Вечером я бродил по дому, изучая содержимое книжных шкафов. И чем дольше я это делал, тем больше злился: там стояли, полка за полкой, те же самые книги, что покупал и читал я. Внезапно меня осенило: ведь мне пришлось начинать с нуля, с самой нижней ступеньки, я выковывал себя сам, проходя через множество испытаний и злоключений, но если бы я знал отца все это время, то мог бы просто брать книги с этих полок.

Может быть, чувство досады было слишком обостренным из-за работы, которой я тогда занимался; из-за моих исследований причинно-следственных отношений; из-за попыток найти научную основу для понимания связи между частным человеком и властью. Так или иначе, ощущение я испытал сильное. Я был словно наэлектризован. Именно в те минуты до меня дошло, что между нами есть генетическая связь, касавшаяся и склада ума, и черт характера. Наверное, я многое упустил, не имея возможности соотносить себя с ним и учиться у него. Во время

того визита меня потрясло чувство, что я слишком много делал сам. Возможно, тесно общаясь с отцом, я сформировался бы гораздо быстрее. Проблема была не в любви, а во взаимопонимании. Он обладал особенной, явно культивированной добротой, заставлявшей тепло относиться к нему; говорить с ним было легко, хотя иногда он вел себя замкнуто. Нам по-прежнему просто общаться благодаря мгновенному пониманию, будто мы с ним всегда находимся на одной волне. Рядом со мной никогда не было наставника, и по зрелом размышлении я пришел к выводу, что это всегда создавало для меня проблему. Мне приходилось самому конструировать себя и доставляло особую радость быть наставником для других. Странное дело. Всегда приходится играть роль сильного человека.

Я всегда знал, что отличаюсь от других, но встреча с отцом смягчила это ощущение. Наверное, людям со мной не очень легко. Я родился склонным к спорам. А в мире так много всего, что нужно и можно исправить, и так мало на это времени. Мой отец преподавал йогу, и однажды рано утром я отправился с ним на занятие, после чего все вместе пошли в кафе позавтракать. Люди были счастливы, они пили апельсиновый сок и все такое, и вдруг я завел дурацкий разговор о государственной поддержке материнства. В воздухе повисло напряжение, которое невозможно было не уловить, но я вцепился в свою тему и продолжал чего-то доказывать, хотя совсем не знал своих собеседников. Они один за другим покидали столик, и в конце концов рядом со мной никого не осталось. Большинство людей, садясь за стол, пытаются найти между собой что-то общее, но я – другой и почему-то стремлюсь найти различия. Люди заплатили по 25 долларов, чтобы расслабиться, а в итоге им пришлось пить сок с каким-то парнем, пытающимся устроить бурные дебаты. Но это лишь часть правды. Дело в том, что никакая релаксация на меня не действует. Я знаю свои недостатки.

А мой отец? Я видел, что он такой же, как я. Может быть, я все придумал и мне вовсе не нужно было расти в окружении его книг и под его покровительством? По крайней мере я научился сопротивляться, жить своим умом и знаю, где найти точку опоры, а не полагаюсь на поддержку отца и на его связи. Как он сам, когда был с моей матерью в 1960е годы, заявлял, что личная жизнь растворяется в политической борьбе. И может быть, мое детское решение избегать знакомства с отцом – принцип, который я соблюдал все эти годы, – это проявление моей личной политики? Я хотел найти свой, ни на что не похожий, способ существования и к 2006 году уже знал, что мир должен быть

вылечен от покровительства, выгоды, тайных сговоров, взаимно гарантированных услуг – всей той инфекции, которая разъедает его, а потом взрывает изнутри.

8. Рождение WikiLeaks

Долгожданный момент наступил: колеса закрутились, и наш WikiLeaks отправился в свое путешествие. Я видел изнутри множество организаций, как при дневном свете, когда заходил туда для разных встреч, так и по ночам, когда взламывал их системы и совершал долгие прогулки по их порталам. Но в 2006 году время познавательных экскурсий закончилось. Пришла пора всерьез взяться за государственные учреждения и правительственные институты, идти по следу их секретов и вытаскивать наружу все их темные дела. Я не считал себя политическим мыслителем со своей оригинальной системой взглядов, но я хорошо разбирался в современных технологиях и научился понимать, как устроены властные структуры. Именно с них я намеревался ободрать все шкуры, вплоть до костей, именно для них я готовил ванны с кислотой. Перед нами стоял выбор. Либо мы продолжаем благодушно жить: беспокоиться о своем ипотечном кредите, добиваться известности, благосостояния и даже настоящей любви. Либо мы способны заняться целым миром: исследовать его до нутра, говорить о нем без обиняков, ничего не скрывая, и проверять, насколько справедливы и праведны его деяния.

Когда вы надолго застреваете в какой-нибудь организации, то начинаете разбираться, благодаря чему она держится на плаву и защищает свои интересы: власть, покровительство, подхалимство, круговая порука и маркетинговые стратегии. Такова правда, на которой держится весь мир, и я давно уже понял, что большинство его институций пойдет на любые жертвы, но будут отрицать это до самого конца. Неважно, идет ли речь о правительстве Кении или банке Julius Baer, – все они работают лишь на себя, берут под защиту сообщества ловких людей, умеющих создавать для своих патронов прибыль и оказывать им нужную поддержку; тогда как обычные граждане брошены своими государствами на произвол судьбы. Что такое патронажные сети – мне пришлось узнать еще в подростковом возрасте, и я отлично разбираюсь в их мотивах и механизмах работы. Каждый человек или организация, выступающие против них, могут быть уничтожены любыми методами; на страже их интересов стоят и суды, и агентурные разведки, и пресса. Я был готов к этому. Для защиты источников я отточил технологии и методы криптографии до такой степени, что сам не знал, кто эти источники. Мы имели опыт активистской работы и были готовы разоблачать власть. У нас не было офисов, но были ноутбуки

и паспорта. Наши серверы находились в разных странах. Мы знали, что должны стать самой надежной платформой для информаторов – безопаснее мир еще не видел. У нас была смекалка. У нас была философия. Игра началась. Я зарегистрировал WikiLeaks.org 4 октября 2006 года. Наверное, я уже тогда знал, что моя обычная жизнь, если о таковой вообще могла идти речь, больше никогда не будет прежней.

Хочу сказать о своих помощниках и людях, на которых я равнялся. Нью-йоркский архитектор Джон Янг основал еще в 1996 году сайт cryptome.org. Не все материалы Cryptome представляют собой утечки засекреченных документов, но Янг считает своей миссией публиковать факты, как правило, скрываемые правительствами и корпорациями. Янг и его команда на себе испытали нападки Microsoft, у них, как и у WikiLeaks, были проблемы с платежной системой PayPal. В битве за информацию Cryptome стоит на правильной позиции, но на сайте не разработаны механизмы защиты людей, передающих материалы, а я знал, что это необходимо. Янг двигался в верном направлении, но он не стал издателем последней инстанции[34] – той стратегии защиты источников, которую я досконально разработал и отладил для WikiLeaks и которая давала возможность, говоря судейским языком, «отрицать вину на основании незнания последствий». Проверка должна была происходить быстро, поскольку я хотел гарантировать полное прикрытие информаторов и великолепную архивацию данных. Я мотался по всему миру, чтобы бóльшую часть организационной работы сделать самому с помощью нескольких старых друзей-шифропанков. Оказал мне поддержку и мой университетский приятель, математик Дэниел Мэтьюз – сторонник левацких взглядов и последователь Хомского[35]. Он помог собрать стартовый пакет документов для запуска WikiLeaks, а потом провел анализ первых материалов, которые к тому времени уже поступили к нам вследствие утечки информации.

На том этапе передо мной стояла задача собрать вокруг WikiLeaks нужных людей. Поскольку в первую очередь следовало наметить будущие источники данных и получить к ним доступ, то я сразу попытался организовать консультативный совет. Он должен был придать нам авторитет и помочь наладить контакты на будущее, но в действительности совет никогда не собирался и никаких консультаций нам не давал. Я сам сумел установить связи с важными и уважаемыми мною людьми вроде Дэниела Эллсберга; он согласился участвовать в проекте и во всех отношениях всегда оставался верен нам. Включился в процесс и британский математик Бен Лори; его отец, Питер Лори, в 1960е

годы написал очень интересную книгу о подземных ядерных бункерах и правительственных учреждениях в Британии – Beneath the City Streets («Под городскими улицами»). Возможно, в нашей деятельности Бен находил отголоски работы своего отца. Я пытался наладить контакты и с китайскими активистами. Поскольку над проектом работали преимущественно граждане Западной Европы и мы подпадали под юрисдикцию этих стран, то я пытался сделать так, чтобы WikiLeaks не воспринималась как антизападная организация – собственно, она таковой и не является, а лишь выступает в защиту информации. В конечном счете я знал, что наше внимание так или иначе будет обращено на Америку. Хотя для начала самой очевидной темой для нас стала коррупция в африканских странах. По сути, нашей философией изначально была война против ублюдков; звучит грубо, но зато честно.

Во время подготовительной стадии я выделял собственные деньги на регистрацию доменных имен и прочие расходы. Остальные участники вкладывали свое время и труд. С самого начала мы знали, что у нас будут юридические проблемы, поэтому я стремился зарегистрироваться в Сан-Франциско – в случае неприятностей местное движение за гражданские права смогло бы обеспечить нам серьезную огневую поддержку. После этого оставалось лишь написать письма всем, кого мы только могли вспомнить, и дождаться ответов.

Первая утечка информации была опубликована 28 декабря 2006 года – этот документ пришел к нам, кажется, из Союза исламских судов Сомали, хотя мы тогда сразу объяснили, что его происхождение загадочно, поскольку поступил он по китайским каналам и мы не могли быть уверены в его подлинности. За несколько лет, хотя в Сомали продолжались вооруженные столкновения, приведшие к расколу страны, Союз сумел восстановить из этого хаоса какое-то подобие порядка. Среди ужаса каждодневного насилия и систематических грабежей со стороны местных полевых командиров население Могадишо почувствовало себя относительно защищенным. Наш документ, как мы предполагали, был письмом полевого командира, провокационной инструкцией, в которой упоминалась «Исламская республика Сомали» – формулировка, редко используемая Союзом. «Как вы все знаете, – писал командир, – так называемое „Переходное правительство“, сформированное в Сомали, объявило охоту на наших религиозных лидеров, в том числе мусульман. Они убедили международную общественность, что сомалийские религиозные лидеры – это местная „Аль-Каида“». В перехваченной электронной переписке, переданной

нам вместе с этим документом, подразумевалось, что сомалийские министры, в том числе министр нефти, планируют встречу с китайскими чиновниками. Как нам казалось, этот документ раскрывал нечто важное, что людям следовало знать, об отношении сомалийских властей к Китаю и об отношении Китая к Африке.

Ситуация в Сомали в то время не имела должного освещения на Западе, и, прочитав два небольших документа, любой человек мог представить, насколько там все сложно. Союз действительно пытался что-то изменить: когда он установил контроль над столицей, то в Могадишо впервые за одиннадцать лет стали убирать мусор. Однако, что бы ни делал Союз исламских судов, Америка, не задумываясь, противостояла ему, опираясь на своего крупнейшего союзника в регионе – Эфиопию; при любой попытке политизации ислама в Восточной Африке США тут же вспоминали о взрывах американского посольства в Найроби в 1998 году. Сразу после того, как мы подготовили эти документы, Эфиопия при поддержке США вторглась в Сомали. Мы продолжали следить за ситуацией, предлагать свой анализ, комментарии и, когда это было возможно, другие информационные утечки. Даже если документ и оказался бы фальшивкой, подготовленной китайскими властями, он все же позволял поставить важные вопросы и показывал, как публикация секретных документов углубляет наше понимание сложных политических ситуаций. Для молодого сайта вроде WikiLeaks это был неплохой первый шаг.

Мы настолько привыкли к благочестию западных СМИ – пока промолчу о цензуре, процветающей в огромном количестве стран Востока, – что забываем о массе государств, где люди изголодались по свободной прессе и по обличению нарушений. Довольно скоро нам стали присылать материалы из самых разных уголков мира; не все надежные, не все полезные, но все же многие были с нами на одной волне. Естественно, поскольку мы были сайтом для информаторов, с самого начала некоторым не терпелось найти компромат на нас самих. С тех пор ничего не изменилось. Мне приходилось парировать это примерно так: «Логично. Будем питаться своим же собачьим кормом, попробуем его на вкус». В нашей группе были преданные делу идеалисты – люди, пытавшиеся сделать что-то реальное. Мы постоянно находились под прицелом критиков, но умудрялись сохранять сильную, этически выверенную позицию, и трудно было вообразить, какую грязь им удастся на нас откопать. Полагаю, я все-таки недооценил изощренность людей, решивших нас ненавидеть, и недостаточно подготовился к клевете в свой адрес

и поношениям всей нашей организации. Какие-то сумасшедшие даже сочли, что мы работаем на ЦРУ.

Мы знали, что надо торопиться. Я пытался привлечь к работе друзей, но дружба, по моему опыту, обеспечивает лишь девять часов бесплатного труда. А работы было невероятное количество. Долгие годы я детально продумывал основные идеи, но программированием и оргвопросами надо было заниматься быстро и эффективно. Я ездил в Кению, Танзанию, Каир, параллельно работая над сайтом. Именно тогда я стал обходиться тем немногим, что помещалось в маленьком рюкзаке. Должен сказать, что никогда не стремился к накоплению. Одежды у меня было немного, ел я все, чем угощали. Деньги, какие у меня появлялись, я практически мгновенно тратил или раздавал. Меня раздражало, что многие блестящие компьютерщики моего поколения стали миллионерами, и не потому, что я сам хотел разбогатеть, а потому, что из-за этого я не мог воспользоваться их помощью. В те годы странствий по миру, когда начиналась работа WikiLeaks, я окончательно убедился, что мои потребности ограничиваются самым малым.

У меня были две сумки: в одной лежали носки и белье, в другой, большой, – ноутбуки и кабели.

Я отправился за помощью в Лондон и Париж. Я часто находил волонтеров на небольшие работы, но кто-то быстро выдыхался, что было понятно; кто-то начинал требовать денег; кто-то хотел славы. Весной 2007 года, когда Николя Саркози баллотировался в президенты, я застрял в Париже на два месяца и все время просидел в комнате за работой. Я был совершенно подавлен и просто стонал от объема документов, которые могли обеспечить неслыханный успех нашему сайту. Я единственный занимался всем этим, и в те парижские ночи, когда с улицы постоянно доносился чей-то смех, трудно было уговаривать себя, что в конце концов WikiLeaks может принести какую-то пользу. У меня была девушка, которая заходила ко мне в гости; она приносила еду, а я сидел за компьютером. Она говорила по-русски и иногда помогала мне с моими делами, но вообще я тогда жил одиноко. То было время одержимости: я просто не мог оторваться от компьютера.

Иногда я представлял себе, что слышу на улице чириканье какой-нибудь тропической птицы с Магнитного острова. Или на секунду мне могло привидеться, что по столу и по полу бегают сахарные муравьи. Шли дни и недели, и стало необычно тепло, а я все бился над системой публикации материалов на WikiLeaks. Хотя я уже накопил изрядный запас документов, мы тут же начали собирать новые материалы, и многие из них нам

высылали с условием, что я их непременно опубликую. Поэтому я расставлял приоритеты по новым документам, параллельно занимаясь окончательной настройкой системы: я разбирался, как люди могут писать друг другу электронные письма или, допустим, как кенийцы могут вступать в защищенную переписку. Иногда мне казалось, будто я создал филиал ЦРУ, а не WikiLeaks. Как и любое новое предприятие, сайт должен был расти органически; при этом мы не были нормальной компанией, имеющей финансирование и бизнес-модель, мы не были способны жить за счет рекламы или вливаний венчурного капитала. Я постоянно искал волонтеров и устраивал онлайн-совещания. Раз или два случались совсем смешные вещи (хотя тогда мне было не до смеха): я оказывался на этих совещаниях один. Все это граничило с шизофренией, когда я садился, подключался к Интернету, принимал на себя роль и председателя, и секретаря заседания, поднимал один вопрос за другим из повестки дня и призывал голосовать. Безумие. Но я чувствовал, что надо продолжать, что проект вполне реален, но без моих усилий шансов у него нет. Руководствуясь тем же духом самоподдержки, я иногда решал, что определенная часть работы – скажем, написание важного пресс-релиза – требует ношения подобающей одежды, соответствующей серьезности момента. Представьте: сижу я небритый в душной, тесной парижской квартире и печатаю, зато на мне подходящий для случая пиджак. Да, знаю, знаю.

Дэниел Мэтьюз оставался в нашем совете столько, сколько мог, однако в отсутствие какого-либо поощрения он тоже начал выдыхаться. Дэниел переехал в Стэнфорд, заканчивал там диссертацию и преподавал. И это было объяснимо, хотя мы и получали массу позитивных отзывов от наших сторонников. Репутация WikiLeaks в народных глазах росла за счет тяжелой работы добровольцев, и они наверняка спрашивали себя (и до сих пор спрашивают), что же будет в итоге. Тогда у меня не было ответа. Я лишь твердо намеревался продолжать и надеялся, что другие тоже найдут глубокие источники мотивации в самой работе. Несколько раз приходилось совсем трудно. Помню, как в 2007 году на нас упал просто бесчеловечный объем работы и мы все находились в жутком напряжении. Я съездил в Африку и вернулся в Париж с новыми контактами, но вдруг почувствовал себя нехорошо. Вскоре у меня сильно поднялась температура и начался жар. Как вы, наверное, поняли, я из числа умников – это один из тех пороков, которые зачастую можно превратить в добродетели. Конечно, за свою жизнь я прочел несколько учебников по медицине и поэтому очень скептически относился

к врачам. Жар был ужасный, но я уверил себя, что за несколько дней температура пройдет сама по себе. Десять дней я потел и страдал, но лучше мне не стало.

Это оказалась малярия. Если вы попадете во французскую больницу, то, наверное, поймете, почему в этой стране возникали революции и почему потребность в них сохранится навеки. Даже короткое посещение этого заведения объясняет, почему Флобер так ненавидел буржуазию и почему радикалы 1960х хотели сжечь дотла Сорбонну. И ничем особенно хорошим для меня это не кончилось. Медсестра, которой меня препоручили, устроила настоящую дедовщину. Она попыталась вколоть мне в руку парацетамол. Я сказал, что у меня ничего не болит и укол мне не нужен. Она ответила, что его колют всем пациентам, каково бы ни было их состояние. Я сказал категорическое «нет». Она попробовала воткнуть в меня иголку ночью. Я взбрыкнул, она предприняла еще одну попытку. Я вырвал у нее шприц и сказал, что, если она будет продолжать в том же духе, я уйду из больницы. Знаю, знаю, что вы сейчас скажете: да что же ты за человек такой, что даже с медсестрой воюешь? Но говорю вам, эти сестры просто фашисты. В оправдание скажу: я валялся с высокой температурой, так что голова не совсем соображала. А старик, лежавший со мной в одной палате, подбадривал меня, утверждая, что медсестры все время третируют больных. Ему понравилось мое сопротивление. Они не могли справиться с моим отказом принимать парацетамол. А раз я от него отказался, то потом, когда у меня начались уже желудочные колики, они не стали звать врача. Вся система устроена так, чтобы люди, имеющие иное представление о том, как надо себя вести, были наказаны.

Я лишен гена, позволяющего человеку помогать самому себе. И этот недостаток причинял мне страдания практически всю жизнь. Но тут не в чем оправдываться: я был и всегда буду озабочен не облегчением себе жизни, а скорее войнами, идущими по всему миру. Вскоре стало ясно, что WikiLeaks сыграет ключевую роль в освещении истинных обстоятельств этих войн: осенью и зимой 2007 года мы получили ряд документов от источников из самых недр армии США. В ноябре мы опубликовали невероятную базу данных, куда было включено все военное оборудование, зарегистрированное армией США для использования в Ираке, – около 150 тысяч записей. Я проанализировал весь материал и увидел, что он соответствует спискам боевого состава и дислокации войск: там была вся пирамидообразная система планирования с детальной информацией по каждому подразделению, включая его название

и имущество, записанное на него, – не расходные материалы вроде пуль, но товары вроде персидских ковров и компьютеров. Я взял этот список и написал программу для его анализа, изучив сайт службы армейских поставок и цены, взятые с него, можно было не только оценить общий объем затрат – они были колоссальны, – но и выделить подразделения, которые финансировались лучше других. Около половины всех закупок оборудования были связаны с импровизированными взрывными устройствами повстанцев (IED), которые также называют дорожными минами. Основная часть денег была потрачена на весьма изощренные устройства для подавления радиосигналов. В общей сложности на борьбу с дорожными минами: детекторы сигнала, глушилки, роботы-саперы, дополнительная броня и прочее – было потрачено около 13 миллиардов долларов. Даже с поправкой на инфляцию это больше, чем потратили на Манхэттенский проект, и, мне кажется, мир вправе об этом знать.

Благодаря этим документам мы заложили фундамент для массы новых и более глубоких историй, рассказывающих, что на самом деле происходит в Ираке и Афганистане. Журналисты обычно принимали очень многое на веру; никто не спрашивал, куда уходят деньги или как работает система командования.

К нам потекли новые материалы, практически затопившие нас, и это указывало на большие перемены. Мы собирались взломать мир и дать ему расцвести новым цветом. Правда, постепенно приходило понимание, с чем нам придется бороться. Одной из главных, самых живучих проблем была апатия журналистов. Ты открываешь им возможности невиданных расследований, прокладываешь новые маршруты к справедливости, а они лишь пожимают плечами и говорят, что у них нет времени на проработку нашего материала. Это разочаровывало. Теперь я понимаю, что этот важный фактор – часть видения мира, представленного нам медиа. Журналисты не просто сообщают факты: их предположения и их апатия также влияют на картину, которую мы получаем в итоге. Мы в WikiLeaks с самого начала считали себя тоже журналистами. Только мы были лучше.

В эпоху Интернета, когда так много людей получают доступ к знаниям через поисковые системы, наши материалы должны были проходить через нужные фильтры. На наш сайт стали заходить даже военные, чтобы посмотреть, какие запчасти могут понадобиться для их транспорта. Большей насмешки над жизнью я не знаю: какой-нибудь подрядчик НАТО появлялся в нашем чате и просил помочь ему найти колесо для бронетранспортера. А вот СМИ молчали. Видимо, тогда мы еще не были авторитетным

источником и не могли предложить эксклюзив – а на эту штуку завязана вся мотивация медийной вселенной. Что еще хуже, наши материалы были сложными. Но наша система меняла базовые правила журналистики. При работе с могущественными институтами, например британской армией, четвертая власть привыкла следить за людьми в униформе и ждать брифингов: журналист занимал почтительную позицию по отношению к органу власти, чья деятельность даже не была урегулирована. Между тем мы забываем, что под униформой есть живая кожа, и именно это мы хотели раскрыть – обнаженную истину, скрывающуюся под маской власти.

Быть свидетелями – вот наша миссия. Компьютерные технологии действительно позволяют быть настороже, и в нашем понимании они соединялись с обостренным интересом современного человека к повышению чувства собственного достоинства. В то время я написал пост, объясняющий наши мотивации и задачи.

> Всякий раз, когда мы видим несправедливость и ничего не предпринимаем, мы учимся вести себя пассивно в ее присутствии и вследствие этого теряем возможность защитить себя и своих любимых. В современной экономике невозможно изолировать себя от несправедливости… Если мы живем лишь один раз, то пусть эта жизнь станет смелым приключением, в котором задействованы все наши способности. Сколько я ни пытаюсь, я не могу скрыться от голосов страдающих людей. Возможно, в старости я буду испытывать наслаждение от того, что бесцельно слоняюсь по лаборатории и веду летними вечерами легкомысленные беседы со студентами; тогда я буду принимать страдание безмятежно. Но не сейчас. Люди в расцвете сил, имеющие убеждения, обязаны действовать в соответствии с ними.

Реальность – это аспект собственности. Она подлежит захвату. Поэтому журналистские расследования – это благородное искусство, позволяющее выхватить реальность из рук влиятельных людей. К моменту, когда WikiLeaks заработал в полную силу и начал попадать на первые страницы газет, об этом или уже забыли, или это просто не приходило в голову новому поколению журналистов и читателей. Мы считали своей задачей возрождение искусства наблюдения. При всей нашей скромности, я думаю, мы стали первым народным разведывательным учреждением. И те бурные дни, всего четыре

года назад, были для нас совершенно другой эпохой. Нас наполняло чувство, что мы переступим границы и предрассудки, в том числе свои, и с каждым месяцем будем работать все лучше и лучше. Нам еще многому предстояло научиться. Но принципы достойной журналистики, поставленной на службу эффективному правлению, по-прежнему в силе и не изменились с тех пор.

В то время мы сосредоточились на африканских историях, однако о них я хочу рассказать в следующей главе. За день до публикации иракского перечня оборудования мы попали в яблочко: вывесили инструкцию из Гуантанамо[36]. Это невероятный документ нашей эпохи. Возможно, даже сотни лет спустя его будут читать люди, желающие вникнуть в идеологические сражения начала века. И не только идеологические, но и ментальные. Этот документ имел невысокий уровень доступа, и власти явно не ожидали, что его прочтет кто-то за пределами тюрьмы. Не правда ли, в этом состоит одна из проблем с секретными документами? Их часто пишут люди, неколебимо убежденные в чем-либо, страдающие фетишистской ненавистью к чему-то и упорным желанием насадить какие-то свои убеждения среди коллег. Документы из Гуантанамо описывают, как туда привозят задержанных, как их нужно содержать и что должно случиться с ними потом. Написаны инструкции так, будто их диктовал утром вождь гуннов Аттила, а вечером – граф Дракула. Это безжалостные до жестокости, бесчеловечные и параноидальные документы, их содержание настолько драматично, что не укладывается в сознание нормального человека. Даже самый сонный налогоплательщик, читая их, может задуматься: какая такая крайняя немощь охватила его страну, что за судьбоносная нужда вынудила его государство построить эту безумную тюрьму и написать эти инструкции? А ведь финансируется это все на деньги того самого налогоплательщика.

В руководстве рассказывается, как подделывать записи, чтобы скрыть заключенных от Красного Креста. Указывается, что в первый месяц после прибытия всех заключенных следует помещать в условия максимального надзора, чтобы ослабить их сопротивление перед допросами. «Двухнедельный период, следующий за первым этапом, продолжает процесс изоляции задержанного и укрепляет его зависимость от следователя». Документы демонстрируют, насколько агрессивно настроены силы быстрого реагирования (QRF) – подразделение, находящееся в условиях постоянной боевой готовности на случай «беспорядков в центре для задержанных». Как эти заключенные вообще могли устроить хоть какие-то беспорядки, учитывая условия их

содержания, загадка, однако «солдаты QRF должны пользоваться средствами подавления беспорядков, включающими: кевларовые головные шлемы, щитки для защиты от неогнестрельных ранений, щиты и дубинки». Из инструкции видно, как ужас, распространявшийся в высших эшелонах власти, порождает жестокость на уровне исполнителей. С заключенными не обращались как с нормальными оппонентами или нормальными людьми. С ними надлежало обращаться как с голливудскими суперзлодеями, само существование которых представляло чрезвычайную, не имеющую равных угрозу нашей безопасности. Их следовало содержать как демонов и выпускать на них патрули с собаками. Одного задержанного заставили носить на голове женское белье. Психологические пытки в этой тюрьме были повсеместны. И инструкция давала понять, что дезориентация и унижение рассматривались как обычная практика. Это картина поразительной незащищенности, многое говорящая нам об Америке под руководством Буша: страна была готова отложить в сторону все свои конституционные приличия, обрушившись на фантомную угрозу. Методы и приемы Гуантанамо, как потом сообщала Washington Post, задавали тон всему, что происходило в Абу-Грейб[37]. Жестокость и ненависть живут внутри людей, однако когда я говорю «несправедливость», я имею в виду политическую и социальную систему. Методы пыток, применявшиеся в Абу-Грейб, не были изобретены несколькими простыми американцами, работниками тюрьмы, которых впоследствии выставили козлами отпущения. Они были частью системы, и моральная ответственность должна начинаться с самого верха.

Мы опубликовали эту инструкцию без помпы и без особых предисловий. Она и не нуждалась ни в чем подобном: с первого взгляда было ясно, насколько это взрывоопасный материал. Примерно неделю ничего не происходило, а затем мы получили письмо от Южного командования вооруженных сил США, ответственного за Гуантанамо, с просьбой удалить публикацию. Это была хорошая новость: просьба подтверждала подлинность документов. Мы проигнорировали ее. Затем за историю ухватился журнал Wired, а вслед за ним New York Times и Washington Post. Примерно этого я и ждал: пузырь начал раздуваться в блогах, затем в нишевой прессе, а затем и в массовой. Поначалу моя персона не попала в эпицентр шумихи. Я упоминался как «редактор отдела расследований», и тогда еще не было привычки, ныне ставшей заразной, приписывать любой фрагмент данных, появившийся на WikiLeaks, лично мне. Я все-таки понимал, что моя биография и история суда надо мной едва ли помогут

нашему делу, и стремился держаться в тени столько, сколько было возможно. Но правила шоу-бизнеса и, конечно, проделки предателей сыграли свою роль: мне определили роль страшилища, вроде киношного злодея бондианы.

В прессе появлялись все новые публикации. Подполковник Эдвард Буш III, представитель Гуантанамо по связям с общественностью, решив отреагировать на просочившуюся информацию, заявил, что больше ничего подобного не происходит, а инструкция была составлена под руководством предыдущего начальника тюрьмы Джеффри Миллера. Тогда мы опубликовали инструкцию 2004 года, чтобы люди могли сравнить два документа. И оказалось, что второй из них гораздо хуже, если такое вообще было возможно. В документе рассказывалось, как в тюрьме проводятся ритуальные показательные суды, как заключенные должны были отворачиваться, когда тюрьму посещали с визитом высокие гости. Вот такие дела. Кстати, а куда отправили Миллера после Гуантанамо? В Абу-Грейб.

Мы хотели, чтобы люди смогли в точности понять, что делается у нас под самым носом, и почувствовать, какая сильная вонь идет оттуда. Мы могли описать, как в действительности происходила передача задержанных, мы распечатали планировку самолета, доставлявшего их на остров. Для заключенных предусматривались защитные очки, шлемы и капюшоны, их требовалось приковывать к полу. Почему власти США решили, что эти люди обладают силой супергероев? Что за безумные фантазии?

WikiLeaks набирал обороты. Публикация о Гуантанамо и сопутствующие ей публикации в СМИ принесли нам еще больше конфиденциальных материалов. Отчет армии США о битве за Фаллуджу[38] был засекречен на двадцать пять лет. Но мы вывесили его, как только получили – в декабре 2007 года. Четверо американцев, работавших на частную охранную фирму Blackwater, были похищены 31 марта 2004 года иракскими повстанцами; американцев избили, подожгли, а потом подвесили их тела на мосту. Реакцией на это преступление стала атака американских войск, и отчет ясно показывал, что спланирована она была плохо, без понимания политической обстановки и подготовительной работы со СМИ. Рост жертв среди гражданского населения вызвал претензии к США со стороны Временного управляющего совета Ирака, и 9 апреля было объявлено одностороннее прекращение огня. Однако «прекращение огня» – это не вполне корректный термин: документы WikiLeaks показали, что военные действия не прекратились. Вся операция была спланирована скорее с целью

порадовать СМИ, чем для чего-либо еще.

Наш документ отчетливо говорил, что нападение было организовано по указанию Дональда Рамсфелда, возмущенного тем, что Фаллуджа стала «символом сопротивления». На этой территории проживало много гражданских лиц, но американские военные это проигнорировали. Мой знакомый журналист из «Аль-Джазиры» Ахмед Мансур находился в городе во время последней фазы нападения, и он вместе со своим коллегой пытался рассказать правду о сражении и методах ведения боя. Согласно опубликованному нами отчету, «приблизительно 150 ударов с воздуха уничтожили 75 зданий, в том числе две мечети», и операция «расшевелила осиное гнездо в провинции Аль-Анбар». В рамках соглашения о прекращении огня США потребовали, чтобы журналисты «Аль-Джазиры» были удалены из города. В опубликованном нами отчете говорилось: «„Аль-Джазира“ утверждает, что в ходе наступательной операции погибло около 600 мирных иракских граждан. Фотографии мертвых детей постоянно демонстрируются на телеканалах всего мира». Авторы отчета сетовали на то, что в зоне конфликта не были размещены западные журналисты, способные осветить взгляды «военных властей».

В ноябре США вновь атаковали Фаллуджу. Позднее эта операция стала известна как самое кровавое сражение той войны. Американцы применяли в ходе кампании фосфорные бомбы, и хотя это решение, наверное, не было незаконным, оно было по меньшей мере спорным. Применение фосфорных бомб Саддамом Хусейном против своего народа в 1991 году было признано военным преступлением и стало одним из оправданий для вторжения союзников в 2003 году. В промежутке между первой и второй битвой за Фаллуджу в мировой прессе разразился скандал по поводу тюрьмы Абу-Грейб; как сформулировал автор отчета, игнорируя ответственность американцев за этот скандал, «повстанцам повезло».

Работа не прекращалась. Я отправил добытый документ о Фаллудже трем тысячам подписчиков и стал ждать, когда прорвет плотину. Ничего. Вообще никакой реакции. Ситуация одна из самых озадачивающих, в каких мы когда-либо оказывались. Журналисты писали о Фаллудже три года подряд, им ни разу не попадался документ из самых недр американской армии, вроде нашего, и все же они не ухватились за него. Должен сказать, меня не просто озадачили действия коллег-журналистов, – мне было стыдно за них. Наши СМИ продемонстрировали просто умопомрачительную ограниченность. Остается только разводить руками: неужели вся

западная журналистика в массе своей состоит из подобных дрочил – право, другого слова и не подберешь.

В конечном счете я воспринял это как урок, который очень помог мне во время подготовки к публикации архивов афганской войны. Каковы объективные показатели эффективности в современной журналистике? Продажи, посещения, число подписок и эксклюзивность. И мне следовало научиться их использовать, чтобы продвигать наши материалы.

9. Мир, где вольно дышится

Незадолго до событий, о которых шла речь в предыдущей главе, мне захотелось отправиться в Африку и посмотреть на все самому. Я почувствовал тягу к перемене мест в надежде, что путешествие несколько расширит горизонты нашего проекта, ведь WikiLeaks только начинал становиться на ноги. В Найроби в феврале 2007 года собирались провести очередной Всемирный социальный форум – ежегодное мероприятие, возникшее в начале XXI века в противовес Всемирному экономическому форуму, – и мой друг из Мельбурна, Мэтт Смит, был готов поехать со мной и даже оплатить наш проезд. Поскольку речь шла о Кении, я понимал, что форум привлечет много активистов и правозащитников из неправительственных организаций, а значит, станет идеальным местом для первой полноценной презентации WikiLeaks. Таким образом я надеялся завязать новые связи и найти добровольцев для нашей работы. Мы уже опубликовали несколько документов, но крупные утечки – Гуантанамо и Фаллуджа – были еще впереди. Я считал, что мое выступление на форуме в Африке создаст для нас правильный контекст, то есть с самого начала обозначит, что мы не западная, а глобальная организация и что люди, поддерживающие нас, разбросаны по всему миру.

С Африкой я мгновенно почувствовал какую-то внутреннюю связь. После изматывающих последних лет, ушедших на подготовку и запуск WikiLeaks, мне необходимо было сменить обстановку и взбодриться; сам воздух африканских просторов был другим, и я не мог надышаться его свежестью и будто раскаленной свободой. Это вольное дыхание ветра, которое я уловил в Найроби, великолепно передала в свое время Карен Бликсен: «…в полдень горячий воздух, казалось, шел от огромного костра, жара плыла волнами, переливаясь над землей, и в ней отражались какие-то волшебные тени, двоясь и играя… Легко дышалось в этом чистом воздухе, и чувствовалось, что ты крепнешь, набираешься сил, забываешь все заботы. Проснешься утром спозаранку, и первая мысль – „Да, здесь мое место!“»[39].

Мы с Мэттом, заплатив по 50 долларов за визу, выехали из аэропорта и по дороге наблюдали за скачущими вдали жирафами. Считается, что Восточно-Африканская рифтовая долина – это колыбель человечества, так что приезд в Кению может в каком-то смысле считаться возвращением к своим биологическим началам – идеальному для человеческого естества сочетанию освещенности, влажности и температуры. Возможно, поэтому

многие приезжие, вслед за Бликсен, чувствуют себя там как дома. Кенийцы, необыкновенно дружелюбные и великодушные люди, умеют от всего получать удовольствие, и это всеобщее умиротворение просто разлито в воздухе. Думаю, понятно, почему у каждого, кто, подобно мне, вечно находится в пути, сразу возникает чувство, что Кения – его место. Безусловно, в стране очень высокий уровень преступности и заболеваемости СПИДом, но это обстоятельство никак не отвлекало меня от напряженных мыслей о работе; и по дороге в Кисуму, на стадион Игр Содружества, я мог думать только о том, что моя поездка должна стать поворотным моментом для WikiLeaks.

«Мысли глобально, действуй локально» – давний догмат левых, составлявших основную часть аудитории Всемирного социального форума, но мне все виделось в несколько ином свете. Когда ваш мир состоит из нескольких ближайших деревень и холмов, а все, что лежит за их пределами, лишь легенды, то спасение мира для любого свободолюбивого человека становится вполне доступным и естественным занятием. Но сегодня довольно минимума образования и элементарного доступа к СМИ, чтобы осознать, насколько мир огромен. И этот факт деморализует. Невозможно представить, что в таком мире ваши действия принесут хоть какую-то пользу. Для осмысленного взаимодействия с окружающей действительностью приходится либо ограничивать свое воображение, тем самым искусственно сужая горизонты, либо все-таки вступать в контакт с реально воспринимаемым миром, невзирая на всю информационную перегрузку. Я все больше убеждался, что единственный способ добиться реальных перемен – действовать по второму варианту. Поездка в Африку была в каком-то смысле проверкой этой версии: может ли WikiLeaks стать организацией, «мыслящей глобально и действующей глобально»?

Найроби – место довольно дикое. Мы жили в палатках, точнее, в трех палатках, поставленных одна на другую, чтобы избежать укусов москитов (как бы не так), и вскоре начали помогать с организацией записи, трансляции и архивации событий форума. В какой-то момент я переехал в президентский люкс на стадионе. Это был удобный центр для координации работ. Большой стол, дешевая мебель в георгианском стиле и картины бывшего президента Даниэля Арапа Мои на выгоревших от солнца стенах. В коридорах толпились сотрудницы службы безопасности с деревянными дубинками. Однажды в одном из коридоров неожиданно возникла суматоха, поднятая членами Компартии Кении, толпой направлявшимися к нашему импровизированному офису; причем на своем пути они оттесняли

охранников и всех остальных к стенке. Их сопровождала большая группа журналистов с блокнотами и видеокамерами. Какая-то крупная черная женщина почему-то оказалась на столе и разразилась целой тирадой сначала на суахили, а потом по-английски. Оказывается, она требовала снизить плату за вход на форум, чтобы на него могли попасть жители трущоб. Проведя эту шумную пресс-конференцию прямо на столе, она испарилась, и толпа исчезла вслед за ней. «Да, – подумал я, – вот в этой стране я могу работать».

После двадцати четырех лет хаотического правления Даниэль Арап Мои наконец был отстранен от власти в результате выборов 2002 года. Его преемник, Мваи Кибаки из «Радужной коалиции»[40], опирался в ходе кампании на антикоррупционные лозунги, однако в 2007 году, когда мы там были, все выглядело уже не столь радужно. Новый режим набирал поддержку благодаря обещаниям конституционных реформ, но мы находили, что он немногим лучше власти Мои. Новые правители тоже несли ответственность за массу несправедливостей и притеснений. Да и сам Кибаки не был лидером нового типа, на которого так надеялись, у этого наследника прежнего режима обнаруживался тревожный синдром: при малейшей возможности подавлять свободу слова. За шесть месяцев до нашего приезда полиция обыскала офис кенийской газеты Standard и задержала на полдня сотрудников редакции. Благодаря записям с камер видеонаблюдения журналистам удалось рассказать обо всем возмущенным участникам форума. Услышанное и увиденное заставило нас задуматься, чем мы можем помочь в ситуации, когда в стране по-прежнему сохраняется атмосфера страха, а пресса все время находится под ударом.

Чтобы выяснить судьбу денег, присвоенных бывшим президентом Мои, правительство Кибаки наняло компанию Kroll Associates, которая занялась расследованием деятельности коммерческих предприятий, изучала их активы, счета и ценные бумаги. Похоже, Кибаки не только решил наложить руку на часть этих денег, но и хотел с помощью шантажа вынудить Мои – который оставался влиятельным игроком на местной политической сцене – дать свое благословение новому режиму. Отчет Kroll был просто взрывоопасным: вскрылось, что посредством длинной цепочки компаний и банков Мои, его сыновья и сторонники перевели за границу около миллиарда долларов; назывались конкретные банки в Цюрихе и Лондоне; приводились подробности коммерческих интересов прежней власти; перечислялась собственность, приобретенная в Америке и Кении. Сотрудники Kroll рассказывали об этом без стеснения.

Вот пассаж об одном стороннике Мои, обвиненном в отмывании огромных сумм в Женеве:

> Катри разработал изощренную систему. Вместо того чтобы напрямую отправлять полученные преступным путем денежные средства в иностранные банки, он пользовался местными кенийскими банками, вроде Trans National Bank, принадлежавшими семьям Мои, Бивотт и Кулей, для отправки крупных сумм на счета ностро – валютные счета банка, – а затем спустя несколько месяцев или лет эти деньги переводились дальше и распределялись между счетами в других банках, например UBP… Катри ушел в подполье после 2001 года, когда швейцарские власти начали расследовать его деятельность в Кении. Предполагают, что сейчас он живет в Монте-Карло. Имя Катри было замешано в скандале, связанном с компанией Halliburton и ее консультантом Джеффри Теслером, которому Катри пять лет назад помог открыть счет в UBP. Тесслер, не слишком щепетильный юрист из северного Лондона, получал комиссии за взятки, выплачиваемые компанией Halliburton нигерийским чиновникам, и есть подтверждения, что он все еще получает такие комиссии.

В отчете упоминались даже такие гиганты финансового мира, как Barclays и HSBC, и хотя открыто не указывалось на их непосредственное участие в противоправных действиях, но в документе недвусмысленно подтверждалось, что практически во всей международной финансовой системе оставлены нигерийские следы грязных денег. В отчете скрупулезно представлено, сколько конкретно денег было проведено через другие юрисдикции, на каком этапе и под каким прикрытием, – зачастую, хотя не всегда, эти средства в итоге оказывались в международных налоговых гаванях. Именно такого рода коррупцию WikiLeaks и был намерен разоблачать. А ниспровержение налоговых гаваней станет впоследствии нашим любимым занятием.

Я заполучил этот документ, ставший после нашего приезда из Африки еще одной важной публикацией. Мы слили отчет Зану Райсу из Guardian, а тот написал на его основе «Ограбление Кении» – материал опубликовали 31 октября 2007 года на первой полосе. Райс сделал хорошую статью, но другие британские газеты почему-то проигнорировали эту тему. Зато в Кении реакция была бурной: местная пресса вовсю использовала материал Guardian, хотя подавала историю более осторожно. Правительство Кибаки все категорически отрицало, однако мы

остались довольны: вопервых, тайна всплыла наружу; вовторых, создан перспективный прецедент. Кибаки, пользовавшийся поддержкой Мои, – скорее всего, факты, представленные в отчете Kroll, сыграли свою роль – теперь был вынужден обороняться, что давало фору органам правосудия. Бывший верховный комиссар Британии в Кении, имевший на этот счет ясное представление, заявил, что в докладе довольно информации, «чтобы полностью уничтожить не только семью Мои, но и большинство кенийской правящей верхушки».

С моей точки зрения, эта публикация великолепно доказала, что даже подконтрольные СМИ вдруг могут обрести свободу, если касающиеся их факты, которым они сами не в состоянии дать ход, появляются на первых полосах авторитетных изданий. Благодаря опыту международного общения их борьба приобретала законность и получала кислород мировой поддержки. WikiLeaks стал не только издательством последней инстанции, но и рупором для парий. Мы сумели доказать это, тем самым заложив фундамент нашего будущего образа действий.

Мы изучали и другие кенийские дела. Кульминацией стал документ, опубликованный в ноябре 2008 года. В нем описывались случаи, когда полиция Кении, преследуя членов преступной организации «Мунгики», игнорировала элементарные принципы сбора и проверки доказательств, пренебрегала всеми процессуальными гарантиями правосудия и совершала казни сотен людей во внесудебном порядке. Мы опубликовали душераздирающий доклад, который назвали «Крик крови», в котором содержались списки замученных и пропавших людей: «26летний механик», «работник фермы из Канунги», «таксист из Истли», «лоточник из Баба Дого», – а также фотографии некоторых жертв и мест, куда выбрасывали их тела. Из этих материалов мы узнали, что нередко полиция требовала от семей арестованных крупные суммы, чтобы сохранить им жизнь.

Доклад оказал колоссальное, просто шокирующее воздействие, но эта история затронула непосредственно и нас: помогавшие нам два правозащитника, Оскар Кунгара и Пол Улу, потом преследовались полицией и были застрелены на улице в самом центре Найроби. Мы вывесили кенийский материал на главную страницу WikiLeaks и подчеркнули: в нем рассказывается об убийствах как минимум 349 человек, и все казни совершены полицией, возможно, уже неподконтрольной правительству. В своем комментарии мы подчеркнули, что происшедшее в Нигерии сопоставимо с чистками в Чили в эпоху Пиночета. И ведь такое стало возможным не в Конго, не в Судане, а в Кении – стране с довольно сильным бизнесом

и высокоразвитой системой отношений с Западом.

Мы держались нашего плана и продолжали выпускать материалы, которые африканские газеты боялись публиковать. В конце концов австралиец Филип Элстон, специальный докладчик ООН по вопросам внесудебных расправ, приехал в Найроби на неделю, чтобы снабдить доказательствами всю информацию о том, что произошло, и документально оформить уже разоблаченные факты. Теперь эта проблема была поставлена на повестку дня, и работа над ней уже не прекращалась. Мы тоже трудились безостановочно, желая дать WikiLeaks новое направление. Кения стала масштабным прецедентом. Мы отдали ей все, что могли, и нашими стараниями картина мира начинала меняться. Мы хотели работать лучше и добиваться большего и испытали настоящее счастье, когда за публикации о Кении получили журналистскую награду организации «Международная амнистия».

Обстоятельства, сопутствующие нашей работе, никогда не были легкими, разве что одно мгновение, во время получения награды. С самого начала WikiLeaks мы все время пребывали в зоне огня со стороны как правых сил, так и левых. Ты сколько угодно можешь думать, что у тебя есть верные союзники, но, когда, с одной стороны, ты занимаешься столь болезненными темами, а с другой – журналисты подвергаются такому экономическому давлению, да еще в атмосфере общественного недоверия, непременно кто-нибудь будет тыкать в тебя пальцем. На самом деле ничего страшного – обычный побочный эффект нашей работы. Однако бывает досадно, когда оказываешься в конфликте с людьми, которые, казалось, должны быть твоими сторонниками. В ходе кенийской кампании мы обнаружили очень важный труд Микелы Ронг It's Our Turn to Eat («Теперь наша очередь кушать»). Автор подробно рассказывала о разных сторонах коррупции в Кении, где, конечно, книга была запрещена, никто не был готов ее распространять и ни один книготорговец не выставлял ее на полки. Пытаясь изобличить всю безнравственность этого запрета и предоставить кенийцам доступ к тексту, невзирая на действия их правительства, мы решили обойти цензуру и выложили на сайте PDF-файл с этой книгой. Однако мы не смогли обойти – или предвидеть – отношения писателя к авторскому праву. Микела Ронг взорвалась. Она посчитала себя ограбленной, причем мы лишили ее не только процентов с реализации книги, но и посягнули на ее заслуги и добрую репутацию.

Есть замечательная книга, которая, безусловно, когда писалась, была детищем автора, но теперь, столь нужная, она

стала достоянием всего мира, а самое главное – привлекла внимание, завоевала уважение и пробудила воображение кенийского народа. Книга обрела собственную жизнь, отдельную от своего создателя. Приблизительно так я все представлял. Но со временем я все-таки услышал доводы мисс Ронг и, переведя это недоразумение на деньги, понял, о чем идет речь: наша публикация могла повредить продажам книги на Западе. Тогда я направил ее нашему другу в Кении Мвалиму Мати, много сделавшему для нас, который вызвался купить у нее права на распространение книги в Кении в бумажной и электронной форме. Автор свысока отнеслась к нашему предложению. Собственно, на этом все и закончилось. Мы, пытаясь искоренить зло в Кении, нашли нужный сдерживающий фактор, а наши оппоненты, умные образованные люди, обвинили нас в неуважении к демократии, ибо мы нарушили закон об авторском праве. Я был озадачен, хотя, думаю, этот очередной урок еще раз напомнил мне, насколько все запутанно в ангажированной политике и как трудно соответствовать своим политическим убеждениям. Да, у всех свои приоритеты, и было бы ошибкой думать, что люди, критически относящиеся к властям, сами оставались неуязвимы для критики. Не примите за оскорбление, но леваки всегда были несколько провинциальны в своих взглядах, а я ошибочно полагал, что проблемы, которые мы все вместе решаем, слишком серьезны для проявления личных амбиций. Однако предугадать реакцию людей невозможно: что для одного жизненно важный вопрос, для другого – пустяк. Очевидно, в глазах общественности мы уже успели стать отщепенцами, наступающими всем на пятки. Конечно, можно было бы отнестись к тревогам образованных людей более деликатно, однако то дело, которое мы освещали, казалось мне слишком актуальным, чтобы придерживаться светских условностей и профессиональных тонкостей. Каюсь в своей ошибке, которую вижу исключительно в собственном заблуждении, будто мисс Ронг останется довольна, что ее книгу так высоко ценят. Возможно, я повел себя как фанатик. Так бывает, когда ставки слишком высоки, а ситуация практически безвыходная.

Нужно было учиться искусству невосприимчивости и обороны. На нас обрушился с критикой еще один человек, которым мы восхищались и которого я изначально надеялся привлечь в наш консультативный совет, – борец за транспарентность и глава проекта «Правительственная секретность», эксперт Федерации американских ученых Стивен Афтергуд. Нам казалось, мы сможем стать спокойными

поборниками интересов народа в деле борьбы с коррупцией. Но зачастую с обвинениями в наш адрес выступали люди, на чьи советы, поддержку, одобрение или хотя бы терпимость мы хотели бы надеяться. Афтергуд раскритиковал наши публикации за темы, которые мы выбираем, считая, что некоторые из них не заслуживают внимания или просто не стоят такого тщательного разбора. Интересно, что он имел в виду? Церковь сайентологии или инструкцию американской армии по управляемым бомбам? А какие-то наши публикации он и вовсе назвал безответственными.

Я никогда не собирался вести себя ответственно в том смысле слова, в каком его понимает Афтергуд. Мы не принадлежим к какой-либо партии или к какому-либо государству; наша компетенция не ограничивается пределами отдельного государства или корпорации, и мы не потворствуем никаким группировкам. В отличие от слишком многих СМИ мы не имеем готовых суждений по каждому вопросу. Мы готовы зажечь свет в любом темном уголке. У Афтергуда ошибочное представление об ответственности, хотя он сам может и не отдавать себе в этом отчета. Имелось в виду следующее: некоторые тайны необходимо держать в секрете лишь потому, что некие могущественные и заинтересованные лица так хотят, – а мы, естественно, должны принимать все на веру. Но Афтергуд слишком хорошо знает своекорыстную природу современных государственных чиновников; и неужели он думает, будто мы когда-нибудь сможем поверить им на слово. Ему самому тоже не стоит этого делать. Действительно, наша организация заняла жесткую и до нас не существовавшую позицию. Вторгнуться в чью-то частную жизнь, как выразился тогда Афтергуд, для меня не было страшным проступком, если вероятные преступления людей, чью частную жизнь мы потревожили, велики и тщательно скрываемы. Афтергуду не нравилось многое из того, что было противно нам, но он не решался проявить волю и выпотрошить все их секреты. Он был слишком робок. И, подобно многим людям, его, наверное, ужасала сама мысль, что наши методы борьбы бросают тень на его весьма осторожный образ действий.

В глазах наших критиков – постоянных и вновь возникающих – мы выглядели примитивными. Мне, напротив, казалось, что нам не хватает грубости. Нужно переступить через потребность в самоуспокоении и пренебречь зоной комфорта, где так все насиженно, а главное – понятно, что делаете вы и чем занимаются другие. Без этого отречения невозможно никакое новаторство. Мы наверняка делали ошибки, но совершали их честно, сопротивляясь искушению бежать от опасности. Многие

люди, преследующие либеральные цели, мне кажутся не просто робкими, но чуть ли не участниками сговора. Им хочется, чтобы перемены произошли самым благопристойным и необременительным образом, но так не бывает. Им хочется, чтобы наша жизнь стала достойной и чтобы при этом никто не пострадал, но так тоже не бывает. А самое главное – они готовы предоставить врагам открытого правления презумпцию невиновности, а я – нет. Это не просто разница в подходах, это полный раскол в, казалось бы, общей философии. Совершенно невозможно стремиться к полной открытости, надеясь при этом, что твоя работа не испортит никому настроения.

В ходе моих поездок по Африке я побывал и в Каире. Американка, с которой мы познакомились в Кении, пригласила нас остановиться в ее доме, который принадлежал бывшей «мисс Египет». Место было шикарное, забавное и сюрреалистичное, а на стенах висели картины, написанные этой самой «мисс Египет». Однако дом находился рядом с американским посольством, прямо у нашей входной двери всегда стоял фургон с солдатами. Я подумал, что здесь будет непросто остаться незамеченным. Вместе с кореянкой, с которой я также познакомился в Кении, мы переехали в квартиру неподалеку от Нила. Это было огромное, высокое здание, и мы жили практически на самом верхнем этаже. Иногда, если густой туман над Каиром немного развеивался, в окно можно было увидеть пирамиды.

Напряжение, зревшее в Египте, бросалось в глаза. На улицах было полно полицейских, и веяло контролируемой конфронтацией, особенно в центре города и неподалеку от правительственных учреждений. Но до великих перемен, свидетелями которых мы стали потом, оставалось еще четыре года, и я, подобно многим, не предвидел их. Наверное, Каир повлиял на меня в эмоциональном отношении. Этот многолюдный, шумный мегаполис быстро развивающегося мира подтверждал мое ощущение: чтобы добиться реального эффекта, WikiLeaks должен стать организацией с глобальным размахом.

Вскоре я сильно привязался к этому городу. Мне нравились его активность, суета на его улицах, кафе, кальян по вечерам. На крыше соседнего здания одна семья держала маленькую ферму. Каждое утро их дочь выходила покормить и напоить овец, а ее брат выпускал из клеток стаю голубей, чтобы те поискали в городе объедки. Он обучил их следовать за огромным флагом в шахматную клетку, и я с удовольствием наблюдал, как он размахивает им на фоне неба, как на соревнованиях «Формулы-1»; из мечети призывали верующих на молитву, а солнце разгоняло туман, превращая город в раскаленную печь.

К Рождеству 2007 года мы уже имели на счету много заметных публикаций, имевших довольно скандальный успех. Фаллуджа и Гуантанамо привлекли большое внимание, если учесть масштаб этих утечек, и мы продолжали публиковать все новые и новые документы о Кении. Я побывал в Берлине, где проходил XXIV Всемирный конгресс хакеров (Chaos Communication Congress), там я наконец познакомился вживую с некоторыми людьми, с которыми болтал или как-то еще взаимодействовал в Сети. Среди них был увлеченный фанат нашей работы по имени Даниэль Домшайт-Берг, сотрудник ИТ-компании, вскоре оказавшийся полезным в нескольких наших проектах. С самого начала Даниэль Шмитт, как он тогда называл себя, показался мне любопытным персонажем. Он не умел программировать, но был очень исполнительным, что важно для растущей организации. Тогда мы и не догадывались, насколько амбициозен и безрассуден этот человек[41]. Но когда речь идет о волонтерах, нужда слепа, а нам очень нужна была любая помощь, которую мы только могли получить.

Крупная хакерская группа Chaos Computer Club, которая проводит эти встречи в Берлине, известна как в хорошем, так и в дурном смысле. Chaos Computer Club основана в 1981 году, чтобы пропагандировать технологический прогресс, открытость, свободу информации и свободный общественный доступ к технологиям. Группа быстро переросла свои берлинские корни и стала влиятельной международной организацией, внимательно следящей за тем, как используются информационные технологии в современных обществах и как ими злоупотребляют. Ее участники протестовали против французских ядерных испытаний и против использования биометрических данных в паспортах. Некоторые члены группы, которыми руководил Карл Кох, в конце 1980х годов были арестованы за кибершпионаж, в том числе за получение информации из корпоративных и правительственных компьютеров и передачу ее в КГБ.

Это не наша игра. Мы восхищались интеллектуальными достижениями членов группы и поддерживали их разнообразные попытки выяснить, как используется информация, однако WikiLeaks никогда не рассматривал себя как организацию, выступающую за одну идеологию против другой или за одну страну против другой. В широком смысле мы были устроены как церковь, и наши враги в каждом случае и повсюду – это враги истины. Мы не испытывали никакого пиетета по отношению к работе секретных служб и правительственных органов (этот факт вызывал немало враждебности в наш адрес, когда кто-то требовал изменить опубликованные нами документы). Мы просто

были уверены: история сама рассудит, что есть общественный интерес, а что нет. Мы стремились быть самыми объективными редакторами, однако и это не было нашей главной целью в отличие от большинства СМИ, которые себе эту задачу присваивают; мы никогда не выступали в роли цензоров, защищающих государственные и коммерческие интересы. Мы публиковали то, что, на наш взгляд, не должно было храниться в тайне, и предоставляли другим вести дело дальше. И почти всегда наши усилия заводили нас в львиное логово корысти и эгоизма.

Рассказать вам о львином рыке? Тогда надо поведать о швейцарском банке Julius Baer, которому в самый разгар банковского кризиса угрожали обвинения в злоупотреблениях – и все благодаря тому, что мы заполучили существенные разоблачительные материалы об их деятельности в январе 2008 года. Julius Baer – крупнейший швейцарский банк, некоторые трасты которого находятся на Каймановых островах. Мы получили доказательства, что трасты используются для сокрытия активов и минимизации налогов, а возможно, и ухода от налогов. Казалось, что наши материалы – раскрывающие, чем занимались эти люди и до чего они дошли, – совершенно соответствуют общественным интересам. Сразу же после публикации мы получили юридические претензии от адвокатов, которые даже не раскрыли нам, кто их клиент, но потенциальным истцом был Julius Baer. Юридическая фирма Ludley & Sanger – голливудская контора, представляющая интересы людей вроде Селин Дион и Арнольда Шварценеггера, – специализируется на том, что предотвращает публикацию разного рода информации. Представители фирмы вели себя очень агрессивно и жестко давили на нас. Они угрожали, разглагольствовали о банковском законодательстве и законах Каймановых островов и Швейцарии о тайне вклада. Совершеннейший вздор. Однако наш собственный юрист сказал, что эти люди слишком могущественны, чтобы с ними связываться: у них слишком большие связи, они слишком богаты и не остановятся ни перед чем; и вообще вся история слишком мутная. Я ответил адвокату, что следует продолжать публиковать разоблачения, а мы будем отвечать за них. У меня есть твердые принципы, исключающие цензурный контроль, и прогибаться я ни под кого не намерен. Тем более нашим источникам было твердо обещано дословно следующее: «Мы пойдем на публикацию ваших материалов, если они окажутся достойными; никакой цензуре мы не подлежим, поскольку таковы наши методы работы и этические принципы». И сказанное вовсе не подразумевало: «Мы не подлежим цензуре, кроме случаев,

когда очень богатые люди нас ужасно напугают». Я понимал, что с тактической точки зрения наш первый настоящий бой может быть очень трудным (и потенциально катастрофическим), но мы придерживались наших принципов. И ничего с этим не поделаешь.

Как и во всех остальных случаях, это был колоссальный урок, причем преподанный нам в реальном времени. Нас попыталась жестоко и беспощадно раздавить патронажная сеть в лице двух своих ячеек – Julius Baer и американских юристов. Первые стояли на страже своих монет, а вторые эти монеты заколачивали. И все они намеревались защищаться любой ценой, невзирая на лица, какими бы эти лица ни были: уязвимыми или наглыми. Они мгновенно подали против нас иск в Сан-Франциско, и судья аннулировал наше доменное имя WikiLeaks.org, потребовав предъявить информацию, кто и когда зарегистрировал сайт и с какого адреса. Хостинговая компания Dynadot тут же сдалась и закрыла WikiLeaks. Но мы устроили оппонентам ловушку: помните, наш сайт был зарегистрирован в Сан-Франциско, культовом центре притяжения шифропанков и средоточия фрондеров – сказывался калифорнийский инстинкт бунтарства и свободы. Они могли судиться в Швейцарии или Лондоне, но выбрали Сан-Франциско и тут же вызвали на себя гнев Американского союза борьбы за гражданские свободы, Комитета за свободу прессы и множества других организаций. Когда мы заявились в суд, на нашей стороне было двадцать две организации и целый батальон юристов, в New York Times вышли публикации, освещающие нас в благоприятном свете, а телеканал CBS начал показывать наш IP-адрес (поскольку доменное имя было под запретом), чтобы люди могли зайти на сайт – весь этот пир солидарности проходил под лозунгом «У свободы слова есть адрес». Мы подготовили заранее и другие способы доступа к сайту: через секретные ссылки и сайты-зеркала – мы знали, что все это пригодится. Ведь мы учреждали сайт, подозревая, что рано или поздно нам придется иметь дело с китайцами и их брандмауэрами.

Мы полностью выиграли дело, затеянное против нас Julius Baer, и это была принципиальная победа, причем не только для нас, но и всех поборников Первой поправки[42]. Перед началом судебного разбирательства банк собирался открыть свой филиал в Америке, но после суда это дело пришлось отложить. Наша победа показала, что WikiLeaks может противостоять практически кому угодно и не упасть под натиском врага, способного оплачивать дорогостоящих юристов. Тогда уже вовсю звучали скандалы, связанные с субстандартными кредитами[43], уже

обанкротился британский ипотечный банк Northern Rock. Частный банк Julius Baer выбрал неподходящее время, чтобы отсуживать последние штаны у некоммерческого сайта для информаторов.

Реальной трагедией этого дела стал уход Дэниела Мэтьюза из WikiLeaks. Имя Дэна оказалось на нескольких юридических бумагах, а Julius Baer искал хоть кого-нибудь, к кому можно прицепиться. Он сидел в своем стэнфордском кабинете, проверяя домашние задания студентов, когда зашел какой-то парень с огромной пачкой документов и шлепнул ему их на стол. Потом Дэн рассказал мне: сперва ему показалось, что перед ним самое большое домашнее задание за всю его университетскую карьеру, но нет, его вызывали в суд. Дэна это изрядно напугало, и в дальнейшем он решил сосредоточиться на своей научной работе. Теперь он приглашенный доцент еще в одном американском университете. Дэн очень хороший парень, и я всегда буду ценить его поддержку и дружбу с ним.

Рудольф Элмер – человек, который передал нам материалы на Julius Baer, – пожелал выступить публично, и его оштрафовали на 7500 евро. Затем он сказал, что хочет созвать пресс-конференцию, на которой торжественно вручит мне два диска с информацией о банке. Мы устроили эту пресс-конференцию, и, похоже, она принесет ему дальнейшие неприятности, хотя кто может точно сказать, что было на этих дисках? Нельзя преследовать человека за то, что он передал другому человеку пару пустых дисков, если только вы не докажете точно, что на них было что-то записано. Отрицание – это для нас не пустое слово, это образ жизни и программа действий. Мы сталкивались с серьезными угрозами и до этих случаев, например от Церкви сайентологии. И мы всегда стремимся компенсировать свои муки новыми публикациями.

Юристы часто ведут себя как разбойники, особенно сильные юристы. Но их судебные иски против WikiLeaks оказались слишком большой дешевкой. Мы устроены как многоглавая гидра: отрубаешь одну голову, а где-нибудь еще вырастает другая. Это лишь отражение неукротимой человеческой жажды истины, а также моего пристрастия к порке виновных. Некоторые судебные процессы против нас казались мне кошмарными и подлыми, в таких делах ты не получаешь удовольствия ни от победы, ни от их ведения – а уж от проигрыша и подавно. Но большинство тех, кто пытался заручиться поддержкой закона против WikiLeaks, напоминают скорее датского короля Кнуда, который приказал волнам отступить, а они в ответ намочили ему ноги.

Иногда, впрочем, юристам уже после первой публикации удавалось до смерти запугать людей, пытавшихся сражаться за благое дело. В конце 2008 года мы узнали, что Guardian и Observer удалили со своих сайтов восемь статей о британском миллиардере иракского происхождения Надми Аучи. Его гигантский банк BNP Paribas единственный из финансовых организаций получил миллиарды в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие»[44] при режиме Саддама Хусейна. Начиная с 2004 года деятельность Аучи стала предметом интереса генерального инспектора Пентагона, о чем было упомянуто в докладе, посвященном лицензиям на мобильную связь. А до этого, в 2003 году, Надми Аучи экстрадировали из Британии во Францию и осудили за многомиллионные откаты в связи с приватизацией государственных активов Кувейта. Журналист New Statesman Мартин Брайт в 2008 году привлек внимание к тому факту, что Guardian и Observer поддались юридическому давлению Аучи: «<Они были> вынуждены снять шесть статей о Надми Аучи, иракском бизнесмене, осужденном за мошенничество во Франции в 2003 году. Аучи вышел на тропу войны, когда его имя связали с Тони Резко, специалистом из Иллинойса по привлечению спонсорских средств, которого сейчас судят в Америке и который был одним из первых сторонников Барака Обамы. Британская Times исследовала эту тему с впечатляющим упорством». Публикуя этот текст, Брайт назвал шесть статей, подвергшихся цензуре в результате юридических нападок Аучи и удаленных из интернет-архивов Guardian и Observer. Затем произошел странный, совсем кафкианский сюжетный поворот: вмешательству длинных юридических рук Аучи подвергся уже блог самого Брайта на New Statesman, и он был вынужден удалить названия цензурированных статей и исправить собственный текст. Это одна из тех историй, в которых проявляется причудливая природа журналистской боязливости. Когда WikiLeaks сообщил обо всем этом и New Statesman поставил ссылку на нашу публикацию, они получили претензию от юридической фирмы Carter-Ruck.

К концу 2008 года мы тонули в горах документов, которые присылали нам информанты со всего мира. Новые материалы появлялись каждый день, но многие из них требовали дополнительного изучения и наших комментариев до публикации. Если бы мы были обычной газетой, радиостанцией или телеканалом, мы стали бы самой занятой группой расследований в мире, выпускающей эксклюзивные истории, как на конвейере. Но WikiLeaks не видел себя в роли владельца медиаресурса или в качестве коммерческого механизма, хотя,

должен признать, коммерческие мотивы иногда оказываются единственным реальным критерием оценки той или иной информации. Мы не хотели зарабатывать деньги, но хотели сотрудничать со средствами массовой информации, способными поручить наши истории своему пулу журналистов и распространять их через свои каналы. Но эти организации рассматривали свою работу исключительно с коммерческой точки зрения и поэтому ставили жесткие сроки и требовали эксклюзивности. В то время мы учились работать с подобным подходом к делу, пытаясь при этом хранить верность своим правилам.

Сквозь дамбу прорывались самые разнообразные истории. В конце 2008 года мы опубликовали список членов Британской национальной партии. Эта неофашистская организация выступает за то, чтобы в Британии жили лишь одни белые; среди ее членов есть полицейские, солдаты и сотрудники государственных органов – люди, взявшие на себя моральные и профессиональные обязательства служить всем британским гражданам, независимо от их расы. Затем в декабре мы вывесили частный доклад, подготовленный Комитетом ЮАР по вопросам конкуренции, сообщавший о картельном сговоре между крупными южноафриканскими банками. Самые важные его разделы были сокращены, вероятно, чтобы скрыть коммерчески уязвимые конфиденциальные данные, но мы опубликовали доклад в полной версии. Вот пример одной такой «коммерческой уязвимости»: «Очевидно, что Absa не воспользовалась достигнутой этим подразделением экономией, чтобы в сколько-нибудь значительной степени улучшить положение клиентов посредством снижения цен, предпочтя зачесть большую часть этой экономии себе в прибыль». Через два месяца мы опубликовали 6700 отчетов, подготовленных в частном порядке для членов Конгресса США, дающих подробную картину их занятий и источников информации. Эти отчеты не засекречены, однако они доступны только конгрессменам. Парламентарии публикуют их лишь тогда, когда это соответствует их политическим целям, и не публикуют, когда информация, важная для общественности, кого-то смущает или наносит ущерб правительству. Опубликовав их, мы хотели дать американским избирателям возможность сопоставить деятельность избранных ими парламентариев с той информацией, которую эти парламентарии имели. Мы разместили отчеты исходя из общественного интереса, а не политического расчета. Мы опубликовали переписку Сары Пэйлин, пытаясь подчеркнуть тот факт, что она ведет свои политические дела по частному

электронному адресу, вероятно, чтобы избежать требований о сохранении официальных копий. Все это время мы ездили по всему миру, не пропуская ни одной конференции по журналистике и свободе слова, чтобы распространять свои идеи и набирать новых сторонников.

Я стал постоянным обитателем комнат для гостей. У меня не было ни машины, ни дома. Я почти не виделся с родственниками. Без денег, с одной лишь парой ботинок. Все это воспринималось как совершенно разумное и не казалось проблемой. У меня было несколько книг, бритва и пара ноутбуков. Волосы мне подстригали друзья, зачастую прямо во время работы, и, к счастью, когда дело касалось оборудования и повседневных расходов, всегда находился кто-нибудь, готовый подкрепить свою страсть к делу собственной кредиткой. WikiLeaks с самого начала жил впроголодь, и, наверное, это было правильно: ставить во главу угла принципы, а не прибыль. По правде говоря, работа стала всепоглощающим делом, особенно с того времени, когда мы окончательно убедились, как много людей доверяют нам и готовы присылать конфиденциальные материалы.

Я чувствовал, что 2009 год ознаменует начало нового грандиозного периода. Мы делали свою работу все лучше, а мир все больше прислушивался к нашим публикациям и комментариям. Мы оттачивали свои методы, нам удавалось приводить в бешенство все более крупные и грозные организации, и я начал думать, что было бы здорово найти для работы WikiLeaks тихую гавань. Ведь в мире должно быть место, стремящееся стать островком свободы слова и лишенное цензуры. Сначала было решили сделать эффектный выпад рапирой: расположиться в Африке, но там все было слишком сложно, а с практической точки зрения – слишком жарко для работы серверов. А что если Швеция, Исландия, Ирландия? А возможно, остался еще на земле никому не известный рай? Тяжело всю свою жизнь сидеть на рюкзаке – хотя, может быть, и следовало бы, учитывая, что работа нашей организации опиралась на иерархию неопределенности. Но в начале этого сейсмически неустойчивого периода я уже превращался в собственного призрака: автора, ответственного, хотя и не в полной мере, за особого рода вымысел – ведь мир упорно пытался сделать меня тем, чем я не был.

10. Исландия

История журналистики – это история утечек информации. Если нечто происходящее засвидетельствовано неким автором и описано им – это уже не журналистика, а беллетристика. В журналистике нам, ее работникам, не часто выпадает на долю быть свидетелями, знающими факты, и мы опираемся на чужие сообщения – то есть используем свидетельские показания, складывая из них, как из кубиков, общую картину происшедшего. Во многих случаях хороший журналист вынужден полагаться на анонимного свидетеля, готового стать источником информации, при этом, если рассказ устный, информатор может разрешить или запретить фиксировать свои показания. Мы иногда забываем, насколько обычная журналистика зависит от источников утечки информации: «Согласно документам, оказавшимся в распоряжении Washington Post…»; «По словам одного высокопоставленного руководителя…»; «Источники, близкие к предмету или субъекту, сообщают…»; «Информация, полученная Daily Telegraph, позволяет заключить…» Далеко не всегда мы имеем дело с осведомителями, которые идут на это открыто и сознательно: зачастую факты вскрываются совсем случайно или по какому-то недосмотру; довольно обычно, когда информация поступает по скрытым каналам, – это может происходить совершенно тайно или на условиях анонимности. Разные пути, разные обстоятельства – и так, собственно, происходит постоянно. Мы собираем информацию на основании того, что видим сами, и приобретаем информацию, которой владеют другие люди.

У меня есть близкий и надежный товарищ – Роп Гонгрейп, создатель одной из первых в Голландии провайдерских интернет-компаний, организатор конференций хакеров, традиционно проходящих в Амстердаме. Нас с ним пригласили выступить на конференции специалистов по компьютерной безопасности, широко известной как Hack in the Box, проходившей в октябре 2009 года в Малайзии. На этой встрече собрались люди в основном политизированные, там было много местных жителей – членов малайзийского движения в поддержку реформ. Правительство Махатхира[45], главы многонациональной коалиции «Барисан Насионал» (местный Национальный фронт), столкнулось с требованиями реформ и серьезной оппозицией под руководством Анвара Ибрагима, лидера Партии народной справедливости. За много лет до того Ибрагим, будучи министром финансов, вытащил Малайзию из финансового

кризиса, и в 1998 году журнал Newsweek назвал его «Азиатом года». Но в 2009 году, когда мы приехали в Куала-Лумпур, он уже давно вел другую жизнь. Как только Ибрагим выступил с критикой премьер-министра, его сразу обвинили в коррупции, за что и посадили в тюрьму на шесть лет; более того, его постоянно поливали грязью, вытаскивая на свет якобы совершенные им сексуальные преступления. После выхода из тюрьмы Ибрагим стал консультантом Всемирного банка и преподавал в учебных заведениях, в том числе в оксфордском Колледже святого Антония и Университете Джонса Хопкинса, а после вернулся в Малайзию и с большим отрывом выиграл парламентские выборы 2008 года.

На конференции Hack in the Box я выступал с докладом о проблеме несанкционированного раскрытия информации в СМИ. По моему мнению, эта тема – стержень журналистики. Меня всегда удивляют критики, обвиняющие нас, что WikiLeaks не отвечает ее интересам. Что бы о нас ни говорили, бóльшую часть своей работы мы выполняем, используя самые тривиальные методы, и считаем себя сторонниками традиционной журналистики. Мы проливаем свет на то, что определенные силы хотели бы оставить во тьме. Таким мог быть девиз лондонской Times во время Крымской войны. Таков был молчаливый лозунг Washington Post во время уотергейтского скандала. Более того, WikiLeaks – и я всегда утверждал это – должен быть партнером традиционных средств массовой информации, а не заменять их или сторониться их. На конференции в Малайзии я говорил, что в будущем на сайтах крупных СМИ должна появиться кнопка „WikiLeaks“ для людей, владеющих той или иной информацией. Мы могли бы принимать на себя бремя защиты источников и решать юридические вопросы – собственно, делать то, чем мы все время и занимаемся, – а сотрудники СМИ готовили бы материалы и комментарии к поступавшим от нас утечкам информации. Метод работы, описанный мной в докладе, всегда был нашей целью, и, несмотря на развязанную вокруг WikiLeaks отчаянную истерию, отвлекавшую наше внимание последние два года, мы обязательно вернемся к своему замыслу, пусть даже другие организации, копирующие нашу работу, будут утверждать, что это их идея. Примерно таким образом сейчас действует OpenLeaks.org, пытаясь нанести удар по WikiLeaks. Скажу только, что эти злополучные детские забавы еще никогда никому не приносили пользу. Чтобы не оставалось никаких сомнений, скажу еще раз: идея сотрудничества со средствами массовой информации выдвинута мною на конференции в Малайзии в 2009 году.

Мне всегда было любопытно, как в современном мире функционируют разные субкультуры. Например, европейские хакерские сообщества, да и австралийские тоже, составляют в основном выходцы или из рабочей среды, или из средней буржуазии, а в Азии люди, вовлеченные в такую работу, обычно принадлежат к своего рода элите. Однако активисты малайзийского движения в поддержку реформ заинтересованы расширять языковое и этническое разнообразие и уничтожить жесткие расовые барьеры, навязываемые современными политиками. Прямо перед нашим прибытием в стране наметился поворот к новому: поддержка старого режима стала сходить на нет. На выборах 2008 года партия власти получила меньше двух третей мест в парламенте, а без такого большинства невозможно изменение конституции. В последний раз такое случилось в 1969 году. Довыборы 2009 года служили, как считалось, лакмусовой бумажкой, указывающей на будущее страны. В том числе речь шла о довыборах, проходивших практически во время нашей конференции в Баган Пинанге, недалеко от Куала-Лумпура. После конференции группа, представлявшая WikiLeaks, отправилась выступать в разных местах и встречаться с политиками. Депутат от Партии демократического действия – один из немногих индийцев в этой партии, выдвигающей в основном китайцев и малайцев, – отвез нас на бывшую каучуковую плантацию, где мы познакомились с тремя поколениями индийских рабочих, родившихся, получивших образование и трудящихся в этом же месте. Они показали нам брошюрки, распространяемые представителями правящей партии, а также деньги, которые те раздавали в обмен на голоса. Несмотря на такое очевидное подтверждение коррупции, укоренившейся в политической системе, и нежелание правящей партии что-то менять, эти люди не выглядели угрюмыми или сломленными – они не были фаталистами.

Я познакомился с Анваром Ибрагимом, и вскоре мы с Ропом погрузились в политическую жизнь Малайзии. Голова кружилась от того, как быстро все происходит – некое предзнаменование будущих событий в Каире, Тунисе и Ливии, к которым мы еще вернемся. Ибрагим фактически полностью контролировал ситуацию, но ему требовались поддержка, информация и политические советы. WikiLeaks помог ему опубликовать материал о монгольской переводчице Алтантуи Шарибу, погибшей во время взрыва в Куала-Лумпуре в 2006 году. Документ содержал чрезвычайно странные и весьма болезненные для репутации правительства обстоятельства, сопутствовавшие гибели девушки.

Материал представлял собой письменные показания, которые осмелился дать редактор политического новостного сайта Malaysia Today Раджа Петра.

Власти все время угрожали Петре, пытаясь заткнуть ему рот; он дважды едва избежал ареста, так что сайту пришлось перевести свои серверы в Сингапур и США. Гибель Шарибу стала в Малайзии настолько взрывоопасной темой, что о несчастной девушке даже упоминать было страшно. Если о ней говорили на политическом митинге, туда немедленно направляли полицейский отряд и разгоняли собрание. Когда я слышу от многих людей, что один-единственный документ ничего не сможет изменить, мне всегда хочется рассказать им об этой истории.

Я уверил Ибрагима, что утечка такого рода информации послужит мощным рычагом. Властные структуры по-страшному боялись перемен, хотя их оппоненты из движения в поддержку реформ, честно говоря, не давали особого повода для подобных страхов. Но болезненная реакция на публикацию документа продемонстрировала невероятную слабость правительства. Мы посоветовали активистам движения воспользоваться этим моментом и перейти от пассивной оборонительной позиции к наступательной, используя в своих интересах возможности прессы. Правительство вело себя громогласно, но позиция его была неубедительной, поэтому движению нужно было переиграть правительственные СМИ. В помощь мы предоставили оппозиции необходимые им материалы. К слову сказать, в этой борьбе за реформы Ибрагим стал явно консолидирующей фигурой, привлекавшей довольно широкие светские массы. Его партию лоббировали американцы – и уже поэтому стоит придержать язык за зубами критикам, твердящим, будто WikiLeaks всегда и во всем выступает против Америки. Для США это был тщательно продуманный маневр, таким же образом они поведут себя в будущем на Ближнем Востоке. Они поставили на верную лошадь, при этом не тратили слишком много времени, чтобы холить и лелеять своего фаворита, как много лет происходило с Мубараком. Ибрагим вызывал симпатию; в тюремном заключении он читал Шекспира – наверное, стоит доверять представлениям политика о человеческой природе, если каждый день в течение стольких лет он изучал «Отелло» и «Юлия Цезаря». А мы продолжали подбрасывать идеи оппозиционерам и писать разные статьи. Работа была опасной. Однажды ночью мы вышли из квартиры, где все жили и работали, и зашли в темный переулок, полный кафе и магазинов. Откуда ни возьмись выскочил человек и начал размахивать передо мной своим

удостоверением. Сперва мне показалось, что он хочет мне что-то продать, но выяснилось, что это агент тайной полиции. Он потребовал мои документы, и я ответил, что возьму их в машине, а по дороге передал сообщение своим друзьям-оппозиционерам. Я сказал ему, что я журналист и больше ничего говорить не буду. Ребята из оппозиции тут же окружили нас и оттеснили агента.

В конечном счете правящая партия все-таки сохранила свое депутатское место в Баган Пинанге, но оппозиционеры почувствовали свою силу и поняли, что это лишь одно маленькое сражение в большой войне, которую Национальный фронт неизбежно проиграет. Наши друзья из Malaysia Today не тратили времени на оплакивание результатов довыборов, а решили смотреть в будущее: «С момента грандиозных двенадцатых парламентских выборов, обозначивших перестройку политического ландшафта, средний малайзиец – прежде апатично относившийся к политике из-за нудной регулярности предсказуемых побед „Барисан Насионал“ – начал интересоваться выборами, особенно следующим циклом парламентских выборов».

На наших плечах лежал огромный объем самой разнообразной работы, а за душой не было ни ресурсов, ни средств, поэтому я начал задумываться, как стабилизировать положение и где найти настоящий дом. Дом для WikiLeaks – не слишком простая задача: наши серверы работают в секретных местах по всему миру; у нас огромная сеть коллег, помощников и информаторов, причем последние предпочитают действовать анонимно, и их невозможно собрать в одном месте в одно время. WikiLeaks с самого начала отличался от всех остальных медийных организаций: у нас никогда не было и не будет секретарей и кофеварок, не говоря уже об исследовательских отделах и ежегодных отпусках. Многим кажется, что я сижу на своих рюкзаках, потому что я, мягко говоря, чудак. В каком-то смысле они правы, я человек со странностями, но при нашей работе просто неизбежен подобный образ жизни – полный напряжения, сумасшествия и странствий. Мы постоянно перемещаемся в поисках новых мест, дабы избегать юридических ограничений. Поверьте мне, ничего нет приятнее стопки чистых полотенец, хрустящей скатерти на круглом столе, заставленном изысканной едой, и тебя, сидящего в окружении друзей за тихой беседой. Мне даже нравятся кофеварки. Но все эти милые вещи просто невозможны в наших условиях: ведь мы твердо намерены не только выполнять свою работу подобающе, но также подобающе тыкать носами в наши публикации сильных мира сего – видимо,

мы это делаем так хорошо, что на нас объявлена охота. Единственной надеждой было найти место – где-нибудь, когда-нибудь, какое-нибудь – и чтобы никто в этом месте не преследовал людей, действующих во имя справедливости.

По моему разумению, два аспекта нашей работы: обличение компаний, укрывающих деньги или активы, и разоблачение чиновников, запирающих людей в местах вроде Гуантанамо, – тесно связаны между собой. И те и другие – преступники, зачастую действующие с согласия властей, скрывающие средства или людей вне сферы действия закона, обычно в тайных юрисдикциях. Мы доводили себя до истощения, публикуя доказательства их преступлений, но еще нам хотелось продемонстрировать, что тот или иной процесс, та или иная юрисдикция прогнили полностью. Иными словами, стоило бы подвергнуть полномасштабному расследованию, например, Каймановы острова – налоговую гавань, где отмывают грязные деньги, или залив Гуантанамо – закрытую гавань, где злостно нарушают права человека в том смысле, в каком понимает эти права цивилизованное общество.

Что произойдет, когда образ мысли полностью изменится? когда появятся в нашем мире гавани, посвященные разоблачению секретности? В каждой стране нам встречались люди и организации, работавшие в условиях юридической или физической угрозы со стороны властей. Речь идет о малайзийском редакторе Радже Петре, которому приходилось бежать от преследований; об Американской ассоциации владельцев жилья, которая в результате судебного преследования со стороны застройщиков была вынуждена перенести свои сайты на серверы шведского интернет-провайдера; о российских сторонниках реформ; о несчастных, ставших жертвами злокозненных судебных исков сайентологов, – все эти люди и организации могли обрести мир или хотя бы добиться честного рассмотрения своих дел в гавани, созданной специально для обеспечения прозрачности и честных правил игры. Как мне представляется, в современном мире возникла новая категория беженцев: это люди или группы людей, скрывающиеся от богатых или могущественных представителей власти, намеренных уничтожить их за слова правды. Благодаря работе «Международной амнистии» и ПЕН-клуба мы знаем, что зачастую жертвами становятся издатели и авторы, однако это могут быть и правозащитники, юристы, вольнодумцы и просто обычные люди, живущие по соседству. Я все больше и больше уверен, что ответом на их беды должна стать надежная гавань, основанная не на секретности, а на открытости.

Такое место стало бы и журналистской гаванью, где национальное законодательство защищает безопасность источников и гарантирует свободу прессы; где свобода от преследования – норма, а свобода Интернета так же естественна, как воздух, которым мы дышим. Я рисовал в воображении такое политически независимое место: ни от кого не нужно убегать; информаторов считают героями, а не врагами общества; юридические консультации бесплатны; Интернет всем доступен. Кажется, я погружался в нирвану… но затем вдруг осознал, что у моей мечты есть имя и зовут ее Исландия.

* * *

Летом 2009 года нам слили кредитный портфель банка Kaupthing. В документе содержались записи о всех кредитах свыше 45 миллионов евро, выданных этим банком. Kaupthing был крупнейшим банком Исландии и серьезно пострадал во время финансового кризиса 2008 года, а затем обанкротился. Девизом банка была фраза «Мыслите дальше» – похоже, многие заемщики приняли этот лозунг на вооружение. Многие из них были инсайдерами банка, и кредиты им выдавались на огромные суммы, зачастую без какого-либо обеспечения. Kaupthing ссудил 791,2 миллиона евро компании Exista hf., которой принадлежал сам Kaupthing. Согласно полученному документу основная часть займов Exista hf.

«не имеет обеспечения и не подкреплена соответствующими договорами». Kaupthing дал в долг деньги своему акционеру, четвертому по значимости, чтобы он мог купить еще больше акций Kaupthing, и единственное обеспечение, которое тот предоставил, – это те же самые акции Kaupthing! Крохотная горстка людей обогатилась на этих кредитах, хотя деньги существовали лишь на бумаге, а оплачивать счета пришлось исландскому народу. Два брата, Аугуст и Лидюр Гюдмюндссон, а также принадлежавшие им компании получили кредиты на 300 миллиардов исландских крон, или 1,6 миллиарда евро. Роберт Ченгуиз, член правления Exista hf., получил взаймы 330 миллиардов исландских крон. Ничего удивительного, что после краха исландской банковской системы кого-то в Исландии и за границей арестовали.

Не прошло и суток после публикации документа, как нам доставили конверт от адвокатов Kaupthing. Письмо содержало конкретную юридическую угрозу: по исландским законам о банковской тайне нам и нашему источнику светит год тюрьмы.

Телеканал RUV, исландский аналог BBC, в тот день планировал сделать главным сюжетом семичасового выпуска новостей материал о нашей публикации. За пять минут до эфира, как в каком-нибудь голливудском фильме, в редакцию RUV прибыла бумага о судебном запрете. За всю историю канала ему ни разу не предъявляли таких запретов, да еще в самую последнюю минуту. Но ведущий выпуска был спокоен и великолепен. Не теряя самообладания, он объяснил зрителям следующее: поскольку канал только что потерял свою первую новость, то он не станет давать в эфир никаких сегодняшних новостей. Далее он продолжил: предметом сюжета, которого зритель так и не увидит, должен был быть кредитный портфель Kaupthing, данный банковский отчет подготовили лишь за три недели до краха банка. После этого ведущий сказал: мы не можем показать вам этот сюжет, но есть организация, которая на это способна. В этот момент они вывели на весь экран логотип WikiLeaks и показывали его столько времени, сколько было отведено на сюжет, который так и не попал в эфир.

Исландцы мгновенно рванули на WikiLeaks, где наконец узнали, о чем, собственно, шла речь, и поступили именно так, как я всегда считал правильным. Услышав команду «Вперед!», они тут же ринулись вести журналистские расследования, уточняя детали и лично проверяя их. Мы помогли стране увидеть часть той коррупции, которая привела к коллапсу их экономику, и они оценили эту возможность. Нас или меня лично часто называют высокомерными, и, должно быть, я действительно такой – приходится быть высокомерным, чтобы сопротивляться всем камням и стрелам, обращенным против тебя, да еще и незаслуженно. Но в этой работе бывают обстоятельства, вполне оправдывающие такую самоуверенность. Вся мощь власти обрушивается на вас, как только вы разоблачите случаи коррупции, обрушите банк или подложите свинью диктатору. Но исландская история стала тем редким случаем, когда самоуверенность приводит к прорыву: народ ненавидел этих коррумпированных банкиров и хотел закидать их тухлыми яйцами. Кто-то заметил в прессе, что исландский народ традиционно слишком пассивен, что у него нет опыта восстаний и что, возможно, пришло время выступить против кумовства и непотизма, как никогда прежде.

Меня пригласили в Исландию на конференцию, которую в декабре 2009 года проводила организация Digital Freedom. И я не на шутку задумался, как убедить исландцев, что мир отчаянно нуждается в открытой гавани и их страна – идеальное для нее место. В Исландии действительно были для этого

прекрасные условия: после разрушительного банковского кризиса общество созрело для перемен; высокий уровень образования; среди западных стран самый высокий уровень распространения Интернета; страна равноудалена от Европы и США; самая дешевая в Европе электроэнергия за счет полностью «зеленой» энергетики (геотермальной и гидроэнергетики), что важно при управлении большим пулом компьютеров; холодно, что очень удобно в плане кондиционирования, необходимого для серверов. И самое главное: в Исландии устойчивые традиции свободы слова, а непосредственно перед тем, как лопнул банковский пузырь, страна заняла одинаковое с Люксембургом и Норвегией место в ежегодном индексе свободы прессы по версии «Репортеров без границ». А кроме того, в моем выборе Исландии таилась какая-то внутренняя усмешка, что вполне отвечало моему настроению: этот обледеневший кусок земли в Атлантическом океане, максимально удаленный от Карибских островов, представлял собой какой-то чумовой антипод налоговым гаваням. Обо всем этом я говорил на конференции, убеждая присутствующих, что Исландия должна стать величайшей открытой гаванью в мире и родным домом для издателей.

На конференцию я приехал вместе с Даниэлем Домшайт-Бергом и несколькими людьми из Исландского общества за цифровую свободу. Туда прибыла и группа парламентариев, в том числе умная, дружелюбная 42-летняя женщина – Биргитта Йоунсдоуттир, избранная в парламент в начале 2008 года. Она, похоже, полностью разделяла дух нашей группы и была заинтересована в идее гавани открытости. Как только мы познакомились, я сразу увидел в ней потенциального союзника. Биргитта могла продвинуть нашу идею безопасной гавани в парламенте и помочь проработать ее с учетом нынешнего политического климата. Она была опытным активистом, поэтом и музыкантом и принадлежала к древнему роду исландских трубадуров.

Зерно было посеяно и пустило ростки в умах участников конференции и других наших исландских сторонников. В конце 2009 года я был сильно занят и отправился в Берлин, чтобы еще раз выступить на Всемирном конгрессе хакеров 27 декабря. Но в Исландию я был намерен вернуться как можно скорее, и 5 января 2010 года мы снова собрались в этой чудной стране, горя желанием продолжать работу над созданием нашей гавани. Над концепцией работало как минимум тринадцать человек: Роп Гонгрейп, Джекоб Эпплбаум, Даниэль Домшайт-Берг, Смари Маккарти, Кристинн Храфнссон, Биргитта, другие журналисты, активисты и ученые из Британии, Нидерландов, Бельгии,

Германии, Гонконга и США, которые помогали нам советами и делились опытом. Наша группа готовила парламентский запрос. Работали мы в месте под названием «Дом идей» – что-то вроде инкубатора стартапов для людей, у которых есть идеи, но нет денег. Мы сидели практически круглосуточно, изучали ситуацию, встречались с депутатами и готовили проект, чтобы в нужный момент у него были шансы стать законом. Биргитта Йоунсдоуттир упорно пробивала нашу идею в парламенте, и для некоторых наиболее консервативных парламентариев мы устроили специальные презентации. Добиться столь фундаментального поворота было труднее, чем я себе представлял: требовалось изменить по крайней мере тринадцать важных исландских законов. Но парламент все-таки проголосовал за то, чтобы поручить правительству подготовить такие поправки, и сейчас процесс продолжается. Полагаю, это решение объяснялось и чувством достоинства исландской нации после финансового коллапса. Их внимание было, что вполне объяснимо, приковано к местным потрясениям, и многие считали главным преимуществом гавани открытости то, что в дальнейшем она обеспечит подотчетность банкиров и других коррумпированных исландских организаций. В конце концов, я надеюсь, они увидят, что прозрачность может стать реальным локомотивом роста страны. Как ни странно, в процессе лоббирования главными оппонентами оказались журналисты: они боялись, что новое законодательство каким-то образом отвлечет внимание от их собственных бед – сокращений и увольнений. На мой взгляд, это был близорукий подход. Но мнение, что идеализм не всегда позволителен, по крайней мере можно понять.

Идея Исландии как юрисдикции свободы кажется мне красивой. Она поднимет репутацию страны и общее самоуважение. Мне интересно: не стоит ли Исландии учредить какую-нибудь награду за свободу самовыражения, которая могла бы дать этой маленькой стране то же, что Нобелевская премия дала Швеции? Наличие такой премии и общественного понимания, как соответствовать этой награде, могло бы стать образцом для подражания и привлекло бы к стране внимание на международной арене. Мы усердно трудились вместе с парламентскими юристами и разработчиками законопроектов. Я воображал себе масштабный переход к обществу справедливости, который можно было бы совершить таким образом: перейти к научно обоснованной журналистике, обеспечить прозрачность и защищенность каждого отрезка трубопровода, по которому течет истина. А весь мир получил бы новые высокие стандарты – стандарты, говорящие, что людей

нельзя наказывать за стремление к истине. С этим можно спорить, эту позицию можно опровергать, но нельзя делать из людей преступников за то, что они просто раскрывают другим истину. Надеюсь, недолго осталось до того, как этот план воплотится.

Весной 2010 года встал еще один насущный вопрос. Исландская банковская система развалилась в конце 2008 года: для всех крупных банков наконец пришел час расплаты за безрассудную выдачу кредитов. В октябре рухнул Landsbanki, и под угрозой оказались сбережения британцев и голландцев, вложивших деньги в подразделение Landsbanki – интернет-банк Icesave на общую сумму 6 миллиардов евро. Исландское государство ответило, что оно, будучи представителем крохотной и обанкротившейся нации, не в состоянии нести ответственность по зарубежным долгам совершенно безответственных частных банков. Британия и Голландия отреагировали безжалостно. Британский министр финансов Алистер Дарлинг, ссылаясь на закон об антитерроризме, преступности и безопасности, заморозил британские активы Landsbanki, а также активы Центрального банка Исландии и правительства Исландии, имевшие отношение к Landsbanki. Закон был принят, чтобы не допускать скопления ресурсов в руках террористов, но теперь им воспользовались против правительства другой европейской страны. Это было возмутительно. В британцах взыграли имперские инстинкты, и они взялись за свою закулисную дипломатию, причем с довольно мощным нажимом. Когда речь заходит о таких вещах, как банковская катастрофа, когда проблема вызывает всепоглощающий интерес общественности, британцы готовы откровенно опираться на силу, чтобы добиться своего. Так они и сделали. Они публично заявили, что будут агитировать против вступления Исландии в ЕС, пока не получат свои деньги, и добьются, чтобы МВФ не выдавал Исландии новых займов. Исландский парламент попытался составить план выплаты долга, однако президент под давлением общественного мнения отказался его подписывать, и все закончилось проведением референдума. Некоторые представители исландской политической элиты лихорадочно пытались найти вариант, удовлетворяющий британцев, а мы между тем опубликовали документы вроде «последнего предложения» Британии и Нидерландов и ответного предложения Исландии. Я выступил на митинге в Рейкьявике. Мы стремились снабдить исландскую общественность информацией, необходимой для обоснованного решения. В итоге около 95 % избирателей проголосовали против того, чтобы поддаваться британскому давлению. Это был

исторический момент – первый с 1944 года референдум в Исландии. Способность нашей группы действовать стратегически в столь динамичной истории подчеркивала нашу значимость и боеготовность: мы столкнули власть с истиной в той точке, где развиваются события. Затем мы опубликовали несколько дипломатических депеш, демонстрирующих, что Британия добивалась от Парижского клуба – картеля крупных западных стран-кредиторов – отказа в дальнейшей помощи Исландии.

В течение 2010 года мы продолжали глубоко и серьезно заниматься исландскими темами, но тот судьбоносный 2009 год, когда мы надеялись основать там первую в мире гавань открытости, закончился любопытным напоминанием, насколько WikiLeaks проник в саму ткань исландского самосознания. Посольство США в Рейкьявике организовало званый ужин. Оно всегда приглашало на эти мероприятия представителей местной политической элиты, и я заявился туда под видом партнера Биргитты. (На самом деле я был один, она вообще не пришла.) Тем вечером я вел себя весьма дерзко: мне удалось добыть пачку документов, говорящих о довольно сомнительных действиях Landsbanki в России в 1990–2000х годах. Во время операций, описанных в досье, погибло три человека, а в создании нескольких компаний, участвовавших в этих операциях, похоже, были замешаны высокопоставленные чиновники из правительства Путина. Я чувствовал, что мы подбираемся все ближе и ближе к моменту реальной открытости по этому серьезнейшему вопросу – связь между деньгами и правительствами. Одним из первых я повстречал там бывшего главу банка Kaupthing – того самого, чьи юристы угрожали посадить меня в тюрьму за публикацию их кредитного портфеля. Разговор прошел не слишком дружелюбно. Затем я поговорил с временным дипломатическим представителем, стоявшим в окружении трех головорезов, которых будто в Голливуде подбирали. При взгляде на них возникал вопрос: что же они такого сделали в Сальвадоре, что их забросили в Исландию день за днем следить за китайским посольством? В тот вечер я показывал людям некоторые документы по русскому делу Landsbanki. А почему бы и нет? Открытость есть открытость, правда? Их глаза расширялись, а их руки – руки дипломатов – так и тянулись к этим документам, чтобы запрятать их подальше. Поразительно, какие это унылые люди и как мало они знают о том мире, за общение с которым им платят. Через несколько месяцев я опубликовал депешу, отправленную тем самым дипломатическим представителем, и они все просто с ума посходили, думая, каким образом

я умудрился раздобыть ее на званом ужине.

Опыт нашего участия в создании безопасной гавани во многом научил нас тому, как внедрять принципы WikiLeaks в политический курс. Мы занимались этим не в силу каких-то амбиций, как думают некоторые, но потому, что это естественное продолжение нашей деятельности – говорить правду власти. В конце концов было бы здорово найти еще кого-то, проявляющего интерес к нашему проекту, и поддержать его с помощью аппарата свободных государств. Интернет в каком-то смысле тоже государство, но государство воображаемое, которое может посещать и покидать любой, не имея никаких паспортов. Однако есть и примитивные аспекты. Хотя в Интернете может публиковаться каждый, Интернет не дает защиты, а в худшем случае оборачивается самым мощным в мире инструментом надзора. Он поощряет свободу прессы, но точно так же поощряет и тех, кто ненавидит свободу прессы. Такова ирония новых технологий, и именно ее мы старались преодолеть, предпринимая поиски опоры под ногами, поскольку нашим представлениям о справедливости требовалась законодательная поддержка. Мы многому научились и познакомились со многими хорошими людьми, включая уже упомянутую Кристинн Храфнссон, исландскую журналистку и активистку, которая потом стала важным сотрудником WikiLeaks.

Прогулки по Рейкьявику были духоподъемными: люди улыбались, махали нам, считали себя нашими сторонниками. Но я чувствовал огромную усталость. К этому времени я совершил такое количество поездок, прошел через такое число громких историй, провел столько мероприятий ради продвижения нашего дела, что уже ощущал угрозу не только своему здоровью, но и жизни. Я чувствовал себя выпотрошенным. Продолжалась парламентская бюрократия – обычное дело, но я принял ситуацию близко к сердцу, видя в ней молчаливое осуждение моей жизни в бегах. Очевидно, что в каком-то смысле я бежал от неких злобных сил еще с тех пор, как был ребенком, когда мама возила нас через всю страну, скрываясь от своего навязчивого ухажера. В Исландии порой трудно отличить день от ночи, и мне это болезненно напоминало мое неприкаянное детство. Я по-прежнему ночами сидел за компьютером, а днем бросался на поиски новых возможностей. Однако мой аккумулятор, даже если садится, всегда со временем каким-то волшебным образом оказывается полностью заряженным.

Нам на отдаленный сервер пришла новая видеозапись. Плохое качество, большая зернистость изображения. Но я не мог оторваться от картинки. Мужчины, идущие по улице Багдада.

Двое из них – журналисты. Еще минута – и они уже мертвы. Их тела в клочья разнесет боевой вертолет армии США. Я смотрел эту запись снова и снова, понимая: очень скоро на нас будет направлен свирепый взгляд общественного внимания.

11. Сопутствующее убийство

В марте 2010 года, после короткого периода разъездов, включая выступление на конференции в Осло, мы вернулись в Исландию и сняли там дом. Наши арендодатели думали, будто мы приехали наблюдать за вулканами – эта легенда объясняла, почему у нас так много компьютеров и видеооборудования. Настоящей причиной аренды отдельного дома стала видеозапись из Багдада. На тот момент этот документ был самым важным из всей присланной нам информации; в видеозапись требовалось вникнуть, проанализировать ее и подготовить к публикации. Я хотел, чтобы весь мир увидел эту запись. Она была крайне важна не только для понимания войны как таковой, но и для этической оценки того, во что превратилась иракская война и как она затронула нашу повседневную жизнь.

Дом, который мы арендовали, превратился в настоящую берлогу. Повсюду стояли чашки с недопитым кофе, тянулись компьютерные провода и валялись шоколадки – приметы нашей сумасшедшей жизни. Заехавшему журналисту из New Yorker пришлось терпеть царивший в доме хаос и наши бессонные ночи. Я неделями почти не вылезал из-за компьютера. Мне даже волосы стригли, пока я сидел за терминалом и работал над записью, – надо было успеть к сроку. Требовалось максимально очистить запись от постороннего шума и треска, чтобы сделать финальную версию настолько четкой, насколько возможно. Люди носились по дому с воплями, идеями, порой в слезах. Никакие прежние безумные графики и прыжки между континентами не выдерживали сравнения с подготовкой видеозаписи «Сопутствующее убийство». Думаю, именно там взяла начало моя репутация работоголика и человека, не обремененного мыслями о гигиене. Такой образ жизни диктовали не только объем и важность работы, но и чувство ответственности. Нас тревожило предстоящее: мы и надеялись, и верили, что запись изменит представление общественности о жуткой иракской войне и поможет положить ей конец.

Наша видеозапись собрала более одиннадцати миллионов просмотров на YouTube, еще больше людей увидели ее по телевизору. Это знаменитый документ нашего времени. Когда я первый раз смотрел запись, было не совсем ясно, что там происходит: изображение дерганое, очертания фигур размыты, движения только угадывались, драматургия сюжета не прочитывалась, поэтому отсутствовала и сила воздействия. Но когда я просмотрел ее второй, третий раз и обнаружил наконец,

что там запечатлено, то почувствовал полное опустошение. Я тщательно исследовал тему, выяснил, что за люди были на записи, когда она была снята, с каких углов и как вообще получилось, что это убийство средь бела дня оказалось запечатлено на видео. Мы разделили запись на три части, чтобы лучше представить последовательность событий. Работа шла медленно, происходящее на записи то гипнотизировало, то будто тебя окатывали ледяной водой. По ходу работы у нас не оставалось никаких сомнений: на видео запечатлены двенадцать человек, среди них двое журналистов Reuters, занимавшихся своей работой, которых расстреляли из 35-миллиметрового орудия с американского вертолета «Апач». Понадобилось время, чтобы выяснить, кто в первую очередь был убит в этой бойне, и затем понять, что два человека, выживших в ходе первоначального обстрела, но затем убитых, – это люди из Reuters. Мой коллега Инги Рагнар Ингасон внимательно изучал кадр за кадром и разобрался в сюжете, который связан с микроавтобусом. К месту обстрела подъехал микроавтобус, из которого выбежали люди, чтобы помочь раненому, но в следующие минуты повторным огнем машина была разнесена на куски, а люди убиты. Двое детей, сидевших в микроавтобусе, были ранены, и на следующем кадре видно, как их несут американские пехотинцы.

Над этой видеозаписью работала вся наша команда. Кристинн Храфнссон взялась за дальнейшее расследование и выяснила, что случилось с детьми. Биргитта постоянно была рядом, помогала советами и выступала в роли рупора нашей группы. Инги занимался черновой версией, очищал от шумов и мелких деталей, а потом принялся за монтаж. Гюдмюндюр Гюдмюндссон работал над звуком. Роп Гонгрейп выступил в роли исполнительного продюсера, он покрыл все расходы, и, можно сказать, лишь благодаря ему состоялся сам проект. Смари Маккарти подготовил веб-версию. Даниэль Домшайт-Берг, возможно, не вполне осознавая происходящее, начал отдаляться от нашей группы и даже мешать работе. Наверное, в подобных коллективах, состоящих из волонтеров, неизбежно что-то начинает идти наперекосяк, у кого-то пропадает интерес, у кого-то, напротив, растет аппетит и раздувается самомнение. Домшайт-Берг стал совершенно несносен, думаю, он просто не смог увидеть леса за деревьями. Нас совершенно вымотала его враждебность, а ведь впереди нас ожидало очень дерзкое и довольно ужасное предприятие.

Была еще одна причина, вынуждавшая нас опубликовать видеозапись: неточное освещение этого инцидента прессой –

яркий пример манипуляции историей в политических целях. В некоторых заметках даже предполагалось, что машину обстреляли повстанцы, хотя из нашей видеозаписи совершенно четко следовало, что приказ отдали американцы и они же устроили бойню. Другие журналисты предполагали, что имела место перестрелка и журналисты Reuters случайно попали под огонь. Все это ложь. Мы решили сопроводить видеопоказ словами Оруэлла: «Политический язык предназначен для того, чтобы заставить ложь выглядеть правдоподобно, убийство – достойно и придать видимость пустому звуку», – чтобы показать, как политический язык используется для оправдания безрассудных убийств. Решение назвать видеозапись «Сопутствующее убийство» принято нами как дань уважения свидетельству о гибели людей. Мы знали, что такое название будет звучать спорно, но иных слов мы не нашли.

Название оказалось бомбой и спровоцировало целую бурю – это одновременно и удручало, и удивляло, даже учитывая, что я знал, как работают западные журналисты и как они относятся к официальной позиции правительства США. Они настолько были переполнены чувством собственной значимости, что, увидев нашу запись, первым делом решили прицепиться к названию, а не к содержанию. Многие журналисты вбили себе в голову, будто соединение правды с официальной ложью дает «сбалансированную картину», и они не видят разницы между торжественным выступлением на камеру и серьезной работой, обусловленной нравственным императивом. Пол Кругман как-то пошутил: если кто-то объявит, что Земля плоская, то газеты выйдут с заголовками вроде «Взгляды на форму планеты разошлись». В нашей «смонтированной» версии первые одиннадцать минут не подвергались вообще никакой обработке, чтобы показать контекст происходящего. Мы вывесили ее на сайте collateralmurder.net *одновременно* с полной 40-минутной версией. Дорогой CNN, в чем твоя проблема? Возможно, нам стоило назвать запись «Сопутствующее укрывательство» и покончить с этим.

Я сидел над этой записью бесконечную вереницу дней, я смотрел ее без конца, но каждый раз у меня кровь холодела в жилах, когда я видел, как под обстрел попадают дети. Неподконтрольная власть – это зло, и я чувствовал огромную моральную ответственность за изобличение ублюдков, сотворивших это. Ублюдками были не только американские военные, но и те представители СМИ, которые посчитали нужным поддержать армию в ее попытках скрыть эту историю. Молодые люди в вертолете тоже могли быть жертвами – жертвами

жестокой военной культуры, вышедшей из-под контроля; в их голосах слышна готовность убивать. Конечно, у одной из жертв был гранатомет, но в своем стремлении нарисовать себе угрожающую картинку люди в вертолете приняли камеру репортера Reuters за еще один гранатомет. Эти агрессивные, необдуманные и поспешные действия просто непристойны, особенно если прислушаться к исступленному, умоляющему голосу стрелка, не понимающего, с какой стати вообще в такой ситуации проявлять осторожность. «Давай, приятель, все, что нужно, это поднять оружие, – говорит солдат, наблюдая мужчин внизу. – Дай мне хоть что-нибудь». И вот так, за считаные минуты, мы переходим от незначительной угрозы к настоящей бойне. Видеозапись внушает глубокую уверенность: военные конфликты порождают в участниках безжалостную потребность поиска жертвы. Все это выглядит и звучит как компьютерная игра, потому что в атакующих солдат вбивают подобные принципы поведения. Они ведут себя так, будто стреляют в цифровых монстров.

Мы решили продемонстрировать видеозапись на пресс-конференции в Вашингтоне 5 апреля 2010 года. У нас было в запасе еще десять дней, чтобы отправить Кристинн и Инги в Багдад, где они могли найти семьи жертв. Иногда поздно вечером я выходил из дома, чтобы подышать холодным ночным исландским воздухом, вдохнуть свежий запах серы, и задумывался: как же, черт возьми, мы все успеем сделать вовремя? Много трудностей, много миль, а теперь и много лет отделяли меня от подростка, который ночи напролет сидел за компьютером, бродя по корпоративным системам всего мира. После глотка свежего воздуха и при мыслях о сроке, наступавшем нам на пятки, могло показаться, что с тех пор изменилось все и в то же время – ничего. В последний момент Кристинн удалось уговорить исландское Министерство иностранных дел, и ребята мгновенно вылетели в Багдад. Связной, которого они нашли через местное представительство Reuters, отвел их в Аль-Амин, часть города, находящуюся под контролем «Армии Махди», где и произошло это злодеяние. За день до отбытия в Вашингтон пришла весть от Инги и Кристинн: они нашли детей, а также мужа женщины, погибшей, когда вертолет выпустил ракеты Hellfire в многоквартирный дом сразу после обстрела людей на улице.

Чудом всё успев, мы отправились в Америку, в вашингтонский пресс-клуб. Было позднее утро, и в зал набились люди. Мы запустили видеозапись, и она подействовала мгновенно. Некоторые зрители плакали. Было видно, что это не

какое-нибудь рядовое разоблачение. Присутствовавшие – люди весьма закаленные, но и они не могли не отреагировать на эти секретные изображения официально санкционированной жестокости. Впрочем, когда дошло до вопросов, как всегда, наступило разочарование. Многие журналисты-международники, работающие в Вашингтоне, довольно глупы. Они зачастую не знают ничего о своих темах или культуре народов, о которых пишут. А представители старшего поколения кичатся своим подходом «я слишком крут, чтобы учиться» – им кажется, что нет ничего, что они не видели бы в своей жизни. Эти люди совершенно безнадежны, и им следует стыдиться прежде всего той самонадеянности и того невежества, которые они продемонстрировали миру. Но никуда не денешься. Все в Америке так боятся национальной прессы, что выдернуть сиденье из-под их жалких, нерадивых задниц – не вариант. Они никого не слушают и были бы оскорблены предложением пересмотреть свою систему взглядов. Я не собираюсь ничего приукрашивать: да, видеозапись действительно тронула этих людей, но едва ли кто-то из них понимал, что нужно последовать своим инстинктам и вплести свой голос в хор национального возмущения. Ведь именно этого требовала ситуация. Выпуск вечерних новостей выглядел безнравственным. На CNN Вольф Блитцер обсудил эту историю с коллегой-ведущей; она сказала, что война – опасная штука, вот и все. Они показали первую часть записи и затемнили экран, когда были выпущены пули, – якобы из уважения к семьям погибших. Ловкий ход. Как стыдно за них перед иракскими семьями. А канал Fox News, разумеется, представил сюжет так, будто мы в долгу перед этими военными, заслуживающими полного оправдания.

Мы встречались с американской прессой все время в течение того года, особенно с New York Times, однако всякий раз было сложно избежать ощущения, что большинство журналистов, считая себя выразителями американских национальных интересов, даже не сомневаются в целесообразности иракской войны. Они считают, будто в такое опасное время не имеют права выражать сочувствие страданиям других людей. Они умело играют разные роли, чтобы всегда выглядеть благочестивыми и верными своей стране. Я не могу сказать, что не люблю Америку. Но мне не нравится, как нынешняя поросль политической и медиаэлиты оскорбляет лучшие принципы журналистики и прекрасную конституцию страны. Наша цель – как и в других странах, ведущих себя столь же отвратительным образом, – взять их с поличным.

Уже через день после показа «Сопутствующего убийства»

в Вашингтоне ответная реакция прозвучала на всех уровнях. На нас нападал не только Пентагон. Негодование сыпалось на нас как из трущоб Сан-Антонио, так и со стороны бывших мечтателей из Белого дома. Как левые, так и правые политические обозреватели вознамерились распять нас за то, что мы показали миру эту военную запись, которая вогнала бы любую уважающую себя страну в печаль перед теми ужасами, что могли твориться под ее флагом. Но мы не видели ни смирения, ни извинений, ни даже объяснений; лишь гнев людей, воображающих, что любой, раскрывающий правду в таких ситуациях, враг государства. Какая же это убогая и примитивная реакция на журналистскую правду и совершенно постыдная, если вспомнить те фундаментальные принципы, ради защиты которых они якобы пересекают весь мир. Конечно, нас обвинили в том, что мы сфальсифицировали видеозапись; что мы умышленно перемонтировали ее так, чтобы нанести вред репутации армии США; что мы стерли из записи стрелявших повстанцев и представили ситуацию хуже, чем она была на самом деле. Уверенность людей в этой чуши сюрреалистична. Ведь это была *видео*запись, сделанная самой армией и переданная нам. Каждый угол съемки и каждый обзор на этой записи выбраны ими; качество записи зависело от условий съемки; и то, *что* записано, то есть что они совершили, – сугубо их выбор; я даже представить не могу, как они смеют это отрицать и спокойно спать по ночам.

Есть черты характера, которые сильно мешают в работе: тонкокожесть и жалость к себе. Мне кажется, я пытался не поддаваться ни тому, ни другому. Я умею контролировать свои эмоции, но меня огорчает, когда мир не прислушивается к очевидному. Остается надеяться, что когда-нибудь я и с этим справлюсь. Мы – молодая организация, однако особенность нашей работы очень быстро поместила нас в центр общественного внимания. Лично мне приходилось учиться всему прямо на ходу, и я гордился нашими проектами. Если мы – народное бюро расследований, то именно на народ нам и следует ориентироваться, невзирая на враждебные реакции с разных концов политического спектра. Публикация багдадской видеозаписи была делом достойным, и она не просто соответствовала нашим представлениям о том, чем следует заниматься, но и была кульминацией нашей моральной позиции. Миллионы людей в Ираке и Афганистане живут под угрозой постоянных атак с воздуха, и мы решили: крайне важно, чтобы люди увидели, чем могут эти атаки кончиться. Конечно, никогда не будет недостатка в тех, кто готов заявить: «Это ведь война, а зона боевых действий – не песочница, и случается, что гибнут

невинные люди». Однако не следует навязывать другим такие мнения и заставлять принимать их на веру. Люди должны увидеть факты собственными глазами. Эти факты пытались скрыть, и само стремление скрыть их от граждан – подлость, кто бы этим ни занимался – армейский генерал или ведущий Fox News. Война – это всегда манипуляции, но такие манипуляции и такое ведение войны приносят лишь вред людям и никак не помогают достижению мира. Мы обратились к народу США, как обратились бы к любой другой нации, и сделали это не ради упрощения нашей собственной жизни – для меня начался жуткий период славы, – но чтобы добиваться идеала открытости и подотчетности, без которых не может существовать ни одна реальная демократия. Тот факт, что армия США отказалась провести официальное расследование, позор перед лицом самой идеи моральной ответственности. Без багдадской видеозаписи, без фотографий из Абу-Грейб, как и без многого другого, картина мира останется ущербной. А правда, которая заложена в этих материалах, приблизит конец войны.

Мы уже публиковали засекреченные материалы об иракской войне: в 2008 году мир узнал «Правила боя в Ираке». Теперь мы собрали заново все эти документы и вывесили их на сайте collateralmurder.net, созданном специально для нашей видеозаписи. Мы призывали людей, посмотревших багдадскую запись, прочитать и эти документы. Они показывают, что поведение солдат в вертолете, которые так охотно бросились в бой, чтобы убить двенадцать мужчин и ранить двоих детей, совершенно недопустимо даже по этим правилам. Эти молодые люди с таким жаром добивались «разрешения вступить в бой», что оно с не меньшим жаром было им дано; однако потом военные, исковеркав хронологию событий, убеждали, будто обстрел имел рациональное обоснование. По их мнению, все сводилось к факту, что фотограф Reuters Нур Алдин пододвинулся к углу и поднял камеру, чтобы сделать снимок, а они приняли эту камеру за гранатомет. Но если вы посмотрите запись, то заметите, что разрешение вступить в бой было запрошено и получено еще до того, как они подлетали к улице, – и запрашивалось оно в сильном возбуждении. Здесь многое казалось странным, но в Америке не нашлось ни одного журналиста, который задался бы простым вопросом: «Почему?» Почему на этом театре военных действий молодые люди так рады спустить курок? Что такого в иракском конфликте, что пилотам так легко переступать через элементарные правила приличия и осторожности, чтобы расстреливать невинных людей? Телевидение показывало передачу за передачей, где выступали

аморальные люди с пустыми взглядами, и никто из них не осмелился оспорить позицию армии, которую они докладывали зрителям. Ни один не хотел быть настоящим журналистом.

Потом, изучая архивы афганской войны, мы поняли, насколько точно эти американские редакторы придерживались официальной правительственной линии. Они демонстрируют благочестие и делают безрассудно высокие ставки, изображая, будто все, чего они хотят, это ответственность, пристойность и сбалансированность, тогда как на самом деле предают свою журналистскую независимость на каждом шагу. Мы еще дойдем до этого. Редакторы и корреспонденты из США в тот важнейший момент не сделали ничего, что могло бы подорвать их популярность на ежегодном ужине Ассоциации корреспондентов Белого дома. Они пили свои коктейли с парнями из Капитолия, тогда как в Ираке матери и жены оплакивали погибших. Все они внезапно оказались слепы к правде о действиях военных, как будто благо, которое якобы несет миру Америка, вообще нельзя ставить под вопрос. Но багдадская запись ставит этот вопрос в реальном времени и с помощью их собственных камер. Журналисты и представители правительства весело вбежали во вращающуюся дверь, выталкивая друг друга в свободное пространство, однако любой, кто посмотрел «Сопутствующее убийство», не имея в голове никаких предубеждений, знает, о чем идет речь.

Некоторые люди, не понимающие и не желающие понимать нашу работу, делают скоропалительный вывод, будто наши публикации могут поставить под угрозу жизнь людей. Все не так: главная побуждающая сила нашей деятельности – это как раз спасение человеческих жизней. Удовлетворяя общественный интерес, внося свой вклад в окончание войн, давая журналистам средства контроля за злоупотреблениями власти, мы стремимся ограничить жажду убийств, столкновений и вторжений, а также подорвать эффективность поддерживающей их лжи. Наша работа высвечивала реальную практику банков и заметно повлияла на то, как они понимают свою подотчетность обществу. Точно так же было и с действиями армии, будь то Кения или Пентагон. Для военных и их жестоких операций жизненно важна секретность, а мы неустанно боремся за изобличение лжи, чтобы положить конец заговорам, сохранить права человека и спасти жизни.

И вот еще один пример – Иран. Неоконсерваторы из Вашингтона и их израильские союзники уже довольно давно хотят спровоцировать войну с Ираном. В этой истории нет никаких тайн, она тщательно описана Сеймуром Хершем и другими журналистами по надежным источникам. Учитывая,

что многие военные конфликты начинаются со споров о границе, мы стали следить за потоком информации в этой области и заметили, что британские и американские корабли плавают в самой непосредственной близости к Персидскому заливу. Иранские военные захватили нескольких британских моряков, и иранский флот пошел на сближение с кораблями США в своих водах. Мы заметили эти действия в ранней фазе, и я написал Эрику Шмитту из New York Times, чтобы привлечь его внимание к регулированию этого вопроса в опубликованном нами документе о правилах боя. Шмитт смог написать важную заметку, где, в частности, были такие слова: «Раздел документа, посвященный пересечению международных границ, оговаривает, что перед пересечением или пролетом иранской или сирийской территории американские силы должны получить разрешение министра обороны США. Такие действия, как предполагалось в документе, могут также потребовать одобрения президента Джорджа Буша. Однако в документе говорилось и о случаях, когда такое разрешение не требовалось: если американские силы непосредственно преследуют бывших членов правительства Саддама или террористов».

Иранское правительство отреагировало так: «Силы США в Ираке не имеют никакого права преследовать подозреваемых на иранской территории. Любое вторжение каких-либо сил США в нашу страну в погоне за подозреваемыми будет нарушать международные нормы и подлежит юридическому преследованию». В заявлении подчеркивалось, что Иран «обеспечит адекватный ответ на любой шаг в этой связи, чтобы защитить свою безопасность и национальный суверенитет». Если вы посмотрите на следующий документ «Правила боя», опубликованный вслед за этим заявлением, то увидите, что военные изменили эти правила, снижая вероятность конфликта. Вот пример того, как маленький документ повлиял на официальную политику и это может заметно изменить дальнейшую цепочку событий. Я не говорю, конечно, что мы предотвратили войну в Иране и спасли бесчисленные жизни, но мы двинулись в этом направлении и достигли пусть маленькой, но своей цели. Пока война с Ираном так и не разразилась, в том числе потому, что по секретным операциям в этом регионе был нанесен удар и рискованные рейды на границе были предотвращены. Мы сыграли в этом важную роль. Мы не требуем признания наших заслуг, нам важен результат. Но ни одно СМИ в мире, ни один телеканал, жаждущий нашей крови, ни за что не обратят внимание на этот аспект нашей повседневной работы.

Багдадская видеозапись во многом задала тон для разговоров

о WikiLeaks, особенно среди представителей американской элиты, настроенных видеть нас в определенном свете. Нам, а может быть, и целому поколению людей было очевидно, что они бранят не только WikiLeaks, но и технологию как таковую. Тут мы ничем помочь не могли: мы не пиар-фирма и не слишком умелы в делах рекламы; зато наша деятельность была разнообразной, последовательной и не подчинялась никаким партийным или государственным интересам, и так будет всегда. Мы опубликовали видеозапись и проснулись скандально известными, не получив от этого никакого удовольствия. Нам кажется странным существовать в мире, где попытки добиться справедливости и свободы прессы делают тебя врагом. Но все же мы покинули Вашингтон с чувством выполненного долга. И не более того. Никакого триумфа, никакого чувства поражения, хотя и на то и на другое мы имели право, учитывая эффект, произведенный этой видеозаписью, и презрение, которое она обрушила на нас.

Несмотря на все перипетии, а может быть, благодаря им мы испытывали явное перевозбуждение. Поэтому было настоящим удовольствием попасть в Беркли, где всегда присутствует желание перемен и любовь к прогрессу, хотя студенты уже не засовывают цветы в стволы орудий. Мне вспомнилось детство, проведенное в теплой атмосфере негромкого протеста, и я чувствовал, что здесь у нас есть благодарная аудитория – не заложники чьих-то интересов, а свободные люди. Вместе со мной приехали Биргитта и Гэвин Макфадьен из Центра журналистских расследований, и мы рассказывали о ситуации, сложившейся со свободой прессы. Вскоре после этого мы отправились на Форум мира в Осло, где я почувствовал, что наша видеозапись привнесла бодрящее чувство ясности. Перед показом я сказал: «Наша цель – справедливая цивилизация, и наше послание – это прозрачность». Учитывая огонь, который мы уже приняли на себя и который нам придется принять позже, я понимал, что важно подчеркнуть нашу приверженность делу вне всякой идеологии: «Мы не левые и не правые», – и это было действительно так. Должно быть, на обеих сторонах спектра моя фраза вызвала стенания, но мы не вписываемся в старые категории и никогда не чувствовали желания искать признания у той или иной партии. История учит нас, что укрывательство и жестокость всегда расцветали в условиях идеологических интересов, будь то Китай, Россия или Ливия, Франция, Британия или Америка. Но представители некоторых из этих стран просто не могли поверить, что они тоже могут стать предметом тщательной проверки. Когда-нибудь мы поймем, почему они чувствовали себя застрахованными от

юридических расследований.

Я больше не ездил в Америку. Мне ясно дали понять, что Пентагон пытается установить мое местонахождение, и мне пришлось отменить несколько выступлений в Штатах. Возможно, такое отношение ко мне возникло в результате узкого и параноидального представления о деятельности WikiLeaks. Но затем, 26 мая 2010 года, по подозрению в сливе секретной информации был арестован рядовой Брэдли Мэннинг, служивший в Ираке. Наша схема прикрытия информаторов, изобретенная еще много лет назад в Австралии, гарантировала, что невозможно узнать, был ли Мэннинг в действительности источником какой-либо из наших публикаций. Наши серверы не хранят таких данных, и даже я не могу их получить. Но мне было очевидно одно: если он действительно предоставил такую информацию, то он настоящий герой демократии, поборник справедливости, который внес свой вклад в спасение человеческих жизней. В ту ночь я засыпал с надеждой, что свободный мир проявит к нему доброту.

12. Вся редакторская рать

Тщеславие газетчика – как духи шлюхи, которыми она отбивает свой мерзкий запах. Я говорю это как редактор, восхищающийся тем, на что журналисты способны. Но я не смог бы рассказать в этой книге об истинном положении дел, если не был бы свидетелем, и порой весьма обиженным, того, как опытные журналисты из англоязычного мира влюблялись в WikiLeaks, потом нападали на нас исподтишка, даже не моргнув глазом, а затем оправдывали свои поступки статьями и книгами, которые наверняка выставляли их в смешном виде даже в их собственных глазах. Я не таю на них злобы, скорее скорблю, наблюдая, сколь отчаянно они пытаются сохранить хоть какое-то достоинство и как скоропалительно отказываются от своих принципов.

Любой сторонник правого дела, как и я, ценит газету Guardian. Порой мне хочется сравнивать ее с маяком, особенно с тех пор, как она укрепила свое присутствие в Интернете. После событий 11 сентября 2001 года Guardian была единственной правдивой газетой, доступной в Америке. Я всегда восхищался ее стремлением разглядеть мир, а не себя в этом мире. Это редкость, которую не следует принимать как данность. Guardian объявляла охоту на коррумпированных политиков и рассказывала об ужасах войны с таким упорством, которое не забудется даже после той прискорбной продажности, что они проявили в моем деле. Guardian – это, по сути, двенадцать разгневанных мужчин, которые ведут себя столь же достойно и нравственно, сколь (иногда) эгоистично и отвратительно. Это вовсе не секрет, и я всегда радовался тому, чего они добивались в удачные дни. Они казались мне естественными союзниками, но, как заметил Шекспир, нет в природе ничего, что сравнится со свирепыми помыслами союзника.

Когда в 2010 году мы с Guardian стали партнерами по публикации афганских военных архивов, поднялся ужасный шум и гвалт, однако мы сотрудничали и прежде – в 2007 году, когда я предоставил им секретные факты о коррумпированном режиме Даниэля Арапа Мои в Кении. Эта история стала темой нескольких номеров в конце августа и начале сентября 2007 года, и заметки в Guardian произвели огромный эффект в Найроби, где газеты вдруг получили возможность писать о том, что уже давно происходило у них под носом. После ареста рядового Мэннинга стало очевидно, что американские власти будут исходить из априорного утверждения связи между ним и WikiLeaks даже при

отсутствии доказательств, но слежку они за мной при этом установили. Я понял, что небезопасно возвращаться в Австралию, куда я планировал поехать. Честно говоря, приоритетом для меня была даже не личная безопасность – я уже тогда понимал, что спецслужбы всегда будут преследовать меня и рано или поздно так или иначе я попадусь в их ловушку. Меня беспокоила работа WikiLeaks, на которой мы все сосредоточились, подготавливая ряд масштабных публикаций, и я опасался, что мы окажемся в ситуации «публикуй или исчезни». На случай, если мы не сможем продолжать работу, я с самого начала разработал механизм мгновенной публикации всего секретного архива. Но хотелось бы этого избежать и выкладывать документы с особой тщательностью, поскольку каждая информация – а были накоплены гигантские запасы – заслуживала своего скрупулезного исследования и отдельной публикации.

Было очевидно, что следует возвращаться в Европу, поэтому я принял приглашение выступить с лекцией о цензуре в Европейском парламенте. Я полетел туда через Гонконг, избегая Сингапура и Таиланда, правительства которых с большей готовностью выдали бы меня США. (Мне всегда казалось разумным ездить по политическим приглашениям, гарантирующим наличие шумихи в том случае, если вы не доберетесь до пункта назначения.) На мероприятии были несколько членов парламента; наши друзья из Исландии рассказали о законе «Исландская инициатива для современных медиа», подготавливаемом в парламенте в поддержку нашей идее создать открытую гавань для мирового журналистского сообщества. Я говорил о газетах, которым из-за юридических требований все чаще приходится изымать из интернет-архивов материалы журналистских расследований. Там я встретил брюссельского корреспондента Guardian – приветливого парня, весьма внимательно слушавшего меня, – и предупредил его, что у нас готовится ряд публикаций, которые могут заинтересовать газету. Мы распрощались, и вскоре мне написал журналист отдела расследований Guardian, который хотел приехать ко мне из Лондона, чтобы обсудить предложение.

Материалы по Афганистану и Ираку мы всегда предполагали разделить между несколькими крупными СМИ. Это казалось правильным. Ведь речь шла не об отдельных документах и отдельных историях, а о целой массе историй и сотнях тысяч засекреченных документов. Мы решили, что добьемся нужного эффекта лишь в том случае, если материалы будут опубликованы представительным образом, то есть изданиями, способными привлечь собственных аналитиков и профессиональных

журналистов для осмысления фактов. У нас и в помыслах не было заявлять, что мы разобрались в каждом документе, более того, мы даже не имели возможности перечитать всю эту массу секретной информации, именно поэтому нам нужны были газетчики с их опытом работы. Речь шла об архивных отчетах по Афганистану – всего 90 тысяч засекреченных документов и военных документах по Ираку – всего 400 тысяч засекреченных документов. С подобным объемом мы никогда не справились бы в одиночку. Обычно, перед тем как передавать конкретному журналисту или телевизионному ведущему какой-нибудь материал, мы сами его анализировали и писали к нему нужные комментарии. Но с афганскими и иракскими документами ситуация складывалась иначе. Я уже встречался с репортером из New York Times и вступил в переговоры с журналистами из Der Spiegel. Наступила очередь Guardian. Парню из отдела расследований мне пришлось объяснять значимость материала и его источников; советовать, как лучше скомпоновать все документы, чтобы, как мы и обещали читателям, раскрыть всю содержавшуюся в них правду.

Он показался мне немного усталым, как, наверное, и я ему; но вел он себя вполне уверенно и профессионально. Мы разговаривали примерно шесть часов и пришли к общему пониманию относительно важности этих документов и разумности моего решения привлечь еще другие СМИ. Я не притязал ни на первенство, ни на какое-то особое место в этом проекте, меня волновал исключительно сам материал: надежность его источников и достоверность информации – по своему опыту я знал, насколько важен тщательный анализ данных, не менее тщательная охрана информации и сохранение конфиденциальности источников. Потом какой-то умник предположил, будто я сам и был этим источником. Абсурдное заявление. Я только продумал архитектонику всего плана, так как считал себя одним из немногих, кто понимал, как надо такой материал хранить, проверять и распространять. Я также спланировал всю публикацию от начала до конца, чтобы защитить материал и подать его в лучшем виде, и, как бы это ни ущемляло самолюбия моих прежних партнеров, они могли лишь согласиться на мои условия или уйти ни с чем. Я не просил у них ни денег, ни славы, а выдвинул лишь два условия: признать заслугу WikiLeaks в том, что этот проект был предан гласности, и дать читателям возможность сверить газетные публикации с исходными материалами. Конечно, пока мы вели переговоры, каждый партнер заверял меня, что иначе и быть не может. Однако когда они заполучили все материалы, то забыли данные обещания и нарушили все соглашения, при этом не преминув

возвысить собственные заслуги и свести на нет наши – обычная уловка политиканов, и мне следовало ее предвидеть.

Журналист отдела расследований Guardian сказал, что должен обсудить проект с главным редактором газеты Аланом Расбриджером, а тот, в свою очередь, поговорит с главным редактором New York Times Биллом Келлером. После согласований со своим начальством журналист встретился со мной в баре, я написал на салфетке код и передал его. Так он мог получить доступ к зашифрованной версии материалов, которые я отправил ему по открытым каналам. Ключ был у него, и мы обменялись фальшивыми фразами вроде: «Было приятно побеседовать, но, к сожалению, ничего не получится». Так мы сбивали слежку со следа: пусть наши «хвосты» думают, будто ничего передается и вообще никаких материалов по Афганистану нет. Самого журналиста отсутствие эксклюзивности не тревожило, однако его боссов, как он понимал, это заставит задуматься. Мы договорились о следующем: команда WikiLeaks устанавливает дату, до которой выпускать ничего нельзя, и определяет тематическую последовательность публикаций; должны быть жесткие гарантии, что весь материал будет опубликован одновременно всеми газетами – как по юридическим, так и по коммерческим причинам, которые их, вероятно, заботили; каждая газета будет иметь право определять объем и редактирование отобранного для публикаций материала, а журналисты – решать, что именно и как писать; телевидение будет привлекаться в последний момент, но никак не раньше, поскольку сама природа телевизионного производства сделала бы невозможным сохранить подготовку грандиозного проекта в тайне. Таков был мой план, я изложил его, и все перечисленное выше не вызвало никаких возражений – журналист лишь кивнул, еле сдерживая возбуждение. Журналист-исследователь Guardian заслуживает уважения: он вел дело как настоящий профессионал – энергично и стратегически продуманно, понимая, что для обработки такого материала потребуется тщательный план действий.

Для организации работы WikiLeaks над этим масштабным проектом я выбрал Стокгольм. Это было непросто: после «Сопутствующего убийства» на нашу команду оказывалось большое давление, и мне как главному публичному представителю WikiLeaks приходилось все удары принимать на себя, поскольку мои сотрудники от этого все время увиливали. Но мы с журналистом Guardian все же в Стокгольме встретились и продолжили обсуждение общего плана. В этот момент в игру вступил еще один сотрудник Guardian – из отдела новостей. Мы

уже встречались с ним в Осло, где я показал ему предварительную версию багдадской видеозаписи, и он захотел купить ее для своей газеты. Но тогда за мной велась слишком пристальная слежка, и ничего не вышло. Видимо, тот случай в Осло окончательно повлиял на мое решение, что, когда придет время, Guardian сможет стать для нас самым подходящим партнером. Внезапно этот репортер – парень из отдела новостей – взял на себя переговоры от имени Guardian, афганские материалы мы передали ему, и именно он отдал часть документов в газету New York Times, как мы ранее договорились с его коллегой.

Прежде всего нужно понять, *какой* конфиденциальный материал оказался у нас в руках. Примерно 90 тысяч отдельных записей, заносившихся в полевые журналы самими участниками афганской кампании прямо на месте, сразу после каждого столкновения, сражения, теракта или даже отдельного взрыва самодельной бомбы. В итоге мы смогли опубликовать около 75 тысяч этих материалов. В них было полно аббревиатур и военного жаргона. Вот первая строчка одной случайно выбранной записи: «(M) KAF PRT сообщает об обнаружении места размещения ракеты IVO KAP PRT». Журналисты New York Times, слишком торопливые и лишенные воображения, не могли сразу разобрать текста, и потребовалось время, чтобы понять, о чем шла речь, – это непосредственные участники военных действий; статистика потерь; указания места и времени инцидентов; служебные рапорты и многое, многое другое. Работники газеты почувствовали себя обманутыми: в материале нет никаких «историй». Репортер отдела новостей Guardian, человек опытный, пожилой, умевший ловко манипулировать ситуациями и людьми, заявил, что понял, как исправить положение: нужен «подсластитель» – иначе New York Times, как, собственно, и Guardian, выйдет из игры. Думаю, он не «понял», а прекрасно знал, в чем дело: ни американская, ни британская газеты не нашли материал достаточно захватывающим и захотели добавить в пресную овсянку немного сахара, то есть заполучить все тайные документы по Ираку. В ту же секунду следовало бы отказаться от проекта и заметить очевидное: передо мной люди, лишенные порядочности, не сумевшие оценить ни важности самого материала, ни значимости его социального аспекта. В мире полно СМИ, готовых горы свернуть, лишь бы работать вместе с нами над нашими материалами. А эти, выбранные мной, газеты уже на первом этапе, ведя себя крайне придирчиво, стремились использовать нас в своих интересах. Репортером из Guardian руководили не принципы, а желание угодить боссам и возможность нарыть еще одну сенсацию перед уходом на

пенсию. Почему я не увидел корыстного блеска в его глазах и не ушел сразу?

Мы продолжили работу. Я с большой симпатией относился к Guardian, и хотелось верить, что все у нас получится правильно. В этой газете все-таки понимали, с чем имеют дело, и я решил подсластить им материал, хотя мне и не понравилось, *как* меня об этом попросили. Так или иначе, но я передал и им, и New York Times иракские материалы, убеждая себя, что все делается в интересах общего блага, а не ради признания моих заслуг. Мои партнеры-газетчики должны были бросить все силы на анализ и афганских, и иракских документов и довести до конца их публикацию, тогда была бы достигнута наша главная цель: борьба за открытость и свободу информации. Поэтому единственное, что мне оставалось, – работать вместе с ними, чтобы они могли извлечь максимум из нашего материала. Хотя нет, наверное, не единственное – приходилось следить, чтобы они вели себя добросовестно, и вскоре надзор за работой сотрудников газеты стал моим основным занятием. Поистине неприглядная история, и мне жаль, что приходится о ней рассказывать, но мои партнеры первыми пошли на это, причем выступив очень подробно, с довольно грубыми выпадами в мой адрес. Поэтому я продолжу. Могу лишь сказать, что в тот момент находился под самым серьезным в своей жизни давлением. За мной установили постоянную слежку, я жил на чемоданах, спал на каких-то случайных диванах, если вообще удавалось поспать; людей вокруг меня арестовывали. И в таких условиях мне приходилось еще отчаянно бороться, чтобы весь мой проект – этот огромный дредноут – держался на плаву. Я устал. Не всегда мог приспособиться к ситуации. Не всегда соответствовал принятым этическим правилам. Не всегда был любезен. Порой – вовсе отвратителен. Но я считал, что журналисты – люди дела, люди с принципами, а не мелочные слабовольные персонажи, и было тяжело наблюдать, как они опасливо кружат вокруг меня, с какой обидой иногда смотрят, будто я не уделял им достаточного внимания или проявлял себя не с лучшей стороны.

Думаю, моя лучшая сторона – мое дело. Я обеспечил им партнерство и, говоря откровенно, принес им на блюдечке самые громкие сенсационные разоблачения двух современных войн; и не надо забывать, что люди, собиравшие эти факты, вероятно, рисковали жизнью ради того, чтобы мир узнал правду. Когда я приезжал в Лондон, то проводил недели в офисе Guardian в районе Кингс-Кросс. Одно время все шло неплохо: мы сидели в каком-то помещении, напоминавшем бункер, и вроде бы дух сотрудничества брал верх, хотя рабочая атмосфера казалась

стерильной по сравнению с той, в какой работали мы над багдадской записью. Некоторым журналистам, вероятно, мои методы казались странными, но мы разобрались с этим: я учил их вникать в материалы и разбирать тексты. Там трудились разные специалисты, собранные Guardian, постоянно присутствовали люди из New York Times и время от времени приезжали сотрудники Der Spiegel. Иногда я оставался на ночь у кого-нибудь из Guardian. Я все время находился в движении, и нервы были натянуты до предела. Мы все подолгу и до изнурения работали, и я не особенно задумывался об отношениях, поскольку считал, что материал и есть наши отношения. На какое-то время у нас воцарился дух взаимопонимания и радости открытий.

Все это время я настаивал, чтобы сотрудники трех газет – те, кто проводил анализ данных, – делились друг с другом результатами своих исследований. Надо сказать, они соблюдали это условие. Например, один из первых обнаруженных мной сюжетов касался Оперативной группы 373, в которую входили бойцы спецподразделения и военнослужащие спецназа ВМС США, – настоящий эскадрон смерти. Список подозреваемых лиц, ради которых сформировали эту группу, включал две тысячи человек. Такое могут признать оправданным разве что поклонники сериала «Поколение убийц»[46], но в действительности список людей для «поимки или уничтожения» – абсолютно варварский кошмар, совершаемый во внесудебном порядке. Из документов было видно, что люди попадали в него самым произвольным образом, без каких-либо юридических проверок и судебных санкций. Какой-нибудь афганский губернатор мог предложить вашу кандидатуру «на уничтожение» просто потому, что вы ему не нравились, и вот уже вылетал беспилотник, чтобы разбомбить ваш дом. Если анализировать материал внимательно и терпеливо, запись за записью, то обнаруживались и другие свидетельства о деятельности отряда. Вот перед нами документ от 2 мая 2007 года – составлен он перед встречей с заместителем губернатора. Первый пункт повестки встречи – «обсуждение последствий последних операций Оперативной группы 373 и жалоб сельских жителей»; второй пункт – «предоставление помощи району и школе, подвергшимся бомбардировкам». До нашей публикации об Оперативной группе 373 никто ничего не знал. История засекреченной группы появилась на первой полосе Der Spiegel; материал о группе опубликовала и Guardian, но что интересно – это информация из надежных источников, – одним из соавторов статьи Guardian был Эрик Шмитт из New York Times. Вероятно, его собственная газета не набралась смелости, чтобы

опубликовать материал своего журналиста.

Мы все считали, что публикации архивов и статьи на эту тему следует выпускать синхронно, но по тактическим соображениям New York Times должна была сделать это немного ранее. Нам казалось, что такой ход обеспечит лучшую защиту источникам – вряд ли правительство США начнет нападать на уважаемую американскую газету. И, таким образом, New York Times от имени всех участвующих сторон использует свой престиж для достижения наших журналистских целей. Что характерно, я опять заметил какой-то таинственный блеск в глазах своих партнеров: New York Times предпочитала, чтобы первыми на арену вышли мы, опубликовав материалы в WikiLeaks. С их стороны это была лишь стратегическая трусость – характерная черта их работы; впрочем, они, скорее всего, даже не понимали, насколько стремление обезопасить себя укоренилось в их сознании. Журналисты New York Times объясняли свое предложение проявлением осторожности и ответственности. Странно, ведь они так стремились получить свои истории, они неделями работали над ними, но у них не хватило смелости опубликовать эти истории первыми. Убеждая меня пойти в бой первым, они подставляли WikiLeaks под удар, и это было, скорее всего, частью их стратегии: спрячемся за спинами этих придурков и сделаем вид, будто лишь «реагируем» на их странные публикации. Главный редактор Билл Келлер мог надувать щеки до бесконечности, однако это не прибавляло ему смелости, столь необходимой любому журналисту и особенно в такой ситуации. Келлер, испытывавший благоговейный страх перед Пентагоном, напоминал малолетку-зубрилу, привыкшего прятаться за спинами своих более тренированных однокашников и любившего тайком уплетать стянутые из буфета сласти. Хотя, думаю, даже этому юному очкарику стало бы стыдно, соверши он подобное. Сотрудники всех трех газет полностью подготовили материал, их издательские портфели, набитые статьями, уже ждали своего часа. А журналисты New York Times, отнюдь не готовые отвечать за свою роль в нашем партнерстве, метались по своим редакциям, вываливая все бумаги обратно. Так тягостно было наблюдать за всем этим. Петух пропел дважды, и Билл Келлер, чтобы выйти сухим из воды, бесстыдно отрекся от нас, прибавив к этому ряд личных оскорблений.

Отвратительно. Будь на моем месте человек более сведущий, он сумел бы просчитать наперед эти игры газетного мира. Во все времена вопрос «Кто первый?» всегда считался основополагающим в журналистике – главным было успеть выпустить новость раньше всех. Но вот перед нами крупнейшая

газета мира, которая категорически требует для себя «второго места». Трусость Келлера может стать его единственным наследием, ведь эти дипломатические депеши повествовали об ужасных событиях в Афганистане, и более сильный журналист, более достойный редактор с жадностью ухватился бы за такую возможность: добавить веское слово своей газеты к этой страшной правде. Напротив, осторожный Келлер предпочел избежать риска, позволив нам весь удар принять на себя – собственно, как мы всегда поступали и без его участия и готовы поступать так далее. К тому времени я уже был представлен всей читающей публике как нищая старуха-побирушка и потрепанный воняющий придурок – и всё благодаря стараниям главного редактора Билла Келлера, за всю историю газеты самого слабого и более всего о себе пекущегося главного редактора. Бесчестие имеет множество масок, иногда оно облекается в элегантный спортивный пиджак и надевает «старый школьный галстук»[47], прося нас простить его за то, что оно творит, ибо действует исключительно в интересах приличий. История знает других главных редакторов: Бен Брэдли, горой вставший за своих двух репортеровбунтарей во время уотергейтского скандала;

Роберт Уэст и Гобин Стэйр из некоммерческого издательства Beacon Press, готовые отправиться в тюрьму, но не сдать Дэниела Эллсберга, предоставившего им «Бумаги Пентагона», – по сравнению с этими людьми Билл Келлер выглядит моральным пигмеем. Его трусливое поведение, чем бы он ни оправдывал его, по своему воздействию губительнее разлома Сан-Андреас[48]. И, как всегда, наша некоммерческая маленькая молодая веб-компания WikiLeaks осталась в одиночестве.

Случайно это или нет, но, когда пришло время, все утки, которых мы подготавливали к делу месяцами, принялись корыстолюбиво крякать. За тридцать шесть часов до публикации я согласился на то, что служба новостей канала Channel 4 пришлет в Guardian своего журналиста и в 21.30 он начнет прямую интернет-трансляцию с рассказом о нашем проекте, а в 22.30 сюжет попадет в поздний выпуск новостей. Но Guardian вдруг начала выводить собственную мелодию. И вместо торжественного хорала «Всё исключительно в интересах общества» зазвучало пошлое: «А как же наши исключительные права?! Наши заслуги?!» Сотрудники телевидения были не просто тележурналистами, ими руководил Стивен Грей, журналист с колоссальным опытом, автор весьма авторитетной книги об Афганистане; руководство Guardian очень хотело, чтобы он работал на газету. Мы никогда не собирались привлекать Грея к нашему проекту, однако потом Guardian стала утверждать, что

мы пригласили его как их конкурента. Полная чушь, и непонятно, почему ситуация с тележурналистом так уязвила Guardian. Они встали в позу, что это, мол, их кусок пирога и их заслуга. На мой взгляд, совершенно недостойное поведение, которое и удивляло, и тревожило: ведь взаимоотношения с газетой и особенно с журналистом из отдела расследований строились на очень позитивной идее, все понимали, что публикация наших секретных материалов чрезвычайно важна для общества. И вот наступил момент, когда и Guardian начала всем сообщать, что со мной невыносимо трудно работать и как я ставил палки в колеса. Однако мы знаем и любим ведущую либеральную газету Британии, и я уверен, что ни жалкий обман, на который она иногда идет, ни гневное шипение, которое она иногда испускает, не испортят в глазах читателей ее репутации.

Несмотря ни на что, результаты общего труда впечатляли. Семнадцать полос в Der Spiegel, еще тринадцать – в Guardian и восемь – в New York Times. Реакция была мгновенной и масштабной: каждое из этих изданий впервые за долгое время оказалось в авангарде дискуссий о реальной природе современной войны. Я сразу стал необычайно модной персоной, и меня закрутил водоворот событий и встреч; я как-то старался справляться со своей популярностью, придерживался плана, все время говорил о наших документах и все это время привлекал внимание к более общим вопросам о свободе прессы. Однако всегда заметно, когда твои коллеги, партнеры, с которыми ты работаешь, жаждут большего, чем всего лишь отстаивать принципы свободы. Люди из Guardian не могли удержаться от болтовни на званых ужинах, особенно репортер из отдела новостей, все время пытавшийся рассказать окружающим, «как мы это делали». Я не думаю, чтобы он отдавал себе отчет, насколько это опасно, парень всего лишь пытался самоутвердиться в глазах коллег. Вероятно, поэтому он сболтнул New York Times о засекреченных депешах, которыми мы располагали. Но кто его тянул за язык, когда он рассказывал, в каких домах я могу останавливаться? Он хвастался, что я жил у него в доме и в доме еще одного репортера, не понимая, какая это опасная информация.

Как только мои партнеры получили все, за чем пришли, стало ясно, что солнце покидает нашу поляну. Сперва они сдерживали себя, поскольку осознавали, что депеши – в их интересах, и мне это было очевидно – как говорил Оруэлл, все проявляется в языке. И Guardian, и New York Times все активнее пытались представить меня как хакера, как нестабильный источник, но тем самым они лишь демонстрировали собственную тревогу. Нужно всегда

с осторожностью судить о мотивах других людей, ведь этим ты выдаешь свои собственные. Тупое стремление распять меня и WikiLeaks было для этих руководителей газет лишь способом защитить себя от дальнейших преследований и приписать себе побольше заслуг. Даже дети ведут себя под давлением более достойно. Возможно, я довольно часто оказывался зарвавшимся тираном – сказывались и постоянная слежка, и издерганность, и груз контроля над всем проектом, и газетчики должны были понимать, почему так происходит. Вместо этого они вступили со мной в войну и совершенно забыли, с кем на самом деле борются.

В этой истории был и очень личный аспект. Когда переговоры вели я и журналист отдела расследований, все шло хорошо. В Брюсселе, Стокгольме, а потом и в Лондоне мы были друзьями, и мне казалось, что между нами возникает духовная близость. Его в каком-то смысле увлек мой идеализм, и вдруг ни с того ни сего он повел себя как-то возбужденно и довольно злобно; словно одурманенный, повторял, что основную работу проделал он и вообще идея проекта принадлежит ему. Я понимал, для него это вопрос чести в отношениях с коллегами. Мне не было особого дела, кому какие фанфары достанутся, но двенадцать разгневанных мужчин не вникали в факты. Они были поглощены собой, своим положением, своей карьерой, что вполне объяснимо с человеческой точки зрения, но сильно мешало нашей работе.

Реальная проверка журналистского мужества – это отношение к контратаке. Ты всегда ее ждешь. В ночь «Большого слива» некоторые рвались к шампанскому, но я думал: «Придержите лучше лошадей. Стоит ждать неприятностей, и скоро Белый дом и Пентагон возьмутся за нас». Взялись. В первую очередь они заявили, что наш материал не имеет особого значения. «Для тех, кто внимательно следит за событиями, в этих публикациях не много нового», – заявил первый (анонимный) официальный писака-наемник в Washington Post. Это стандартная реакция. А следующая волна заметок во главе с конкурентом Руперта Мердока, британской Times, утверждала, что наши публикации уже привели к гибели талиба-перебежчика. Потом выяснилось, что названный ими человек погиб двумя годами ранее. Но как только появилась первая критика, журналисты Guardian запаниковали.

Теперь, оглядываясь назад, я не могу придраться к работе, которую взяла на себя Guardian при подготовке публикации. Это был прекрасный труд, в лучших традициях газеты; на мой взгляд, заместитель главного редактора Йэн Кац и редактор Харолд Фрайман сделали все, чтобы сложный рабочий процесс проходил стабильно и ответственно. Журналист из отдела новостей,

конечно, постарался свести на нет мое легковерие, рассказав, что некоторые сотрудники Guardian попросили надбавку за вредность на основании того, что за ними следят. Я много лет работал с репортерами по всему миру, но ни разу не встречал журналистский коллектив, в котором перед лицом угрозы демонстрировалось бы так мало хладнокровия; при работе с людьми, не совсем похожими на них, проявлялось бы так мало уверенности и при решении вопросов элементарной безопасности имелось бы так мало опыта. Когда Алан Расбриджер позвонил Биллу Келлеру и спросил, знает ли тот, как организовать защищенную телефонную линию, вопрос, как оказалось, был не по адресу. Келлер даже не представлял, как это делается. И несмотря на попытки некоторых журналистов получать удовольствие от интересной работы в сотрудничестве с нами, несмотря на их самоотверженный труд, в коллективе оставалось двенадцать разгневанных мужчин, ни на секунду не забывающих о собственных карьерных интересах и постоянно привлекающих к себе внимание, хотя, безусловно, я все равно был, даже для них, пусть мнимым, пусть номинальным, но руководителем проекта.

Мне казалось, что у меня есть четкая стратегия: в первую очередь обработать архивы афганской войны и во вторую – заняться иракскими материалами. Афганский архив не был столь объемным, и на нем мне хотелось обкатать схему совместной работы WikiLeaks с медиапартнерами: понять, сможем ли мы вместе выстроить правильную систему анализа данных и публикации документов; сможем ли обучить журналистов, редакторов и дизайнеров работе с таким материалом. И уже пройдя этот первый этап, мы могли бы приступить к более сложной работе – анализу и обработке сотен тысяч документов из Ирака. Как я уже говорил, обе ведущие главные газеты попросили у меня иракские материалы в качестве подсластителя; они требовали их с такой истовостью, что это внушало определенные надежды: партнеры явно готовы выложиться до конца и бросить все профессиональные силы, чтобы представить иракские документы публике. Но, бывает, я мыслю очень узко и сосредоточиваюсь лишь на одной цели. Была уверенность, что в течение следующих трех недель произойдет новый большой прорыв. Я не учел одного: насколько сильна журналистская пресыщенность. Ирак был для них не столь возбуждающей темой, как текущая война в Афганистане. Я полагал, что, приобретя огромный опыт в обработке афганского архива, сотрудники газет сумеют провести еще более качественную работу с иракскими материалами. Оказалось, они выдохлись, и многие тут же уехали в отпуск. Конечно, нельзя винить людей за желание отдохнуть

после изнуряющей работы. Но у меня было твердое чувство, что и энергия куда-то исчезла. Они уже не могли проделать столь же блестящую работу с новым материалом, но и отдавать его другим журналистам тоже не хотели. Мы зашли в тупик.

Со временем наши разногласия приобрели более угрюмую тональность, особенно с New York Times. Билл Келлер везде называл меня не иначе как «источник», что, кстати, не предвещало ничего хорошего не только мне, но и любому, кто в будущем захотел бы стать информатором New York Times. Прежде было вопросом чести – не говоря уже о журналистском здравом смысле и правовой стороне дела – не только защищать свои источники, но и присматривать за каждым их шагом. И по сей день многие журналисты по всему миру пойдут в тюрьму, но защитят своих информаторов. Отношение Билла Келлера к «источнику» было настолько агрессивным и лишенным благородства, что позорит его самого и должно смущать его бывших коллег. В каком же мире, спросите вы, допустимо подобное: тесно работать с «источником»; организовать вместе с ним международный консорциум; получить из рук «источника» материалы для публикации, ставшей главной историей года; но по окончании вечеринки пнуть этот «источник» ногой, позволив себе обидные выпады наподобие «от него пахло, будто он много дней не мылся». Впрочем, его правда: на той неделе я не слишком часто гляделся в зеркало ванной и три дня подряд вообще не ложился, готовя материал, который его газета вскоре выплеснула под своим знаменитым лозунгом «Все новости, достойные печати». Еще более омерзительным, если не сказать патологическим, было решение Келлера выставить меня этаким героем трилогии Стига Ларссона: не то хакер, не то конспиролог, не то маньяк, для которого «секс – и отдых, и насилие».

Дамы и господа, последнее утверждение подпадает под статью. Это злонамеренная клевета, и каким бы диким это ни казалось, нацеленная на то, чтобы нанести максимальный вред человеку, столкнувшемуся с обвинениями в сексуальном насилии. Когда Келлер писал и публиковал эти слова, он должен был знать, что они представляют собой чудовищное словесное нападение, напрямую затрагивающее мои личные интересы, мое правовое положение и мою репутацию. И все же он это сделал. Я никогда не пойму почему – и даже не собираюсь спекулировать на эту тему. Я лишь хочу продемонстрировать на этом примере, чтобы вы увидели, как организована их работа, как функционирует их система, во главе которой стоят такие люди, и как эта система способна разрушить дело, которое они на время объявили «предметом своей любви». Полная низости инсинуация

Келлера – статья длиной в восемь тысяч слов – содержит массу подобных софизмов. Пусть мой пассаж послужит ответом на ересь Келлера. Я лишь утомлю себя и вас, а также суд, если до него дойдет дело, пытаясь реагировать на каждое его измышление. Трудно признать, что эта статья вышла из-под пера здравомыслящего и ответственного человека. И вообще реально живущего человека. Похоже, ее писал литературный персонаж – якобы совестливый, вполне себе косный и, скорее всего, латентный социопат, готовый на все, чтобы возвеличить себя в глазах ничего не подозревающей публики. «А если все-таки он реальный человек, а не персонаж? – спросите вы. – Что же он такое?» Постараюсь ответить: какой-нибудь архидьякон, совсем отчаявшийся и, безусловно, мелочный, проведший ночь на улице и, перефразируя Оскара Уайльда, «спавший с пантерами», а потом прибывший утром в офис, чтобы издать суровый эдикт против этих пантер. Молодые сотрудники газеты вправе залиться краской стыда, наблюдая подобные приемы работы своего главного редактора, а главное, видя, как быстро мистер Келлер превращается из партнера, жаждущего сенсаций, в неблагодарного мстителя – за считаные секунды, которые нужны, чтобы набрать номер Белого дома.

Любой нормальный человек поймет, как легко поддаться самообману: что-то в тебе сопротивляется признать очевидное, сказать себе, что окончательно уничтожены многообещающие рабочие отношения. Конечно, они были уничтожены, но в то время я все еще пытался, как бы неумело это ни выходило, сохранить наш союз для работы над еще не опубликованными документами. Как всегда, все мысли были сосредоточены на деле, мне казалось жизненно важным опубликовать иракский материал, открыть его для исследователей и читателей. Я ввязался в эту игру не для того, чтобы держать засекреченные архивы при себе. Их следовало публиковать, но постепенно, чтобы они произвели именно тот эффект, который должны были произвести. На практике мы все лишь вяло ковырялись в них, и параллельно я работал с тележурналистами над парой документальных фильмов, чтобы интерес публики не угас.

В следующие несколько недель отношения с газетами стали еще более взрывоопасными – я к этому обязательно вернусь. Но давайте не будем забывать и о самих утечках информации. Афганские и иракские военные архивы – важный исторический документ, и никакие распри недовольных племен не могут умалить их значения. В некотором отношении они стали кульминацией многолетних размышлений – моих и моих коллег – о том, как раскрыть секретные миры, которые во многом

определяют нашу жизнь и нашу международную политику. Для кого-то эта масштабная публикация оказалась лишь еще одной скоротечной историей. Но этим документам обеспечена долгая жизнь, пока все мы интересуемся превратностями человеческих конфликтов. Давайте обратимся к этим конфликтам и посмотрим, что же они такое, прежде чем вернуться к возмутительной мыльной опере, название которой «Современные средства массовой информации».

13. Кровь

Командующий силами США в Афганистане генерал-майор Кэмпбелл сказал 28 июля 2010 года, что, «когда бы ни произошла утечка засекреченных материалов, теперь в любой день она может ударить по всем военным и штатским, находящихся в зоне военных действий». Правда, Кэмпбелл признал, что не читал ни одного из опубликованных нами документов. На следующий день министр обороны Роберт Гейтс и адмирал Майк Маллен выступили на пресс-конференции в Пентагоне, раскручивая это стратегическое мифотворчество. «Господин Ассанж может говорить что угодно о высшем благе, которое, по его мнению, творят он и его источники, – сказал Маллен, – но правда в том, что на их руках, возможно, уже есть кровь молодых солдат и мирных афганских жителей».

Представитель прессы задал им вопрос. Приведем ответы.

> Пресса. Адмирал Маллен, вы сказали, что руки у основателя WikiLeaks могут быть в крови. Вам известно о людях, погибших из-за этой информации?
>
> Маллен. Они все еще… что меня беспокоит в этом – это то, что, мне кажется, люди, не вовлеченные в такие военные действия, которые раскрывают такого рода информацию, не могут… с моей точки зрения… не могут оценить, как такого рода информация в установленном порядке передается по засекреченным каналам, которые мы для этого специально используем. И очень сложно, если вы не занимаетесь этим и не понимаете этого, понять влияние и конкретно потенциал, который есть… который возникает в плане угрозы жизни наших солдат и моряков, летного состава и морских пехотинцев, а также бойцов коалиционных сил… как и афганских граждан. И на мой взгляд, в этом нет сомнений.
>
> Гейтс. Я бы хотел добавить… я добавлю еще одно. Важно помнить, что это огромный объем сырых данных… Здесь нет никакой прозрачности. Нет чувства ответственности. Их просто выбросили: бери кто хочет, и к черту последствия.
>
> Пресса. При всем уважении, вы не ответили на мой вопрос.

В считаные часы после этих заявлений фраза «У Джулиана Ассанжа руки в крови» была у каждого на языке. Если вы введете

в Google слова Assange и blood, то уже по количеству найденных ссылок увидите, что мое имя (по крайней мере в сознании представителей СМИ) ассоциируется со словами «руки в крови» более тесно, чем имена Ричарда Никсона, Сухарто и Понтия Пилата порознь и вкупе. Вот так работает современный мир коммуникаций. В отсутствие каких-либо доказательств, что наши попытки довести до людей истину об этой войне привели к человеческим жертвам, меня уже окрестили человеком «с кровью на руках». Это одно из заявлений, какие любят безответственные люди, оно широко распространено, но не имеет никаких оснований. И самое зловещее то, как его подхватили другие комментаторы: они не только заявляли об этом как о доказанном факте, но и считали, что это точная формулировка изначального заявления. Но ни то, ни другое неверно. Посмотрите снова на слова адмирала Маллена. Он сказал: «На их руках, возможно, уже есть кровь…» Слова «их» и «возможно» быстро вырезаются нашими очень массовыми медиа, и внезапно оказывается, что «у Джулиана Ассанжа руки в крови». Таким образом первоначальная неправда порождает еще более явную неправду, пока в конце концов людей не принудят без всяких возражений принять не просто вымысел, но вымысел на базе прошлого вымысла.

Мы настолько привыкли к этим процедурам, что считаем их совершенно нормальными. Хотя они чудовищны. Если я захотел бы, я мог бы целыми днями развеивать вымыслы и врагов, и друзей. Выходит, что никто – ни из врагов, ни из друзей – не способен противостоять отравляющей силе лжи. Конечно, это не только моя проблема. И я начинаю испытывать сочувствие ко всем людям, которые по своей глупости или в силу тщеславия вообразили, будто на виду у публики можно жить спокойной, полноценной жизнью. Эта битва проиграна изначально. Ты вынужден жить как диккенсовские жалкие клерки, погрязшие в крючкотворстве, при этом доказательства могут накапливаться и множиться, но вероятность, что тебе будет вынесен справедливый вердикт или что этот вердикт будет услышан, равна нулю. Такова моя жизнь сейчас, и я рассказываю вам о ней без всяких всхлипов. Все, что тебе остается, – прояснить факты и вновь забыться в своем деле во имя чего-то высшего.

Моя работа, если не считать беспощадной борьбы с банками, во многом касалась изобличения случаев кровопролития в современных войнах и вторжениях, поддержанных теми или иными государствами. Это колоссальная задача, и в конечном счете ее может выполнить до конца лишь общественность. Мы не публикуем сенсации, мы доставляем информацию, а вникнуть

в эти данные и понять, что они значат, – задача отдельных людей, ученых, журналистов и адвокатов. И на это уйдет много лет. Наша совместная работа с газетами должна была стать толчком к этому: мы представили публике огромное количество материала. Так что же получается? Кровь обнаружена на наших руках и, наверное, на руках любопытствующей публики, а не на руках генералов и правителей, ведущих эти войны? Это вопрос для прозорливых умов. Я лишь скажу, что афганские и иракские архивы не могут принадлежать лишь армиям будущих победителей или злым диктаторам. Это не их собственность, это кирпичик в общечеловеческом доме. Может, Гейтсу и другим чиновникам и не нравится, что им не принадлежит эта реальность, но они и вправду не могут ею владеть, если только они и их напарники не хотят, чтобы современники и потомки называли их Большим Братом. Когда министра обороны Гейтса вынудили сказать правду, в письме сенату две недели спустя, 16 августа 2010 года, он проинформировал парламентариев, что «на данный момент, как показал анализ, от этого разглашения никакие источники разведывательной информации не пострадали и никакие разведывательные операции не раскрыты». Связь, которая предполагалась между мной и выражением «кровь на руках», оказалась фальшивой – по признанию самих авторов этих заявлений.

Если оставить в покое попытки увести всех по ложному следу и оклеветать меня, то эти архивы вносят важнейший вклад в понимание современного ведения войны. Они демонстрируют нам, как разворачивались реальные события на поле боя и как военные или СМИ преуменьшают значимость этих событий. В их сообщениях жертвы среди гражданского населения раз за разом занижаются или вовсе игнорируются. Но, как мне кажется, было бы правильно и нравственно – я сказал бы, это моральный долг каждого – изучить реальные полевые отчеты и сравнить их с тем, что говорится потом. Слишком часто убивают невинных людей, и никто этого не признает. Я уже приводил жуткий пример, когда военные, заподозрив, что в здании скрываются лидеры «Талибана», разбомбили этот дом, который, как выяснилось, был школой; во время той бомбежки погибли дети. Всю правду об этом случае можно было почерпнуть только из наших архивов. И я унесу с собой в могилу уверенность, что такая информация представляет чрезвычайный общественный интерес.

Приведу пример из иракских документов. В ноябре 2005 года морская пехота США начала операцию «Стальной занавес» в городе Хусайба и его окрестностях (это возле границы с Сирией). После семнадцатидневных боев Пентагон выпустил

пресс-релиз, озаглавленный «Операция „Стальной занавес“ в районе границы Ирака и Сирии завершена». Можете проверить, он все еще висит на сайте Министерства обороны. После краткого изложения задач операции отмечается: «Официальные лица сообщают о гибели 10 морских пехотинцев в бою в ходе операции „Стальной занавес“. В общей сложности во время операции было уничтожено 139 террористов и задержано 256 террористов». В документе ничего не говорилось о жертвах среди гражданского населения. Этот пресс-релиз датирован 22 ноября 2005 года. А теперь поглядите на запись от 11 ноября 2005 года из иракских архивов, которая есть на нашем сайте: «<Патруль>, организованный в поддержку „Стального занавеса“, сообщил об обнаружении тел представителей гражданского населения, захороненных в трех (3) отдельных местах в Хусайбе. В <первом из них> были извлечены тела трех (3) женщин, трех (3) мужчин и одного (1) ребенка. Во <втором> были извлечены тела семерых (7) женщин и десяти (10) детей. В [третьем] было невозможно извлечь тело одного (1) ребенка… Соседи опознали все останки, и отец опознал останки ребенка, тело которого было невозможно извлечь. Все погибшие были обнаружены в зонах наступательных действий воздушного транспорта коалиционных сил 7 ноября 2005 года».

Нужно избегать собственных интерпретаций и позволить фактам говорить самим за себя. Журналистам было все сложнее действовать так, и в том числе поэтому столь болезненным стал вопрос об обработке информации. Нужно помнить, что WikiLeaks учился всему на ходу, и я уверен, что со временем мы стали работать лучше, особенно стали лучше обрабатывать начальные записи. Объемы информации были гигантскими, и, возможно, нам сперва не удавалось по-настоящему тщательно их редактировать, но мнимое беспокойство правительства США по поводу чисто гипотетического и недоказанного риска – это лишь нечестная попытка отвлечь общественность от реальной правды об афганской войне, раскрытой в наших документах.

Примерно тогда же вышла еще одна заметка, вводящая в заблуждение читателей. По словам ее автора, якобы я заявил, что мы не должны нести ответственности за жизнь и здоровье информаторов и что «они заслужили смерть». Это просто абсурдно. Я тогда сказал, что некоторые придерживаются такой точки зрения, но что мы сами при возможности будем редактировать документы, чтобы не подвергать людей неприятностям, при этом сохраняя суть события.

В ходе публикации архивов я понимал, что необходимость редактуры не должна быть оправданием для цензуры. Как мы

видели в случае с министром обороны Гейтсом, заинтересованные стороны, то есть правительства западных стран, зачастую апеллируют к теме редактуры – или к липовой теме «крови на руках», – чтобы оправдать свое желание хранить документы в полной секретности. Вопреки требованиям ситуации, по сути, они требуют цензуры по политическим мотивам. И мое нежелание участвовать в этой пропагандистской войне привело к тому, что меня окрестили противником какой-либо редактуры. На самом же деле мы усердно редактировали документы с самого начала. Естественно, мы не были столь щепетильны, как правительства или тем более как Guardian и New York Times, но мы, как мне кажется, действовали благоразумно, и на данный момент никто не пострадал в результате наших публикаций.

Хотя мои взгляды с тех пор не поменялись, я еще перед публикацией материалов по Ираку предвидел, что миф о безрассудности WikiLeaks повредит нашей организации и нашей будущей работе. Если вы пытаетесь добиться чего-то действительно значительного, иногда следует учитывать требования момента, и поэтому я решил отредактировать иракские архивы куда более тщательно, чем все наши предыдущие публикации. Поскольку мы не имели собственных ресурсов для такой редактуры, а наши партнеры из СМИ отказывались помогать в этом, опасаясь брать на себя ответственность, мы написали программу, автоматически удалявшую из документов все имена и прочую идентифицирующую информацию. Я понимаю, что некоторые бездумно осудят меня за такие слова, но все же я считаю, что иракские материалы мы редактировали слишком серьезно. После того как эти материалы подтвердили, что американские военные были замешаны в пытках сотен иракских заключенных, произведенных местными ополченцами, Министерство обороны Дании решило расследовать действия своих собственных войск. Сперва они обратились в Пентагон и попросили полную версию тех записей, которые касались датских солдат. Пентагон тут же категорически отказал им, и тогда датчане попросили материал у нас. Мы его предоставили. Хотя некоторые люди отказываются это понимать, открытое правление имеет место лишь тогда, когда это реальная, практическая ценность, а не пустое упражнение в брендинге, и мое отношение к редактуре окрашено этими обстоятельствами.

Нам пришлось готовить иракские записи в атмосфере некоторой истерии, вызванной последствиями предыдущих сливов. Как я уже сказал, наши партнеры из газет трудились вяло,

и их слегка потряс масштаб реакции на нашу предыдущую работу. Я уже видел такую ситуацию в СМИ: они жаждут больших новостей, но не способны справиться с общим напряжением, к которому приводят их действия. В основном журналисты – обычные парни, представители среднего класса; им хочется пойти домой к жене, обсудить будущую школу своих детей, а тут вдруг в их жизнь врывается слежка и даже судебное преследование. Большинство из них не готовы к подобным испытаниям просто в силу своего характера, поэтому и не способны справиться с новыми для них обстоятельствами. Однако иракские материалы были невероятно важны, и мне пришлось выдержать настоящую битву – особенно после шведских «сексуальных обвинений», – чтобы призвать партнеров к соблюдению обязательств и поддержанию своей репутации. Я уже видел признаки того, что им не хочется эти обязательства соблюдать. WikiLeaks начал готовить совместную пресс-конференцию, на которой мы должны были представить новые материалы. Мы пригласили к участию организацию «Бюро журналистских расследований», сотрудники которой тоже нервничали, а также участников проекта «Подсчет убитых в Ираке» и многих других, в том числе наших медиапартнеров. Колокольчик предупредительно звякнул – с предательством зачастую приходит не изумление, а узнавание, – когда журналист отдела новостей Guardian сообщил моей помощнице Саре Харрисон, что газета не хочет, чтобы ее представляли в качестве нашего партнера. Он попросил не размещать логотип Guardian на плакате, который мы хотели повесить на задней стене зала, за президиумом. Он добавил, что сам придет на мероприятие, но только как рядовой журналист.

Колокольчик уже не звякал, а звонил, настойчиво предупреждая: вот он, поджав хвост, заявляет, будто забрался на колокольню лишь для того, чтобы получше разглядеть идущего по улице человека. Журналист предупредил нас, что у New York Times и Der Spiegel аналогичное мнение: никаких логотипов, никаких «партнеров». Мы арендовали отель Riverbank неподалеку от моста Воксхолл в Лондоне, туда пришли сотни журналистов. Я привез из Штатов Дэниела Эллсберга, который сел вместе со мной в президиуме. Мы изложили информацию, а после этого дали кучу интервью. Несмотря на множество поводов для раздражения, которые по-настоящему взбесили нас лишь позже, мы подошли к публикации иракских документов с такой тщательностью, на которую были способны только мы. Нам казалось очень важным привлечь неправительственную организацию, поэтому как нельзя кстати оказалось внимание, проявленное к нам создателями «Подсчета убитых в Ираке», они

с самого начала войны поразительно тщательно изучали жертвы среди мирного населения и выступали, опираясь на моральные принципы. Эти ребята помогли нам с автоматической системой редактуры для 400 тысяч документов. Правильным решением было также привлечь Le Monde, поскольку Франция в 2003 году отказалась от участия в этой войне и в результате пострадала. Сотрудничала с нами и испанская ежедневная газета El País. «Бюро журналистских расследований» из Лондона помогло нам подготовить документальные фильмы об иракских архивах для Channel 4 и «Аль-Джазиры». Мы и наши новые партнеры понимали: наши документы подкрепят общественное мнение, что война в Ираке – это катастрофа и угроза открытости. Американцы уже стали покидать Ирак, а многие западные страны вывели оттуда своих солдат годом ранее, и это открыло неправительственным организациям вроде «Репортеров без границ», «Международной амнистии» и хельсинкской группе «На страже прав человека» (Human Rights Watch) возможность изучать материалы и уже начать делать выводы на их основе.

Документы эти состояли из докладов американских солдат в Ираке о любых инцидентах, которые они считали достойными внимания. Там были все подробности: точное место, время, участвовавшие в инциденте подразделения, число убитых, раненых и задержанных, статус жертв – американских солдат, участников союзных сил, иракских войск, повстанцев, гражданских. Короче говоря, это была самая значительная и детализированная история войны – и не только иракской, а войны вообще.

Благодаря иракскому архиву были видны все проблемы войны как на уровне поминутных полевых отчетов, так и в целом, на уровне общей картины. Просматривая документы вместе с нашими партнерами-правозащитниками, мы обнаружили 15 тысяч жертв среди местного населения, о которых раньше никогда не сообщалось. Современная война – это не доведенные до совершенства, представляющие чудо новейших технологий орудия сверхъестественной точности. Пентагон усиленно стремится заставить нас всех поверить в эту сказку. Нет, современная война – все то же традиционное месиво крови, средоточие трагедий и несправедливости. Самолет-беспилотник можно очень точно навести на любой дом, но он не способен проверить, кто там внутри или кто только что вернулся из школы.

Иракские документы – а еще многие из них ждут пристального анализа – разоблачают опыт нарушений прав человека со стороны американцев, равно как и печальное состояние Ирака под властью Саддама. Когда-нибудь историки

смогут сложить в одну картину поразительные детали повседневных жестокостей, из которых состояла та война, и наши публикации станут для них главным источником. Я гордился работой WikiLeaks, благодаря которой это стало возможно. Я позвонил матери в Австралию. Мы с ней часто разговаривали, но в тот момент было особенно здорово заглянуть туда, где все для меня началось.

Затем Ларри Кинг захотел взять интервью у меня и Дэниела Эллсберга. Предполагалось, что я расскажу о дневниках иракской войны, а Дэн – обо всей этой ситуации в исторической перспективе. Нам нужно было приехать в два часа ночи в международную студию CNN в Лондоне, чтобы выйти в эфир одновременно с Ларри Кингом в Нью-Йорке, и, ожидая этого времени, мы смотрели начало его передачи. Среди гостей оказалась бывшая подружка судьи Верховного суда Кларенса Томаса, поделившаяся очень нельстивыми воспоминаниями о времени, когда они встречались. Больше всего ее поражал карьеризм судьи, и она поделилась с Кингом своим возмущением: «Представляете, однажды он отправился давать интервью в два часа ночи!» Мы с Дэном переглянулись, посмотрели на часы и рассмеялись.

Все это время мысли об одном жизненном обстоятельстве очень тяготили и ум, и душу. И не только мой ум и душу, а всех, с кем мы работали. В тот момент именно эта тема больше всего занимала меня, и хотя мы продолжали выпускать материалы, заниматься какими-то другими делами на WikiLeaks, не прекращали публикации ни на один день, – именно шведское дело способствовало интересу СМИ к каждому нашему шагу, подпитывало волну бешеных спекуляций и дурных мнений обо мне и в конечном счете привело меня в тюрьму. До сих пор я держал свое мнение об этом при себе. Сама степень глубины злого умысла и беспринципности – что на самом деле породили дело против меня – не дает мне удержаться от гнева при рассказе о нем. Но я хочу проявить как можно больше понимания. Мои враги, которых внезапно стало очень много, отказывали мне в такой терпимости, и хотя я и не смогу одолеть их, я наверняка вправе не следовать их примеру.

В Швецию я отправился в августе 2010 года, когда обвинения Пентагона все еще стучали у меня в висках. Джефф Морелл, пресс-секретарь, выступил на брифинге и намекнул, что у WikiLeaks и конкретно у меня есть поводы для беспокойства: «Если действовать достойно – для них недостаточно хорошо, то мы выясним, какие у нас есть альтернативы, чтобы принудить их действовать достойно. Давайте на этом и остановимся». Когда на

той же пресс-конференции Морелла спросили, будет ли подвергнут такому же принуждению наш партнер New York Times, он ответил: «Я не в курсе того, что New York Times считает себя их партнером… Я не в курсе того, обладают ли этими документами New York Times или другие издания». Яркая демонстрация исключительного единодушия Пентагона и Билла Келлера: пусть вся вина падет на WikiLeaks, пусть он горит синим пламенем, а медиапартнеры, опубликовавшие тот же самый материал, приобретают чудесный иммунитет от тех же драконовских законов. Поклонники Первой поправки вряд ли одобрили бы такое отношение к закону, однако слова Морелла доказывали, что «некоторые равнее других» и их права на свободу слова тоже резко отличаются от прав других. WikiLeaks вдруг стал шпионом, в отличие от газет – наших партнеров WikiLeaks не был компанией, к которой надо относиться как к издателю. И это абсурдное утверждение на глазах превращалось в прямую угрозу.

В то же время стало известно, что в Пентагоне создается рабочая группа из девяноста, а затем и ста двадцати человек, сосредоточенная исключительно на WikiLeaks и функционирующая круглосуточно семь дней в неделю. В группу входили также сотрудники ФБР и разведывательного управления Минобороны. Котелок закипел, и ряд американских политиков призвали устранить меня. Сара Пэйлин заявила, что меня нужно преследовать как собаку, а одна газета даже опубликовала иллюстрацию: я с нарисованной на лице мишенью.

Я не отказался от идеи найти тихую гавань, где мы могли бы заниматься своим делом в мире. Мне казалось, что один из вариантов – это Швеция. Она считалась независимой либеральной страной, закон о свободе информации был принят там еще в 1780х годах, а в конституции есть специальный длинный раздел, посвященный свободе прессы. Источники в Швеции защищены лучше, чем в большинстве стран мира: там действует право на анонимность и санкции для журналистов, пообещавших защиту людям, поделившимся с ними информацией в частном порядке, и не выполнивших это обещание. Чтобы получить защиту от предварительных запретов на публикацию чего-либо, необходимо иметь сертификат издателя и работать под началом официально зарегистрированного, ответственного редактора. Имея это в виду, я и отправился в Швецию, надеясь получить такой сертификат и в дальнейшем стать аккредитованным редактором. Для этого нужно иметь определенный доход, так что я согласился стать автором Expressen, крупнейшей шведской газеты.

Я надеялся, что мы сможем открыть журналистский филиал

WikiLeaks в Стокгольме и начнем двигаться к этой модели. Таким образом, Швеция в тот момент представлялась мне и рабочей средой, и возможной безопасной гаванью; поэтому то, что случилось потом, имеет особенно горький привкус. Перед поездкой я, как обычно, договорился о приглашении выступить с лекцией; на этот раз меня пригласила политическая организация, известная как «Братство» – часть Христианско-социалистической демократической партии. Я приехал туда 11 августа. И сразу после прибытия один из наших источников в одной из западных разведок сообщил мне новости, подтверждающие то, на что уже намекала пресс-служба Пентагона. От него я узнал, что правительство США в частном порядке признало, будто меня будет трудно привлечь к ответственности, но уже обсуждает возможность «разобраться с тобой нелегально», как выразился мой источник. Далее он объяснил, что это означает: они будут собирать свидетельства об информации, каковой мы располагаем; любыми средствами откапывать какую-либо связь между рядовым Мэннингом и WikiLeaks; а если из этого ничего не выйдет, то могут подбросить наркотики, найти детскую порнографию в моих компьютерах или, наконец, впутать меня в дело об аморальном поведении.

Суть была в том, что физически мне ничего не угрожало. Я рассказал об этом Франку Ригеру, нашему сторонникуу в Берлине, а также техническому директору компании CryptoPhone, которая выпускает телефоны для надежной шифрованной связи, и он ответил, что подготовит пресс-релиз с этой информацией. Затем он прислал мне текст, и я собирался его отредактировать. Я планировал распространить релиз как можно быстрее, поскольку публиковать такие заявления, когда вред уже причинен или незаконный материал подброшен, нет никакого смысла. Я до сих пор сожалею, что не разослал его сразу же. В тот же день моя австралийская банковская карточка вдруг оказалась недействительной. Я вел себя чрезвычайно осторожно, даже мобильные телефоны включал лишь для получения сообщений. В общем, ситуация выглядела весьма дерганой. Но я выбросил все из головы и занялся своими задачами: мне надо было добиться редакторской позиции в Швеции.

Однажды вечером я отправился на ужин с друзьями и их знакомыми. Там были Дональд Бёстром, мой друг и очень опытный пятидесятилетний новостной журналист, а также еще один шведский журналист, американский журналист, занимавшийся расследованиями, и его подружка. Американец мне показался довольно скользким, с явно мутными связями, но

девушка была мила, и я флиртовал с ней, пока Дональд стоял поодаль и хмурился. Потом Дональд посоветовал мне быть бдительнее, поскольку очень высока вероятность, что могут подкинуть «приманку». Помню, он пустился в подробный рассказ о том, как МОССАД захватил Вануну[49]. Полагаю, в тот момент, как бы это поскромнее сказать, меня больше волновала возможность заняться любовью, поэтому я просто отмахнулся от слов Дональда. Правда, вел я себя как человек опытный и знающий, как о себе позаботиться. Я столько времени был насторожен и совершенно подвинут на безопасности, что казалось, такое могло произойти с кем угодно, но только не со мной. Что тут скажешь, я колоссально поплатился за свою спесь, и ждать этой платы оставалось совсем недолго.

Парламентское приглашение, гарантировавшее мне безопасную поездку в Стокгольм, означало, что я нахожусь там под эгидой социал-демократов, а у многих из них есть связи с другими политическими группировками. Мне сказали, что я смогу пожить в квартире одной партийной активистки, которая куда-то уехала. Назовем ее А. Я поселился там, но прошло несколько дней, и хозяйка квартиры вернулась раньше запланированного. А. была официальным представителем партии и помогала договориться о моем приезде. У меня не было причин не доверять ей. И когда она сказала, что кровать только одна и поэтому не буду ли я против спать вместе с ней, у меня не было причин считать это чем-то большим, чем дружеское предложение. В общем, я согласился, и в ту ночь мы отправились в постель вместе.

Политические дела полны стресса, и я был рад вниманию улыбающихся и любвеобильных женщин, когда оно мне доставалось. Неловко говорить о таком, учитывая, что даже одинокий свободный мужчина вроде меня уже не считается галантным, если даже слегка упоминает о своих отношениях с женщиной. Или с женщинами. Короче говоря, ситуация не казалась мне слишком необычной, тем более было приятно отвлечься от всех проблем столь сурового для меня времени. Пентагон жаждал крови, и многие мои друзья, а возможно, и источники, как мне было известно, были напуганы, за многими велась слежка. Я отчаянно хотел защитить их и надеялся, что Стокгольм станет той тихой гаванью, которую я давно рисовал в своем воображении. Надо сказать, поначалу я слегка принял А. за неврастеничку. Но в ночи, проведенной с ней, не было ничего примечательного. Мы несколько раз занимались сексом, и на следующий день, казалось, все между нами было хорошо.

День или два спустя А. выступала на пресс-конференции,

а после этого она отправилась на обед с другими журналистами и одной женщиной – назовем ее В., которая вроде бы помогала организовать ту пресс-конференцию и, как я помню, на ней был милый розовый свитер. Что касается этих женщин, то мне явно не светит титул ясновидца года – да и джентльмена года, – но ситуация казалась мне непринужденной и я ничего не подозревал, ничего не предчувствовал и меньше всего думал о каких-либо правонарушениях. В. сказала, что работает в Музее естественной истории, и предложила провести меня по закрытым для публики залам. Я согласился, и после обеда и краткого похода по магазинам за компьютерными деталями мы с ней отправились в музей. Некоторые сотрудники музея как будто знали ее. Мы побродили там, потом посмотрели фильм о подводной жизни, а затем разошлись по домам.

Тем вечером А. устроила вечеринку, где подавали лангустов – традиционное мероприятие в Швеции в это время года. Я пошел вместе с ней. Это было на следующий день после того, как я, по ее словам, изнасиловал ее. А. выглядела на вечеринке весьма радостной, смеялась и допоздна выпивала со мной, моими и ее друзьями. Мы вышли наружу, и она написала в Twitter, что общается «с самыми классными в мире ребятами». Стало очевидно – она рассказала людям, что мы переспали, и потом выяснилось, что она сфотографировала меня, спящего в ее постели, и выложила фотографию в Facebook. Я договорился переехать к парням из «Пиратской партии» – шведской политической партии, выступающей в числе прочего за реформу авторских прав, – однако А. настаивала, чтобы я продолжал жить с ней. Изначально мы договаривались, что я перееду к «пиратам», когда она возвратится из поездки, но она сказала, что все прекрасно, и я вернулся к ней. Так продолжалось еще пять ночей.

Какие-то вечера я проводил с В. Но А. по-прежнему работала со мной на политических встречах, в том числе на ужине с главой «Пиратской партии» Риком Фальвинге. Он предложил разместить у них сервер WikiLeaks – интересное предложение, поскольку в этом случае сайт получал политическую защиту и находился бы под эгидой «Пиратской партии». Еще одним вечером после церемонии награждения я встретился с В. и отправился с ней в ее дом в Энчёпинге, недалеко от Стокгольма. Наверное, подобное поведение может показаться довольно бесчувственным, без сомнения, так и есть – это мой недостаток, но все же не преступление. Я провел немало времени у А. и понимал, что оставаться дольше – не самая лучшая идея. Вспомните, я в то время был слегка параноидальным типом, часто менявшим свое местожительство, да и отношения с А. становились уже

достоянием публики, кажется, этого она и хотела.

История с В. тоже ни к чему не привела. Она выглядела немного рассеянной, но той ночью в Энчёпинге, по-моему, мы просто отлично провели время, хотя едва ли стоило ожидать продолжения. Похоже, ее это тоже не особенно волновало. На следующее утро мы завтракали, а потом поехали на ее велосипеде на железнодорожную станцию. Она купила мне билет – очень мило с ее стороны, поскольку моя банковская карточка по-прежнему была заблокирована. Впрочем, я и без того всегда на мели. Она поцеловала меня на прощание и попросила позвонить ей из поезда. Просьбу я не выполнил, и этот звонок, которого я не сделал, оказался самым дорогостоящим в моей жизни. Я поехал в Союз журналистов, чтобы выяснить, можно ли туда вступить. Ведь, несмотря на все эти глупости личного свойства, я все-таки приехал в Стокгольм, пытаясь выстроить разноплановую юридическую защиту, позволяющую WikiLeaks вести дела оттуда, а мне – если повезет – жить без страха перед экстрадицией в США.

Как я уже говорил, я не особенно пользовался телефонами, хотя ношу с собой по нескольку штук. В какой-то момент у меня состоялся короткий разговор с В.: она позвонила, но аккумулятор телефона был почти разряжен, и он выключился, пока мы говорили. Моим вниманием полностью завладела международная обстановка, и, проводя время с этими женщинами, я не уделял им слишком много внимания и, самое главное, не звонил им. Конечно, я не в состоянии был до конца отвлечься от той ситуации, в которой оказался в последнее время из-за болезненной реакции Америки, со всеми этими угрозами и заявлениями в мой адрес. С моей стороны было непростительной ошибкой думать, что эти женщины поймут и простят, хотя они прекрасно знали – мы говорили об этом в течение недели, – что против WikiLeaks в Пентагоне работают сто двадцать человек. Я не был надежным парнем или хотя бы просто обходительным партнером в постели, что дало о себе знать. Хотя, может быть, все было подстроено с самого начала.

Однажды ночью, когда я еще жил у А., она не пришла домой и потом сказала, что переспала с журналистом, который пишет обо мне статью. Странно, подумал я, и кто же этот парень? Но я и сам не отличался большой преданностью, да и вообще отношения были явно легкомысленными. Все-таки утром в пятницу я заметил, что она ведет себя несколько странно. В тот же день мне позвонил Дональд Бёстром и рассказал: он только что говорил с А., а та только что говорила с В., заявившей, что находится в больнице. Должен сказать, я был совершенно

озадачен. Эти девушки, оказывается, общаются, и одна из них в больнице? Мои телефоны были просто безнадежны, но я включил один из них, и мне снова дозвонился Дональд. По его словам, А. сказала что-то о В. в связи с полицией и анализом ДНК. «Что, черт возьми, происходит?» – спросил я. Затем я позвонил В., и она стала все отрицать, сказав, что упомянула о полиции лишь потому, что просила у них совета: какие анализы сдают при подозрении на венерическую болезнь.

Она потребовала, чтобы я тоже немедленно приехал и сдал анализы. Я ответил, что в тот день не могу, у меня серьезные дела, но приеду на следующий день, и она сказала, что не возражает. Затем она спросила меня, почему я позвонил – по собственному желанию или потому что поговорил с А.? На том этапе наших отношений все это выглядело просто нелепо. Дональд звонил мне снова и снова, рассказывая, что А. пытается прикрыть меня в этой ситуации с В., а я отвечал: «Ничего, все в порядке, я поговорил с В., и мы встречаемся завтра». Все это выглядело как минимум комично, но и чрезвычайно подозрительно. Шли часы, и сплетни распространялись. Я позвонил А. и спросил, что это за чушь с полицией. Она заявила, что я просто не понимаю шведскую жизнь: здесь принято обращаться в полицию за такими советами: о венерических болезнях и прочем – и в этом нет ничего такого, это вовсе не официальное обращение. Наверное, мне следовало бы с бóльшим подозрением отнестись к происходящему, но я не чувствовал за собой никакого греха и совершенно не представлял, что же может произойти дальше с участием полиции.

Я решил поговорить с В. и все перепроверить; включив один из телефонов, я несколько раз набирал ее номер, но ответа не последовало. Мне нужно было побыть одному, так что я снял номер в гостинице и начал писать свою первую колонку для шведской газеты. Я только-только написал строчку о том, что первой жертвой войны стала истина, и зашел в Twitter. Там я увидел, что выдан ордер на мой арест за двойное изнасилование. Сперва мне пришло в голову, что это мусор из какого-то таблоида, полная выдумка. Даже рассердился: как низко эти газеты могут опуститься; насколько далеко они готовы пойти, на какую же клевету способны? Потом я увидел на сайте более серьезной газеты, что слухи об аресте – не вымысел, и вся моя вера на миг рухнула.

Придя в себя, я осознал, что заплатил за номер кредитной картой и что меня видели несколько людей. Мне пришлось быстро убраться оттуда, правильно оценить ситуацию и понять, что происходит. Не стоит забывать, каким параноиком я уже стал

к тому моменту. Я не мог поверить, что А. и В. и вправду устроили это, и никогда не смогу понять, как же это вышло. Я выбрался из отеля и поехал на поезде к другу, который жил на севере Швеции. В полицию идти было невозможно, потому что я им не доверял: ведь вполне могла быть разыграна масштабная попытка поймать меня. Все казалось сюрреалистичным и совершенно неожиданным. И в тот момент было невозможно понять: это чья-то ловушка или просто ревность со стороны обиженных женщин? Потом, подумав немного и обсудив с друзьями, я пришел к выводу, что возможны обе версии, хотя понимал: верна какая-то одна.

Я не насиловал этих женщин и не представлял, что из происходившего между нами могло привести их к такой мысли. Может быть, это все-таки злой умысел? совместный план, чтобы заманить меня в засаду? или ужасное непонимание, возникшее между нами? Вполне возможно, я и шовинистская свинья по отношению к женщинам, но точно не насильник, и лишь совершенно извращенное понимание половых отношений может привести к выводу, что я виновен в изнасиловании. Они обе занимались со мной сексом по собственному желанию и с удовольствием откровенничали со мной после того. Вот и всё.

Но в современной Швеции это еще не всё. В некотором смысле справедливо считать Швецию страной, изолированной от остальной Европы. Она традиционно склонялась к нейтралитету, и это замкнутый мир с населением меньше десяти миллионов, в котором вся жизнь подчиняется влиятельным институциям Стокгольма. Швеция известна своей политической стабильностью и склонностью к консенсусу, отчасти благодаря доминированию Социал-демократической партии в национальной политике в течение большей части XX века. Но ситуация стала меняться, и не факт, что к лучшему. В 2001 году Швеция под руководством СДП отправила войска в Афганистан – первое почти за двести лет участие шведских войск в зарубежной военной операции. Это отход от их предшествующей политики нейтралитета в международных отношениях и знак растущей ориентации на Соединенные Штаты. В шифрограмме 09–141, которую мы опубликовали несколько позже, американский посол в Стокгольме четко дает понять, каковы масштабы американского давления – и насколько шведы готовы ему подчиняться – в области компьютерного файлообмена и государственного мониторинга компьютерного трафика. Что еще хуже, группа «На страже прав человека» в 2006 году опубликовала отчет с подробным анализом причастности шведских властей к нелегальному вывозу ЦРУ двух человек, попросивших

политического убежища. Может, мне и не стоило удивляться, что, когда в декабре 2010 года меня арестовали в Лондоне, британская газета Independent сообщила, что шведское правительство уже вело с американцами неформальные переговоры об экстрадиции меня из Швеции в США.

Слаэс Боргстрём, адвокат А. и В., – представитель СДП по вопросам гендерного равенства; надо признать, Швеция – одна из немногих в мире стран, где оголтелый феминизм стал широко распространенной тенденцией. Ведь даже решение отправиться в Афганистан во многом было обусловлено феминистскими идеями: несмотря на традиционную антивоенную позицию женского движения, его представительницы по вполне понятным причинам порицали отношение талибов к женщинам и, что уже менее понятно, санкционировали бомбардировки как способ ему противостоять. Феминистки более старшего поколения серьезно заговорили о «государственном феминизме», и лишь совсем недавно, в феврале 2011 года, шведская пресса посмотрела на мое дело свежим взглядом, пытаясь понять, насколько все случившееся отражает их собственную систему и их собственные конфликты.

А. – честолюбивая политическая активистка, и это особенно привлекает внимание к ее делу. У нее неплохие связи в феминистском движении, как и среди социал-демократов: она была заметной фигурой в Broderskapsrorelsen, организации, пригласившей меня на выступление в августе. Кто бы ни раздувал это пламя, все это тут же привело к еще более мрачным событиям. Меня проинформировали, что А. удалила сообщения в Twitter обо мне. В последнем своем общедоступном сообщении 12 декабря 2010 года она писала:

> Тошнит уже от всего, что происходит, это когда-нибудь кончится? В любом случае хочу сообщить теоретикам [заговора], что «другая» [В.] была столь же настойчива [как и А.].

Газета Expressen сообщила 10 марта 2011 года, что полицейский, первым допрашивавший В., был другом А. Между прочим, на следующий день после того, как они отправились в полицию, А. дала интервью этой газете, где совершенно отрицала, что она и В. боятся меня. Она сказала, что я отнюдь не жесток и что в обоих случаях секс имел место по обоюдному согласию. Из полицейского досье следует, что женщины не собирались подавать жалобу, а просто хотели получить совет относительно венерических болезней. Они сказали, что по телефону угрожали мне пойти в полицию, если я немедленно не

сдам анализы. Их адвокат Слаэс Боргстрём заявил в статье, опубликованной в таблоиде Aftonbladet, что женщины пошли в полицию не с тем, чтобы заявить на меня, а чтобы заставить меня сдать анализы.

Но все не так просто. За несколько лет до нашей истории, в 2006 году, А. написала в блоге заметку под названием «Изнасилование?», в которой, обсуждая возможную ситуацию, ставит вопрос: бывают ли случаи, когда мужчину обвиняют в изнасиловании, даже если женщина начала заниматься сексом с ним по собственному желанию? Невзирая на требования протокола, полицейские не стенографировали допросы обеих женщин. Даже обвинитель Марианне Ню считает, что запись допросов вести нужно – она говорила об этом в замечаниях к новому закону о половых преступлениях. Как заявили полиции друзья В., она лишь собиралась узнать, может ли полиция заставить меня сдать анализы на ВИЧ. По словам одного из свидетелей, постоянно находившегося в контакте с В., ей казалось – еще до подачи жалобы в полицию, – что ее подстрекают к этому другие люди, у которых есть свои планы. Это противоречит словам А. в статье Expressen 21 августа 2010 года, где утверждается, что В. связалась с ней, потому что хотела подать жалобу в связи с изнасилованием, и что А. поддержала ее, поскольку у нее был аналогичный опыт. В СМИ попал не утвержденный В. протокол допроса; по ходу дела допрашивающий ее офицер вынужденно прервал беседу вскоре после начала, поскольку когда она услышала, что выдан ордер на мой арест, то никак не могла сосредоточиться. По словам ее друга М. Т., которого полиция допрашивала по тому же делу, В. казалось, что полиция и окружающие пытались внушить ей что-то.

Можно продолжать и продолжать, но я не стану. Здесь не место для подробного обоснования своей юридической позиции. Достаточно сказать, что, с моей точки зрения, обвинения были не только смехотворными, но и подлыми. Я подготовил по этому делу 46-страничный отчет с анализом всех заявлений и несоответствий. Это своего рода упражнение в научной журналистике, показывающее, как неправду можно скормить людям на всем протяжении коммуникационного трубопровода, а в результате абсолютная ложь ставит под угрозу жизнь человека.

Как я уже говорил, мне не светят награды за достойное поведение в ту неделю в Стокгольме, однако обвинения в изнасиловании – это клевета, погубившая уже целый год моей жизни и нанесшая немыслимый ущерб моему общественному

положению. Если вспомнить, что работа, к которой я стремился всю жизнь, основана на принципах неподкупности и морали, то эта кампания против меня оказалась чрезвычайно полезной моим врагам. Я пишу эти строки в доме одного из своих поручителей, под надзором в английской сельской местности, а на моей ноге электронные кандалы. Такой электронный надзор используется с 1983 года, когда судья из Нью-Мексико по имени Джек Лав прочел комиксы, в которых злодей прикреплял к Человеку-Пауку устройство слежения. Моя жизнь, как и у Старого Блюи, о котором я рассказал в третьей главе, более причудлива, чем литературный вымысел. Мне не предъявили обвинения ни в каком преступлении, но, как и в случае манипуляций с «кровью на его руках», если вы введете в поисковике «Julian Assange rape», то получите порядка четырех миллионов ссылок. Обвинения в изнасиловании были выдвинуты, отозваны, а потом снова выдвинуты, и по ходу дела я уже стал преступником, человеком, совершившим ужасающий проступок: в августе 2010 года в Стокгольме вступил по согласию в сексуальную связь с двумя женщинами.

Они вознамерились пустить мне кровь, и это получилось. Я не буду больше выуживать детали – общую картину я описал подробно. Странно уделять столько времени в автобиографии столь дикому сюжету. Все это случилось, все это нужно обсуждать, но это не про меня. В лучший с профессиональной точки зрения год моей жизни мое внимание могли бы занять катастрофа поезда, внезапное принятие мормонства или еще какая-нибудь ничем не оправданная и невероятная история. Но нет, это было обвинение в двойном изнасиловании, и я описал все с той полнотой, какую эта ситуация заслуживает.

Моя повседневная работа шла своим чередом. Я оставался в Швеции больше месяца после того, как обвинения были зачитаны мне в первый раз, но ничего не происходило, казалось, моя персона совершенно не интересовала шведского обвинителя, поэтому я сел на самолет в Англию и вернулся к работе. Вскоре меня стал преследовать по пятам европейский ордер на арест. Именно тогда пришло время готовиться вместе с нашими дерганными партнерами из СМИ к публикации крупнейшего за всю мировую историю, запрещенного к разглашению информационного архива. Нас ждал наш «Кейблгейт».

14. Кейблгейт

Разоблачение – не просто действие, это образ жизни. Как мне кажется, в этом есть и рассудочная, и эмоциональная сторона: ты – это то, что ты знаешь, и никакое государство не имеет права принижать и ограничивать тебя в этом. Многие современные государства забывают, что были основаны на принципах Просвещения, что знание – гарант свободы и что ни у какой власти нет права осуществлять правосудие так, будто это лишь одолжение с ее стороны. На самом деле правосудие, если его отправлять достойно, это контроль за властью. И есть только один способ позаботиться о народе – гарантировать, что политики не смогут полностью управлять потоками информации.

Это просто здравый смысл. Таков первый и главный принцип журналистики в любой стране со свободной прессой. Интернет упростил цензуру, позволяя уничтожить истину одним щелчком мыши (Сталину это понравилось бы) и отслеживать личные данные людей такими способами, которые даже слуги сатаны, бюрократы Третьего рейха, сочли бы восхитительными. Секретность слишком часто оказывается единственным прибежищем власти, но любого, кто утверждает так в наши дни, обвиняют не только в том, что он недооценивает проверенные временем стандарты либерализма и очерняет нашу демократию, но и в эксцентричной склонности к бунтарству и упорном стремлении «ставить под угрозу национальную безопасность». Принципы, изложенные в американской конституции, при тщательном изучении покажутся сегодня весьма радикальными многим гражданам Америки. Джефферсон окажется врагом государства, а Мэдисон – леворадикальным партизаном. Точно так же современному китайцу покажутся безумцами Маркс и Энгельс – эти упертые мелкие экономисты, которые совсем не поняли бы глубокой человеческой значимости сумочек Gucci и нового iPad.

Информация делает нас свободными. Она освобождает нас, позволяя подвергать сомнению действия тех, кто не хотел бы, чтобы мы имели такую возможность и право на ответ. WikiLeaks со своим современным оснащением и программным обеспечением – это сила, отстаивающая свободу, показавшаяся бы вполне традиционной и разумной какому-нибудь мыслителю восемнадцатого столетия вроде Джона Уилкса[50]. Мы очень часто оказываемся под огнем критики за то, что придерживаемся тех же самых принципов, для отстаивания которых и избирались правительства, ныне критикующие нас. Мы народное

и международное бюро сдержек и противовесов, которое понимает: то, чем занимаются чиновники и дипломаты за закрытыми дверьми, – в полной мере наше дело. Если граждане избирают их, платят им, доверяют им, то, значит, они и есть работодатели государственных чиновников. И правительствам, позволяющим себе забыть об этом, придется слышать голос народа в каждом чате, каждом блоге, каждом аккаунте Twitter и на каждой площади: от Тяньаньмэнь до Тахрир, от Трафальгарской площади до Таймс-сквер – в конечном счете волнение охватит все буквы алфавита. Чиновники, препятствующие правде, – конченые люди.

Уже в начале наших отношений с медиапартнерами я понимал, что в какой-то момент предложу им совместно с нами опубликовать огромные запасы дипломатической переписки, которую нам слили и которую мы обрабатывали. Но с последним проектом я выжидал, поскольку хотел, чтобы работа с ним проходила максимально выверенно и тщательно, поэтому я пропустил вперед афганские и иракские военные архивы. Объем работ предстоял огромный, требовалось немало времени, чтобы прочитать все документы, выбрать важное, выстроить весь материал и представить его, учитывая юридические и другие вопросы, которые всегда влияют на наши суждения. Наша главная забота – выполнять обещание, данное источникам: если материал соответствует нашей редакционной политике, если он значимый, новый и его распространение так или иначе подавляется, то мы выпустим его обязательно, при всей возможной поддержке и шумихе. Самые последние депеши описывали деятельность посольств по всему миру, они обнажали разнообразные секретные операции, глубоко укоренившиеся предрассудки, факты национального позора и обычные человеческие поступки на всех властных уровнях. Как и предыдущие наши материалы, они делали мир более четким, невзирая на усилия тех, кто стремился представить его в размытом виде. Знание такой информации было способно изменить представление о наших правительствах и их деяниях.

Из-за слежки и агрессивного отношения Пентагона ко мне лично я хотел сделать копии всего дипломатического архива, чтобы гарантировать его надежное хранение. Мне не понравилось, как все прошло с Guardian, не говоря уже о New York Times, чей главный редактор повел себя просто подло. Однако из двух зол всегда выбираешь меньшее: New York Times продемонстрировала уже свою трусость, и я не хотел работать с ними дальше. Складывалось ощущение, что впереди нас ждет очень мощный удар, поэтому я скопировал 250 тысяч документов,

раздав копии своим знакомым в Восточной Европе и Камбодже. Я также записал их на зашифрованный жесткий диск ноутбука и отправил его Дэниелу Эллсбергу. Вопервых, мы знали, что Дэну можно доверить публикацию всех депеш на случай кризиса, а вовторых, это имело для нас символическое значение – прямая связь с его публикацией «Документов Пентагона».

Нужно понимать, что материал имел не только концептуальную ценность. При желании мы могли продать дипломатические депеши за миллионы долларов – и даже когда мы начали их публиковать, мне предлагали за них деньги. Но мы так не работаем. Правда, во время переговоров с партнерами об условиях публикации я объяснял им не только общественную ценность материалов, но и их стоимость, чтобы они понимали, с чем имеют дело. Guardian по-прежнему была подходящим партнером, поэтому я, отбросив наконец все свои сомнения, попросил их подготовить письмо за подписью главного редактора газеты Алана Расбриджера, гарантирующее следующее: материал сохранится в полном секрете; никакую его часть не опубликуют, пока мы не будем к этому готовы; его не разместят на компьютерах, подключенных к Интернету или любой внутренней сети. Расбриджер согласился, и мы подписали договор. После этого я подготовил зашифрованный диск и передал им пароль, так что материал теперь был целиком в редакции газеты. Журналист из отдела новостей, снова веселый и добродушный, сказал, что готов изучать материалы, что будет на связи по поводу дальнейших планов, – и отправился в отпуск в Шотландию.

Поскольку шведская история была у всех на устах, то наши партнеры – и из СМИ, и из общественных организаций – повели себя словно сплетницы-школьницы. Поразительно, ведь многие из них занимаются журналистскими расследованиями и, надо думать, разбираются в механизмах преследования политических парий, а также в вопросах клеветы и истерии. Сотрудник «Бюро журналистских расследований» вдруг заявил своим коллегам, что «не выйдет на одну сцену с насильником», – что же, не зря колокольчики подавали предупредительные сигналы, когда нас отказались поддерживать на пресс-конференции наши медиапартнеры. Несомненно, у многих из тех, кто перешептывался за моей спиной, кто обсуждал мои неприятности, не скрывая своего ликования, больше скелетов в шкафу, чем на Хайгейтском кладбище в Лондоне. Никто не поинтересовался, как такое могло случиться; никто не спросил, как я с этим справляюсь, никто не предложил помощи. Нет, они вели себя так, будто мерзкие обвинения – это «дым», которого не бывает «без

огня», даже если весь их опыт подсказывал им обратное. Подобные люди судят других всю свою жизнь и почему-то надеются на чудо: что сами никогда не попадут под свет софитов. Впрочем, они недалеки от истины: журналист журналиста никогда не кусает, и ни один редактор с Флит-стрит никогда не станет плохо отзываться о другом.

Ничего не изменилось ни в наших материалах, ни в нашем стремлении публиковать их, но ложные обвинения привели к тому, что люди вокруг меня стали вести себя до безобразия дурно. Два моих партнера решили, будто я представляю для них моральную угрозу. Я мог бы как-то повлиять на ситуацию и, конечно, пытался это сделать, однако наступает предел терпению; нужен особый талант, которым я не обладаю, чтобы заставлять себя сотрудничать с людьми, готовыми предать тебя при любой удобной возможности. В то непростое время совершено немало ошибок, но самая непростительная – это передача в Guardian копии нашего дипломатического архива.

В депешах были совершенно невероятные истории: взятки индийским политикам на 25 миллионов долларов, данные с ведома американских дипломатов; свидетельства вмешательства Америки в политику Гаити; информация о кандидате в президенты Перу, который брал деньги у подозреваемого в торговле наркотиками; беспрецедентное лоббирование американскими дипломатами интересов американских корпораций; информация о литовских политиках, покупавших журналистов, которые обслуживали их интересы и писали о них хвалебные статьи; и даже попытки американских дипломатов шпионить за своими коллегами в ООН.

Конечно, дипломатическая переписка должна была стать сенсационной бомбой, но в тот момент материалы еще находились на стадии подготовки. Наши системы не всегда справлялись с обработкой такого массива документов, и нас элементарно тормозил резкий рост трафика. Оставались неразрешенными юридические вопросы и риски, связанные с защитой источников. Именно по этим причинам я передал материал партнерам, подписав с ними соглашение, что он не будет опубликован без нашего разрешения. Причем приоритетными задачами оставались качественная подготовка текста и защита источников, а не эксклюзивные права и стремление к сенсации. Для любого приличного издательства это было бы нормой. Но не для Guardian. Как только журналист из отдела новостей вернулся в Лондон из отпуска, он начал донимать меня требованиями немедленной публикации, заявив, что конкуренты наступают на пятки. Оказалось, что журналистка

из Independent уже располагает копией депеш, и газета Guardian сочла это явной угрозой своим эксклюзивным правам.

Пришлось выяснять, в чем дело. Действительно, наш исландский коллега Смари Маккарти в какой-то особенно напряженный момент попросил знакомого с журналиста из Independent помочь ему с форматированием документов. Этот журналист, чрезвычайно загруженный собственной работой, в свою очередь отдал часть материала своей коллеге, естественно, оговорив все условия строгой конфиденциальности. Позже он взломал ее компьютер и стер файлы с депешами, которые она помогала ему обрабатывать, – хотя оставалось непонятным, скопировала она их или нет. Сотрудник Guardian утверждал, что журналистка Independent уже выискивает потенциальных покупателей. В двух словах не передать, сколько раз нам встречались люди, которых мы считали своими коллегами, но как только речь заходила о материале, на который явно мог быть большой спрос, они начинали вести себя как головорезы с фондовой биржи. С журналисткой из Independent мы благополучно разобрались, но сотрудник Guardian заявил, что ситуация остается очень опасной, поскольку у кого-то может быть своровaнная копия данных. Естественно, опять был поднят вопрос о сроках публикации. Я сказал, что мы еще не готовы и в конце концов у нас есть подписанное соглашение. Он тут же в смятении ретировался, и на этом разговор закончился. Больше он на нас не давил.

Позже все прояснилось: он скопировал часть наших материалов и передал их New York Times, где уже полным ходом шла подготовка публикации. Сотрудники американской газеты полностью игнорировали важнейшие вопросы, связанные с исследованием фактов, со скрупулезной работой над текстом – со всем тем, что было жизненно важно, когда речь шла о документах такого уровня. Подобно корыстолюбивым, но безрассудным гангстерам, они ради своих целей готовы были снести полгорода и перестрелять всех на своем пути. Журналист Guardian, вывалив перед нами всю эту историю без всякого предупреждения, повел себя трусливо и противозаконно, но он очень старался угодить и своему начальству, и своим заокеанским героям. Даже студент-журналист не повел бы себя так беспринципно и наплевательски по отношению к договоренностям и к людям, подготовившим материал. Но он с рвением выполнил свой грязный план. Это был удар ножом в спину. Мы помнили трусливое поведение New York Times в истории предыдущих публикаций афганского и иракского архивов. Мы помнили о враждебно настроенных статьях.

И больше мы не собирались с этой газетой сотрудничать. В конце концов, это наш архив и наш проект. Однако Guardian не было никакого дела до этих соображений: они хотели, чтобы New York Times помогла им выстроить их собственную оборону, а WikiLeaks пусть пойдет и повесится на ближайшем дереве.

Нам отчаянно не хватало времени. Проблема подготовки таких документов была настолько серьезна, что понять этого не смог ни один журналист из обеих газет с их подростковой манией крайних сроков и сенсаций. А нам требовалось время, чтобы подготовить материал качественно. Я позвонил Расбриджеру, и мы договорились, что я приеду в Лондон. Я вошел в редакцию Guardian, уязвленный до глубины души, поскольку считал, что их сотрудничество с New York Times за моей спиной вопреки подписанному соглашению абсолютно незаконно. Я прекрасно понимал, что Guardian нас предает, и предает трусливо. Мы с моим юристом Марком Стивенсом вошли в здание и – так уж распорядилась судьба – у лестницы лицом к лицу столкнулись с нашим старым знакомцем, журналистом из отдела новостей.

– Здравствуй, – сказал я.

– Оо, – ответил он. Вид у него был удивленный.

– Мы спустимся и поговорим с тобой позже. А сейчас мы собираемся выяснить кое-какие вещи у Алана Расбриджера.

В жизни не видел такого побелевшего лица. Кто-то потом сказал, что он выглядел как человек, которого застукали с пистолетом на месте преступления.

Мы поднялись по лестнице к Алану. На встречу пришел и редактор Der Spiegel. Я чуть ли не кричал. Я прямо спросил его, давали ли они материал New York Times. Расбриджер уклонился от ответа. «Первое, что нам нужно сделать, – говорил я, – это установить, кто получил копии этого материала. У кого они есть точно и у кого они могут быть. Потому что мы еще не готовы к публикации». Глаза главного редактора забегали. Он уже не знал, на каком предмете остановить свой взгляд. «Давали вы копию депеш New York Times?» – спросил я его прямо.

Потом долго обсуждалась рассказанная мной выше история с журналисткой из Independent. Это дало Расбриджеру некоторый шанс потянуть время, но надолго его не хватило, а я продолжал нажимать: «Нам нужно понять, с какими людьми мы имеем дело. Имеем ли мы дело с людьми, чьему слову мы можем доверять, или нет? Потому что если мы имеем дело с людьми, чьему письменному слову мы не можем доверять, то…» Теперь, кажется, у всех у них глаза забегали по комнате. Это была какая-то карикатура: взрослые и солидные люди оказались неспособны смотреть в глаза правде, неспособны были сказать эту правду

вслух и даже пытались выдвинуть хоть какой-то аргумент в свою защиту. Позднее, когда журналисты описывали эту сцену, обо мне говорили как об орущем на людей психе. Но кто бы не закричал, когда ставки столь высоки? Кто бы не потерял выдержку, столкнувшись со столь трусливыми негодяями, прячущимися в своих стеклянных офисах? Вскоре всем стало ясно, что отказ Алана отвечать на вопрос фактически был признанием вины. Он не говорил ни «да», ни «нет» лишь по юридическим причинам. Я сразу потерял к нему всякое уважение. Вот сидит человек старше меня, главный редактор очень солидной газеты, даже целого издательского дома. И ему задали вопрос, вопрос очень важный. И что мы видим? Бегающий взгляд. Растерянность. Это было просто неслыханно, я не верил своим глазам.

Кажется, я произнес длинную речь о чести. А как еще поступать в таких обстоятельствах? Короче говоря, мы сидели и обсуждали разные вопросы около семи часов, а потом пошли вниз и там тоже продолжали вырабатывать план действий. Guardian с самого начала знала, что ей надо – опубликовать сразу весь материал. Der Spiegel между тем пыталась действовать по принципу «и вашим, и нашим». Но правда состояла в том, что мы не были готовы, а на нас давили влиятельные люди, которые неделями занимались крохоборством и теперь решили нанести последний, контрольный удар. Упоенные непомерным и позорным тщеславием, они забыли, кто мы такие и как вообще оказались в их редакции. Теперь они видели в WikiLeaks лишь кучку довольно странных хакеров, да еще один из них вот-вот будет признан сексуальным правонарушителем. Но мы знали, каким материалом и какими технологиями мы владеем, а эти парни играли по самым древним правилам своего бизнеса. Я намекнул, что могу тут же передать весь накопленный материал Associated Press, News Corp и «Аль-Джазире». Я не хотел так поступать, но был готов пойти на это, если они не захотят заключать мир.

Это их отрезвило, и они заговорили уже более разумным тоном, как все-таки организовать публикации. Я продолжал контратаковать, заявив, что буду судиться с ними из-за нарушения договора. WikiLeaks был создан не ради извлечения прибыли, мы зависели от пожертвований, и тот факт, что наши компьютерные системы не были готовы к обработке такого количества документов, означал, что и наши поступления в этом случае будут сокращены. Им следовало понять, что они с нами делают. Мы не были идеологической группировкой, не принадлежали ни к какой партии. WikiLeaks был живым организмом из плоти и крови, много лет работавшим над

достижением больших целей. То, чем они сейчас занимались, могло уничтожить нас, и я был готов пойти на многое, чтобы это предотвратить. Поэтому мы продолжили вести переговоры. Сперва они не отступали от своего требования немедленной публикации, но в конце концов согласились, что месячная пауза даст нам достаточно времени на подготовку. В этот момент я настоял, что в число медиапартнеров – знали бы вы, как New York Times ненавидела этот термин, – должны войти El País и Le Monde. Теперь я лучше всех знал, каким поганым может оказаться партнерство, и готовился к будущему, в котором все важные уроки были уже преподаны.

Я настаивал, что не следует подавать как новость сам факт утечки такого рода документов, поскольку нашим основным делом было производство историй. Нужно выпускать эти истории по одной, чтобы отвлечь внимание от нас и привлечь его к самому материалу. Сначала самые актуальные темы, но ничего об Израиле и о Кубе, чтобы не провоцировать США сразу, хотя в любом случае от них придется ожидать тех или иных репрессивных мер по отношению ко всему «Кейблгейту». Их внимание – как и внимание всех остальных – должно быть приковано к одной утечке за другой. Я также настаивал в рамках этой насильственной перестройки наших отношений, чтобы New York Times обязалась прекратить свою вздорную кампанию против меня и Брэдли Мэннинга – этого несчастного юноши, которого они представляли как безумного, безнравственного, мрачного маленького гомосексуалиста. Без сомнения, после таких трелей Пентагон оставил их в покое, но по всем меркам это было бесчестное поведение. К счастью, на следующий день Келлер согласился приостановить эти позорные публикации, и какое-то время они держали свое слово.

Позднее через сотрудников Der Spiegel нам стало известно, что с самого начала Guardian собиралась нас крепко поиметь. За нашей спиной они сотрудничали с New York Times и были готовы публиковать материал, даже не дав нам возможности нормально проверить данные и самим подготовиться к будущим нападениям. Вот как на самом деле Guardian относится к принципам журналистской работы и сотрудничества. Открытость? Вы, наверное, шутите. Новое поколение либертарианцев? Их не волнуют свободы. Новые настроения? Народные восстания по всему миру? Разговор с властью на языке правды? Guardian – какое неадекватное название для этой газеты – может публиковать сколько угодно фотографий с площади Тахрир, но газетчики были готовы засунуть сами знаете куда те принципы, которые отстаивали люди, выходившие на площадь, и за которые

стояли мы, помогая участникам этих протестов. Попытка журналиста из отдела новостей дать своей газете последнюю фору перед уходом на пенсию оставила редакцию задыхающейся в поисках глотка свободного воздуха. Когда американские правые начали призывать к моему убийству, Guardian не опубликовала ни одной статьи в мою защиту. Вместо этого они заставили своего сотрудника, моего старого знакомца, написать мелочную и грязную статью обо мне.

«Вот это да!» – так мы все изумлялись когда-то, в нашем далеком детстве. Тогда жизнь была куда проще. Тогда твоими единственными врагами были только сахарные муравьи, бегавшие по твоим ногам и кусавшие тебя до смерти. Но тогда на твоей стороне было само солнце. В нашей сегодняшней жизни, когда у тебя возникают проблемы, ты быстро учишься не замечать, как брыкается старая гвардия. У нас оставался месяц, чтобы привести в порядок дипломатические депеши, и это оказался самый опьяняющий месяц моей жизни. Документы должны были показать, что современный мир на самом деле думает о себе самом. Мы жили тогда в английском сельском доме и все ночи напролет работали над нашим материалом, стараясь все успеть сделать к намеченному сроку. Пошел снег. Он выпал равномерно по всему Норфолку. Тогда я не мог знать, что этот дом вскоре станет моей тюрьмой.

Послесловие

На этом автобиография Джулиана заканчивается, но работа WikiLeaks продолжается

14 января 2011 года. Президент Туниса Зин эль-Абидин Бен Али распускает правительство и объявляет чрезвычайное положение, а затем бежит из страны в Саудовскую Аравию. В Ливии его союзник полковник Каддафи выступает с речью, осуждающей тунисское восстание, и заявляет, что протестующих сбили с толку публикации WikiLeaks с подробными описаниями коррупции в правительстве Бен Али и среди членов его семьи.

22 января. В перуанскую газету El Comercio звонят из WikiLeaks и предлагают около четырех тысяч депеш американского посольства в Лиме. Аналогичные договоренности достигаются со средствами массовой информации по всему миру, и «Кейблгейт» становится глобальным проектом.

28 января. Протестующие в Египте устраивают «День гнева», а осажденное правительство Мубарака блокирует мобильную и спутниковую связь и Интернет по всему Египту. Глаза всего мира прикованы к Ближнему Востоку, и WikiLeaks продолжает публиковать дипломатические депеши, посвященные странам этого региона.

15 февраля. В своем выступлении в Университете Джорджа Вашингтона Хиллари Клинтон объявляет, что свобода Интернета – «приоритет внешней политики» правительства Барака Обамы. Она говорит: «Чтобы онлайн-свобода имела смысл, она должна получать продолжение – работу активистов в реальном мире». В тот же день правительство США через суд требует от Twitter раскрыть данные аккаунтов трех сотрудников WikiLeaks.

16 февраля. После ухода Мубарака в отставку 11 февраля WikiLeaks продолжает поддерживать протестующих в Египте и публикует сразу более 450 дипломатических депеш из каирского посольства США.

25 февраля. Бывший президент Джордж Буш-старший отменяет свое выступление на Глобальном саммите лидеров в Денвере, когда узнает, что там намечено выступление Джулиана Ассанжа, «преднамеренно и многократно причинявшего огромный ущерб интересам Соединенных Штатов».

4 марта. Сотрудница WikiLeaks Кристинн Храфнссон получает награду «Журналист года» в Исландии.

15 марта. Индийская газета Hindu начинает освещать «Кейблгейт». В течение нескольких недель Hindu публикует статьи о взятках в индийском парламенте, об использовании Америкой торговли оружием в политических целях, о предполагаемых связях между пакистанской разведкой и «Талибаном» и о многом другом.

20 марта. Посол США в Мексике Карлос Паскуаль уходит в отставку после конфликта с мексиканским президентом Фелипе Кальдероном из-за критики служб безопасности его страны, высказанной послом в депеше, впоследствии опубликованной в рамках «Кейблгейта».

7 апреля. Израильская газета Yediot открывает последнюю серию публикаций дипломатических депеш, которые проливают свет как на уже знакомые темы вроде тесных связей между израильской разведкой и ЦРУ, так и на более удивительные истории вроде близких взаимоотношений между МОССАДом и королем Бахрейна или переговоров о контрабанде оружия в Газу с участием бывших руководителей Египта.

8 апреля. Продолжается публикация депеш, касающихся Ближнего Востока – региона, охваченного протестным движением. Ряд депеш (2009–2010 годов) показывают, что местные источники многократно информировали посольство США в Йемене о слабости и непопулярности союзника американцев президента Салеха, который теперь столкнулся с бурными протестами.

21 апреля. Депеша из Дубаи в подробностях повествует, что иранский президент Махмуд Ахмадинежад готовит в преемники начальника своей администрации Эсфандияра Рахима Машаи. Машаи считается противником иранских консерваторов, он противостоит вовлечению религиозных деятелей в политику.

25 апреля. WikiLeaks и еще девять средств массовой информации начинают публиковать документы из Гуантанамо – досье на задержанных, которое вела объединенная оперативная группа Гуантанамо. Эти записи о 765 заключенных (всего – 779 заключенных) содержат оценку состояния здоровья, историю задержания, причины длительного содержания в Гуантанамо и доказательства, свидетельствующие против них.

Выясняется, что десятки, если не сотни, заключенных задержаны на чрезвычайно шатких основаниях, а иногда и вовсе без таковых. Один был задержан, потому что работал на телеканал «Аль-Джазира» и военные посчитали, что у него есть полезная информация о канале или людях, с которыми он встречался по работе. Другого арестовали, потому что он якобы мог быть в курсе деятельности террористов в определенном

регионе, где он работал таксистом. Другие материалы на задержанных касаются более серьезных вопросов американской стратегии: в «Матрице угроз» приводится такой фактор, как связь с пакистанской разведкой, невзирая на то, что Пакистан – ключевой союзник Америки в ее «войне с террором».

Как пишет американский журналист Гленн Гринволд, «насколько гнетуща эта американская система содержания заключенных, насколько ненадежны свидетельства, на которых зиждутся обвинения… идея, что правительство может отправлять людей в тюрьму на всю жизнь, исходя из секретных, непроверенных доказательств, не рассматривавшихся в суде, должна внушить отвращение любому порядочному или хотя бы минимально разумному человеку, однако новые документы демонстрируют, насколько извращена эта неопределенная политика задержания».

11 мая. Правительство США открывает слушания большого жюри в Александрии, штат Вирджиния. Слушания, проводимые в обстановке секретности, должны установить, можно ли привлечь к ответственности WikiLeaks.org и его основателя по закону о шпионаже. В тот же день Джулиану присуждают золотую медаль Сиднейской ассоциации мира за «исключительное мужество в борьбе за права человека».

13 мая. «Международная амнистия» удостаивает WikiLeaks и его медиапартнеров похвалы в своем ежегодном докладе. Организация называет их катализаторами серии восстаний против авторитарных режимов в арабском мире: «2010 год может также запомниться как переломный год, когда правозащитники и журналисты задействовали новые технологии, чтобы говорить правду власти, тем самым добиваясь большего уважения к правам человека».

23 мая. Сальвадорская газета El Faro начинает писать о дипломатических депешах, опубликованных WikiLeaks. Ее статьи проливают свет на переговоры в рамках Соглашения стран Центральной Америки о свободной торговле; депортацию сальвадорских мигрантов из США; попытки бывших боевиков из левой организации FMLN укрепить отношения с Америкой; представления американцев о местных политических фигурах. Вот так начинается статья в El Paro: «В Сальвадоре работают десятки дипломатических представительств, но есть лишь одно посольство, которое нет нужды называть, флаг которого нет нужды описывать… Многие годы высокопоставленные государственные чиновники, лидеры партий и бизнесмены посещали это посольство, чтобы поделиться своими тревогами и личными мнениями с американскими дипломатами, рассказать

о своих тайных политических стратегиях, которыми они ни за что не поделились бы публично с гражданами Сальвадора».

31 мая. В газете Irish Independent начинается освещение депеш, касающихся Северной Ирландии и Ирландской республики. Несколько публикаций имеют отношение к Ирландской республиканской армии; есть депеши из Гондураса, в которых утверждается, что ИРА действует на территории Гондураса. Одна депеша из Дублина, в которой приводятся беседы с бывшими министрами юстиции Ирландии. Например, выясняется, что одного политика из коалиции «Шинн Фейн», уличенного в шпионаже в пользу Британии, а затем убитого, как предполагалось, из мести, на самом деле сдали британцы. В других депешах содержатся подробности, как американские дипломаты участвовали в слежении за ирландскими мусульманами, и утверждается, что ЦРУ использует Ирландию для тайной транспортировки подозреваемых в терроризме.

1 июня. WikiLeaks продолжает привлекать новых медиапартнеров. На этот раз достигнуты договоренности с американским журналом Nation и гаитянской газетой Haïti Liberté о публикации дипломатических депеш, касающихся отношений США с Гаити. В первой депеше показывается, каким образом состоятельная элита Гаити вооружала и размещала полицейских в районах, поддерживавших бывшего президента Аристида, после переворота 2004 года. По сути, полиция использовалась в качестве частной армии. Во второй депеше говорится, что американские дипломаты лоббировали сохранение минимальной зарплаты в Гаити на самом низком уровне и выступали против ее увеличения до пяти долларов в день. Третья депеша подтверждает, что США, как и правительства западных стран, были осведомлены о фальсификациях на гаитянских выборах 2010 года.

2 июня. Джулиан Ассанж получает награду имени Марты Геллхорн в области журналистики за 2011 год. Члены жюри характеризуют Джулиана как «смелого, целеустремленного, независимого – подлинного народного деятеля…», а WikiLeaks описывают как феномен высокотехнологичной эпохи – так и есть. «Однако это и нечто большее. Их стремление к справедливости через прозрачность отражает старейшую традицию журналистики. WikiLeaks создал больше сенсаций, чем большинство журналистов могут себе лишь представить, и эти слова истины вдохновляли людей по всему миру».

21 июня. Депеша из Ватикана, отправленная в ноябре 2002 года, рассказывает, что венесуэльские католические священники сыграли важную роль в попытке переворота против

президента Уго Чавеса в апреле 2002 года, несмотря на призывы самого папы «не кипятиться» и не проявлять политической активности.

2 июля. Джулиан Ассанж выступает в Лондоне со словенским философом Славоем Жижеком и американской журналисткой Эми Гудман. Жижек сравнивает эффект «Кейблгейта» со сказкой Андерсена о новом платье короля: могущество утечек кроется не только и даже не столько в характере информации, которую они раскрывают, сколько в том факте, что эту информацию впервые подтверждают из первых уст и ее уже невозможно отрицать. «Мы все знаем, что король голый, но все меняется именно тогда, когда кто-то заявляет об этом».

13 июля. Биологический отец Джулиана Джон Шиптон едет в Лондон, чтобы поддержать своего сына на новых слушаниях по вопросу о его экстрадиции. Он описывает Джулиана как «великого диссидента…»: «В мире множество умных людей, но большинство выглядят безнравственными, тогда как Джулиан, похоже, имеет моральную смелость и способность нести миру свое видение. Им, мне кажется, руководит грандиозное стремление к справедливости во всем мире».

1 сентября. Становится известно, что зашифрованный архив неотредактированных депеш американских дипломатов – исходный материал для совместных публикаций WikiLeaks и национальных средств массовой информации в течение последнего года – можно скачать в торрент-сетях; ключ для расшифровки архива также доступен. WikiLeaks обвинил в утечке данных репортера Guardian Дэвида Ли, опубликовавшего этот ключ в своей книге. Guardian в свою очередь отвечает, что вина лежит на WikiLeaks: его сотрудники не предупредили журналистов, что это конфиденциальная информация, журналисты считали, что ключ временный.

22 сентября. Издательство Canongate публикует «неавторизованную» автобиографию Джулиана Ассанжа. Джулиан остается под домашним арестом в Норфолке.

2 ноября. Высокий суд оставляет в силе решение об экстрадиции Джулиана Ассанжа и отклоняет все попытки апелляции со стороны его адвокатов. Суд обязывает Ассанжа выплатить издержки в размере 19 тысяч фунтов.

1 декабря. WikiLeaks вместе со своими партнерами начинает публиковать «Шпионские файлы» (Spy Files) – коллекцию документов о работе частных разведывательных компаний. «Это похоже на сюжет голливудского фильма, однако сегодня системы массового перехвата информации, созданные подрядчиками западных разведок, в том числе для слежки за „политическими

оппонентами“, уже стали реальностью», – говорилось в пресс-релизе на сайте WikiLeaks. В документах рассказывается о технологиях, позволяющих взламывать мобильный телефон и записывать все, что происходит вокруг; об оборудовании для записи телефонных переговоров всей страны и местоположения всех мобильных телефонов в городе; как западные компании продают эти технологии правительствам Китая и Ирана.

5 декабря. Высокий суд не разрешает Джулиану Ассанжу подать апелляцию в Верховный суд, но признает, что его дело имеет высокую общественную значимость. После этого сам Верховный суд разрешает подать апелляцию и назначает слушания на начало февраля.

24 февраля 2012 года. Британский суд разрешил экстрадицию Джулиана Ассанжа в Швецию. Его адвокаты подали апелляцию на решение лондонского суда. Представители Высокого суда Лондона заявили, что получили соответствующие бумаги, но день проведения слушаний по апелляции еще не назначен.

28 февраля. Сайт WikiLeaks опубликовал первую часть из 5 млн документов американской разведывательно-аналитической компании Strategic Forecasting (Stratfor), которую также называют теневым ЦРУ. Письма, написанные между июлем 2004 года и декабрем 2011 года, выявляют сеть информаторов Stratfor, структуру и технику оплаты, психологические методы. Более 4 тысяч электронных писем касаются Wikileaks и его основателя Джулиана Ассанжа.

18 марта. Джулиан Ассанж заявил о своем намерении баллотироваться в австралийский сенат. Он имеет право участвовать в выборах в парламент Австралии, находясь при этом под домашним арестом в Великобритании, так как родился и вырос в Австралии.

Новости о работе WikiLeaks можно узнать:
WikiLeaks.org
twitter.com/wikileaks

notes

Примечания

1

Подобной фразы у Экзюпери нет; это краткое изложение его рассуждений, взятых из романа «Цитадель», о природе человеческих возможностей и творческом потенциале, см. *Антуан де Сент-Экзюпери*. Цитадель / Пер. с фр. Марианны Кожевниковой. М.: АСТ, 2003. *Здесь и далее примеч. переводчика*.

2

«Прошлое – это другая страна: там все иначе» – эта расхожая фраза принадлежит Лесли Хартли и открывает его роман The Go-Between (Л. П. Хартли. Посредник. СПб.: Северо-Запад, 1993).

3

Мэннинг Брэдли – военнослужащий армии США; обвинялся в предоставлении WikiLeaks секретной военной информации.

4

«Приговоренный к смерти бежал, или Дух дышит, где хочет» – подлинная история побега участника французского Сопротивления из гитлеровской тюрьмы. Приз Каннского фестиваля за лучшую режиссуру (1957).

5

«Барбарелла» – научно-фантастический фильм Роже Вадима (1968) о женщине-астронавте, искательнице сексуальных приключений, путешествующей по Вселенной.

6

«Документы Пентагона», или «Бумаги Пентагона» – секретный сборник документов «Американо-вьетнамские отношения, 1945–1967: Исследование», подготовленный Министерством обороны США; из представленных фактов следовало, что США намеренно обостряли ситуацию для эскалации вьетнамской войны. Дэниел Эллсберг – аналитик госдепартамента США, который незаконно скопировал часть этих документов и обнародовал их сначала в газете New York Times (1971), а позже отдельным изданием (The Pentagon Papers. New York: Bantam Books, 1971). «Документы Пентагона» были полностью рассекречены в 2011 году.

7

Бланкетт Дэвид – министр внутренних дел Великобритании (2001–2004); Эшкрофт Джон – генеральный прокурор США (2001–2005).

8

Норт Оливер – сотрудник администрации Рейгана, заместитель директора аппарата Совета национальной безопасности США; замешан в скандале «Иран-контрас», инициатор финансирования никарагуанских повстанцев за счет тайных поставок оружия в Иран.

9

Дословно заголовок статьи переводится как «Убить Ассанжа?», но может быть другой вариант, сохраняющий игру слов: «Ассасины для Ассанжа?» Ср. *assassinate* (убить по политическим или идейным мотивам; совершить террористический акт) и *assassin* (наемный убийца); восходит к слову *ассасины* (употребляющие гашиш) – так в Средние века стали называть фанатиковмусульман, совершавших убийства по политическим и религиозным мотивам.

10

А. Солженицын. Раковый корпус. Лондон: Flegon Press, 1968. С. 381.

11

«Кейблгейт» – так по аналогии с «Уотергейтом» мировые средства массовой информации назвали важнейшую публикацию WikiLeaks: зашифрованные депеши американских посольств со всего мира (*cable* – телеграмма, шифрограмма); см. об этом в гл. 14.

12

Ladybird – британское издательство, выпускающее развивающие книжки-игрушки для малышей; Тарзан – герой романов американского писателя Эдгара Берроуза; Доктор Сьюз – псевдоним Теодора Гейзеля, американского детского писателя и мультипликатора; «Скотный двор» – повесть-притча английского писателя Джорджа Оруэлла.

13

Штайнеровская, или вальдорфская, система образования (основатель Рудольф Штайнер) предполагает, что каждый ребенок развивается и учится в своем собственном темпе. Процесс обучения подчинен основной идее: развитию фантазии детей и их духовному росту.

14

Аллюзия на песню Down The Mississippi Line (1970) британской рок-группы Christie.

15

Auld Lang Syne – шотландская застольная песня на стихи Р. Бёрнса (1788), очень популярная в англоязычных странах, где ее поют при встречах друзей и Нового года.

16

Thursday Island – по современным атласам известен как остров Четверга.

17

Хитклифф – главный герой романа Эмили Бронте «Грозовой перевал» (1847); стал собирательным образом людей романтического, трагического и мстительного склада.

18

Роман английского писателя Уильяма Голдинга (1954).

19

Тьюринг Алан Мэтисон (1912–1954) – английский математик, логик и криптограф; оказал большое влияние на развитие информатики.

20

«Мир, перевернутый вверх дном» (The World Turned Upside Down) – 1) английская протестная баллада, созданная в 1643 году; 2) книга, вышедшая в 1972 году, автор – Хилл Кристофер (1912–2003), британский историк-марксист, специалист по Английской революции; *«непокорные»* (*masterless men* – букв. «люди, не имеющие хозяина») – исторический термин, относящийся к эпохе XVI–XVII веков.

21

Эрбери Уильям (1604–1654) – валлийский священник и богослов.

Дж. Мильтон. Ареопагитика. Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии (1644) / Пер. с англ. под ред. П. Когана (СПб., 1907) // История печати. Т. I. М.: Аспект Пресс, 2001.

23

Прямая цитата из Библии: «…бурный ветер шел от севера…» (Иез. 1: 4).

24

Келли Эдвард (1845–1880) – австралийский разбойник, прославившийся ограблениями банков и убийствами полицейских; казнен через повешение; в народной памяти остался как благородный разбойник и символ сопротивления колониальным властям.

25

Шифропанки (cypherpunks) – люди, уделяющие чрезвычайное внимание анонимности и увлеченные криптографией. Среди них были создатель протокола шифрования PGP Филипп Циммерманн, создатель BitTorrent Брэм Коэн и другие деятели компьютерной индустрии. Расцвет движения пришелся на 1997 год, но многие его идеи используются и сейчас.

26

Пейн Томас (1737–1809) – англо-американский публицист, писатель, философ; за свои идеи прозван «крестным отцом американской нации».

27

Сикофант (др. – гр.) – доносчик, клеветник, шантажист.

С. Дрейфус. Компьютерный андеграунд. История о хакинге, безумии и одержимости. М.: У-Фактория, 2003.

29

Пинтер Гарольд (1930–2008) – английский драматург, поэт, режиссер; лауреат Нобелевской премии по литературе (2005).

30

А. Солженицын. Раковый корпус…, с. 25.

31

Речь идет о знаменитом деле Альфреда Дрейфуса, еврейского офицера французской армии, обвиненного в шпионаже в пользу Германии. Процесс над ним (1894–1906) продемонстрировал, насколько сильны были антисемитские настроения в Европе. «Я обвиняю» – публичное письмо писателя Эмиля Золя, в котором утверждалось, что обвинение против Дрейфуса сфабриковано военными властями.

32

Шапочки из фольги – приспособление самых разных конфигураций, сделанное из нескольких слоев фольги, которая в фантазиях определенной категории людей обладает способностью защищать от «голосов» и препятствовать спецслужбам, правительственным учреждениям, инопланетянам, космическим лучам и другой нечисти управлять сознанием человека.

33

У. Шекспир. Юлий Цезарь. Акт второй, сцена III (перевод П. Козлова).

34

По аналогии с семантическим рядом: «суд последней инстанции», «кредитор последней инстанции» и даже «истина в последней инстанции».

35

Хомский Ноам (р. 1928) – американский лингвист, философ, политический теоретик и публицист; известен радикально левыми взглядами, критикой политики США и западных правительств; признан одним из самых влиятельных умов современности.

36

Тюрьма в заливе Гуантанамо на Кубе, в которой власти США размещали в основном людей, обвиняемых в терроризме и ведении войны на стороне противника в Афганистане и Ираке; действует с 2002 года.

37

Тюрьма к западу от Багдада; при режиме Саддама Хусейна использовалась для содержания, пыток и казней политических оппонентов режима; после вторжения в Ирак сил США и западной коалиции в тюрьме стали содержать иракцев, обвиненных в преступлениях против сил коалиции.

38

Древний иракский город, считавшийся одним из центров сопротивления во время войны 2003–2004 годов; в результате нескольких штурмов армии США значительная часть города была разрушена.

39

К. Бликсен. Прощай, Африка! / Пер. с англ. М. Ковалевой. СПб.: Лимбус Пресс, 1997. В оригинальной версии Ассанж говорит об Исаке Динесене, на самом деле – это псевдоним датской писательницы Карен Бликсен; ее автобиографический роман Out of Africa (1937) несколько раз выдвигался на Нобелевскую премию; по нему был снят один самых известных фильмов Сидни Поллака «Из Африки» (1985), получивший семь премий «Оскар».

40

Национальный альянс Радужной коалиции – коалиция кенийских политических партий, формировавших правительство в 2002–2005 годах; после была преобразована в лояльную Кибаки партию «НАРК-Кения».

41

Домшайт-Берг ушел из WikiLeaks летом 2010 года, часть файлов проекта он забрал с собой, а часть, которые, по его словам, могли угрожать безопасности источников, уничтожил. Домшайт-Берг основал сайт OpenLeaks.org – аналог WikiLeaks. Причины конфликта с Ассанжем он подробно изложил в своей книге (Д. Домшайт-Берг. WikiLeaks изнутри. М.: Астрель, 2011); среди прочих претензий и обвинений, которые автор обрушивает на Ассанжа, есть одно очень личное: будто тот своим садистским поведением вызвал психоз у кота Берга.

42

Первая поправка к Конституции США как часть Билля о правах гарантирует, что американские власти не будут утверждать какую-либо государственную религию, запрещать свободу вероисповедания, посягать на свободу слова и свободу прессы, ограничивать свободу собраний; ратифицирована в 1797 году.

43

Субстандартный кредит, или низкокачественный кредит – кредит, выданный неплатежеспособному лицу или лицу с плохой кредитной репутацией.

Программа ООН, в рамках которой Ирак мог торговать нефтью на мировом рынке, покупая на эти поступления продовольствие, лекарства и другие товары широкого потребления. Поступления не позволялось тратить на укрепление вооруженных сил. Средства за продаваемую нефть перечислялись на депозитный счет в банке BNP Paribas, откуда выплачивались репарации Кувейту и средства на работу ООН в Ираке, а остальные средства направлялись на покупку товаров. При поставке товаров по этой программе были обнаружены многочисленные злоупотребления и случаи взяток.

45

Ассанж путает: с апреля 2009 года премьер-министром Малайзии был Наджиб Тун Разак; Махатхир Мохамад руководил страной в 1981–2003 годах.

46

«Поколение убийц» (Generation Kill) – американский телесериал (2008) о первых двух месяцах войны в Ираке, снятый по мотивам книги журналиста Ивэна Райта.

47

«Старый школьный галстук» (old school tie) – отличительный знак, который указывает на принадлежность человека к элите, на его крепкие и могущественные связи; такой галстук носят выпускники привилегированных школ или престижных университетов, образующие «сеть старых друзей».

48

Разлом Сан-Андреас – самый протяженный (1300 км), глубокий (16 км) и самый активный в мире; образовался в результате столкновения тихоокеанской и североамериканской плит, пересекает весь штат Калифорния и уходит в океан под Сан-Франциско; с ним связаны разрушительные землетрясения и опасения будущих катастроф; «герой» множества фильмов, песен и видеоигр.

49

Вануну Мордехай – техник-ядерщик, в 1986 году раскрывший миру существование израильской ядерной программы. Израильская разведка похитила его в Риме с помощью женщины – «агента-приманки» – и отправила в Израиль, где он был осужден за государственную измену.

50

Уилкс Джон (1725–1797) – британский публицист и политик, радикальный мыслитель, поборник народной свободы; разработал проект парламентской реформы и добился обязательной публикации стенограмм парламентских заседаний, требовал прекращения войны с североамериканскими колониями.